Олешков М.Ю.

Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект

Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / авт.-сост. М.Ю. Олешков: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2006. - 146 с.

ВВЕДЕНИЕ

Современная высшая школа готовит специалистов по новым образовательным направлениям, которые с полным правом могут быть названы междисциплинарными (связи с общественностью, социальная работа, культурология, регионоведение, и т.п.). Специальности традиционного филологического цикла сегодня также включают в себя прикладной аспект (лингвистика и межкультурная коммуникация, лингвистика и психолингвистика, когнитология, информациология и т.п.). Расширяются исследовательские программы, связанные с изучением особенностей общения в производственной, политической, образовательной, медицинской и других социальных сферах. Все эти направления связаны с обеспечением информационных потоков в современном обществе как на межличностном, так и на глобальном уровне, как с помощью традиционных (устная речь, печатный текст), так и современных (телевидение, интернет) средств.

Теоретическим стержнем, вокруг которого группируются дисциплины данного профиля, является теория коммуникации и ее «прикладная» составляющая – функциональная лингвистика.

Исследование функциональной лингвистикой и лингвистической прагматикой такого многомерного объекта, как речевая коммуникация, ставит перед лингвистами ряд вопросов, касающихся сущности самого процесса взаимодействия: кто является субъектом коммуникативного процесса, что является содержанием интеракции, какова роль исследователя (наблюдателя) и каким образом его присутствие влияет на протекание процесса коммуникативного взаимодействия. Взгляд на речевую деятельность как на взаимодействие предполагает исходным субъектно-субъектный аспект лингвистического анализа.

Речь имеет многофакторную природу. При анализе речевого процесса необходимо учитывать такой фактор, как связь речи с целостной когнитивной и эмоционально-личностной сферой говорящего («говорящий субъект», «языковая личность»). Как известно, в исследованиях, опирающихся на теорию речевых актов, в моделях разных видов дискурса исходным в описании является целевое назначение речи, а ее организация предстает как последовательность шагов — речевых актов, ведущих к решению соответствующих коммуникативных задач.

Речь входит в состав более широкой (общей) деятельности как целенаправленной активности, и одним из оснований ее анализа является общая схема разноуровневых взаимоотношений деятельности, действий, операций в их связях с мотивами, целями, условиями, разработанная в рамках деятельностного подхода. Фактически, человек говорит потому, что хочет нечто выразить, а чтобы сказанное было адекватно воспринято, он должен принимать в расчет адресата. Направленность на адресата — необходимая интенциональная составляющая вербальной коммуникации.

Отсюда важным в методологическом отношении является факт интеграции языковой личности (каждого из коммуникантов) и ее социальной деятельности в одну функциональную цельность посредством комплекса свойств и установок, которые могут быть определены как «коммуникативное состояние субъектов». В такой комплекс включены такие компоненты языковой личности, как когнитивный, операциональный, интенциональный, компонент личностного опыта (знания о мире) и др.

Во многом определяющим в функциональной системе речевого общения является социальная сфера активности коммуникантов. Разграничение социальных сфер деятельности субъектов на производственно-институционную, обслуживания, семейно-бытовую, досуга, окказиональную (однократная встреча с другим человеком) обусловливает уровень конвенциональности, стереотипности, ритуализации, клишированности речевого взаимодействия, а также степень «жесткости» социального контроля.

В процессе устной интеракции коммуниканты (адресант и адресат) находятся в непосредственном контакте друг с другом, выступая одновременно и в качестве отправителя, и в

качестве реципиента сообщаемого. При взаимодействии друг с другом они, меняясь ролями, постоянно контролируют все релевантные параметры коммуникативной ситуации и адекватно реагируют на происходящие в ней изменения, приводя в соответствие с ее требованиями свой вербальный и невербальный вклад в интеракцию для поддержания коммуникативного баланса. В этом смысле можно говорить о взаимной «ответственности» участников интеракции за результаты коммуникативного взаимодействия, обусловленной их совместным - целенаправленным и контролируемым - вкладом в этот процесс. Эти процессы в их взаимообусловленности и рассматривает функциональная лингвистика.

1. ФУНКЦИОНАЛИЗМ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

1.1. Функциональная лингвистика.

Лингвистическим функционализмом называется направление в языкознании, представители которого считают, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к функциям языка. Основная идея функционализма — в объяснении языковой формы ее функциями.

Термин «функциональная лингвистика» используется в нескольких смыслах. В наиболее узком смысле он употребляется по отношению к Пражской лингвистической школе. Согласно телеологическому принципу (Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, С. О. Карцевский) язык как целенаправленная знаковая система средств выражения предназначен для выполнения определенных функций (прежде всего, - коммуникативной). Такой взгляд обусловил развитие функционального подхода в описании различных лингвистических явлений - от фонологии до семантики. Исследование социальной функции привело к развитию теории функциональных стилей (разновидностей литературного языка, используемых в определенных социальных условиях), а также к возникновению теории актуального членения предложения.

Функциональная лингвистика как направление в широком смысле (функционализм) выходит за рамки структурализма и основывается на положении о том, что языковая система и ее составляющие подвержены влиянию и, более того, формируются под воздействием функциональных требований. Таким образом, задача функционализма состоит в объяснении языковой формы через ее функцию. В этом смысле функционализм противопоставлен формализму, постулирующему языковую структуру независимо от каких-либо функций и отрицающему влияние функций и коммуникативных целей на систему языка. Наиболее влиятельным представителем формализма является Н. Хомский с его генеративной грамматикой. Основной недостаток функционализма, по мнению представителей формальной грамматики, заключается в нечеткости понятия "функция" в целом и "коммуникативная функция" в частности.

Следует учитывать, что противопоставление между формализмом и функционализмом не является элементарным.

Функционалисты в отдельных случаях формализуют свои результаты, но не считают формализацию главной целью лингвистического исследования. Формалисты объясняют языковые факты без апелляции к языковым функциям, а ориентируются на аксиомы, которые сформулированы Н. Хомским. Фактически, под сомнение ставится сам приоритет коммуникативной функции языка. Такая критика не отрицает функционального подхода, а лишь показывает его ограниченность и необходимость рассмотрения других языковых функций.

Итак, 1) функционализм в целом не отрицает существования самостоятельной языковой системы или «языковой формы», а лишь утверждает, что она подвержена функциональному воздействию; 2) функционализм не отвергает формальных методов описания. Другими словами, отношение к формальным методам не связано с основным пунктом противостояния функционализма и формализма - отношением к роли функции языка и к влиянию функции на языковую систему.

Основные принципиальные отличия функционализма от генеративной грамматики могут быть сформулированы следующим образом.

1. Функционализм — это принципиально типологически ориентированная лингвистика. Функционализм не формулирует никаких априорных аксиом о структуре языка, а интересуется всем объемом фактов естественных языков. Даже те функциональные работы, которые имеют

дело с каким-то одним языком (будь то русский, английский или какой-либо «экзотический» язык), как правило, содержат типологическую перспективу, то есть помещают факты рассматриваемого языка в пространство типологических возможностей. В этом контексте всю историю генеративной грамматики последней четверти XX века следует рассматривать, как поиск возможностей найти соответствие материала типологически разнородных языков с концептуальными положениями «Универсальной грамматики» Н. Хомского, сформулированными в 1950-60-х гг.

2. Вторая, более общая характеристика функционализма, — эмпиризм, тенденция к анализу больших объемов данных, полученных в процессе наблюдения за функционированием языка в коммуникативном пространстве социума (ср., например, корпусы разговорного языка, используемые У. Чейфом и С. Томпсон). При этом «прикладной» характер таких исследований не отрицает теоретических обобщений, и, в итоге, многие функциональные работы представляют собой целые лингвистические теории.

3. Функционализм активно использует количественные методы — от простых подсчетов (Т. Гивон) до статистики в полном объеме (Р. Томлин).

4. Функционализм как направление имеет междисциплинарную основу. Исследования проводятся «на стыке» с психологией (У.Чейф, Р. Томлин), социологией (С. Томпсон), статистикой (М. Драер), историей и естественными науками (Д. Николс). Эта тенденция характерна для многих гуманитарных парадигм XX-XXI веков.

Дискуссии между формалистами и функционалистами имеют большое значение для развития прежде всего американской лингвистики, где позиции формализма особенно сильны. Именно для американских функционалистов характерно философское и методологическое осмысление недостаточности формального подхода к языку (Р. Д. Ван Валин, Т. Гивон, С. Томпсон и другие). Европейская же лингвистика (и российская в частности) находится в сфере влияния структурализма, основные направления которого развивают функциональный принцип описания языка. Тем самым функциональный подход является для нее если не обязательным, то, по крайней мере, естественным.

Как лингвистическое направление функционализм изучает языковую форму. Но в рамках своей концептуальной специфики исследователи-функционалисты считают, что языковая форма в принципе мотивирована языковыми функциями, то есть, адаптирована к функциям, выполняемым языком. Таким образом, один из ключевых вопросов функционализма — это вопрос об автономности языковой формы. При этом, по уровню «радикальности», можно выделить три уровня «обособленности» функционального направления от формального.

1. «пограничный», или консервативный, уровень, при котором функциональный анализ рассматривается как некоторый «довесок» к формальному анализу.
2. «умеренный» уровень, при котором исследуется в основном грамматика, считающаяся относительно автономной структурой, мотивированной определенными функциями;
3. «радикальный» уровень, в рамках которого функционалисты считают, что грамматика может быть сведена к дискурсивным факторам.

Рассмотрим некоторые концептуальные положения функциональной лингвистики, наиболее общим постулатом которой является мнение о том, что язык устроен в соответствии со своей коммуникативной функцией.

Так, Сандра Томпсон, отмечает: «Несомненно, что грамматика мотивирована в значительной степени функциональными обстоятельствами <...> Ключевая черта функционализма — это признание того, что принципы, лежащие в основе устройства языковой системы, производны от «экологического контекста», в котором функционирует язык» (Thompson I991: 93).

Принцип мотивации грамматики дискурсивным употреблением может быть проиллюстрирован следующей цитатой: «Если мы хотим понять, почему грамматические модели работают гак, как они работают, мы должны обратиться к тому, как язык используется говорящими в обычном бытовом диалоге. <...> С методологической точки зрения важно отметить, что говорящие абсолютно ничего не подозревают о факторах. влияющих на их

собственное употребление. <...> Только глядя на естественный дискурс, а точнее — разговорный дискурс, мы можем выяснить дистрибутивные модели, непосредствено связанные с вопросом о том, как возникают интересущие нас грамматические модели» (Thompson, Mulac 1991: 250).

Важным для функционалистов представляется корреляция формы и прагматики. Так, принцип дискурсивной мотивации может быть обоснован частотностью использования коммуникантами той или иной формы, что сформулировано в крылатом высказывании Джона ДюБуа: «что говорящие делают чаще, то грамматика кодирует лучше» (DuBois 1985). Джон Хэйман декларирует принцип экономии: при прочих равных условиях выбираются более экономные, более короткие формы. «Произвольность грамматической структуры по большей части обусловлена существованием равновероятных мотиваций, таких, как иконизм и экономия, которые находятся в отношении конкуренции за выражение в рамках одной и той же языковой оси» (Haiman 1983: 781).

В функциональном направлении исследований широко используется диахронический подход. Та или иная модель устроена так, как она устроена, потому, что она произошла из некоторой другой модели. Например: «Чтобы узнать, почему суффиксы встречаются чаще, чем префиксы, следует иметь в виду, что позиция нового аффикса определяется позицией соответствующего элемента до того, как он стал аффиксом» (Bybee 1988: 375).

Таким образом, обращение к прагматической природе функционирования языка является определяющим в современных направлениях функциональной лингвистики. «Поскольку грамматика рождается (emerges) из конкурирующих мотиваций, коренящихся в когнитивной и прагматической организации человеческого взаимодействия, то наиболее разумный подход к объяснению грамматики, как кажется, — пытаться понять когнитивные и прагматические принципы, а также принципы «рутинизации», от которых зависят силы, формирующие грамматику» (Thompson 1991:96).

1.2. Функциональная грамматика

Исследования грамматического строя естественных языков, основанные на функциональном принципе, получили название функциональной грамматики. Описание грамматики строится исходя из содержания и назначения языковых единиц. Подобного рода исследования представлены в работах Ф. Брюно, О. Есперсена и других. Теоретическую основу функциональной грамматики заложил и развил С. Дик, который говорит о различных видах адекватности грамматики — психологической, типологической и прагматической.

Оригинальную теорию функциональной грамматики развивает А. В. Бондарко. Центральным понятием данной теории является функционально-семантическое поле. Это система языковых единиц, категорий и других явлений, объединенных на основе общности функций, обусловленных определенной семантической категорией.

Современная лингвистика рассматривает текст как результат взаимодействия множества разнородных факторов лингвопрагматического, стилистического, психологического, этнокультурного и социокультурного характера, поэтому оптимальная смысловая интерпретация текста/дискурса может быть осуществлена только при выявлении всех этих факторов.

При этом преобладающими должны быть системно-языковые факторы, рассматриваемые в особом аспекте, в особой перспективе - с учетом их функций (в направлении от функции к средствам). Описанная в таком аспекте языковая система и является функциональной грамматикой и, как разновидность грамматики, может быть определена как часть функциональной лингвистики, которая «рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций» (Бондарко 1990: 565).

Система языка может быть описана двояко: 1) как система форм, соотнесенных с системой значений (функций), или 2) как система значений (понятий, семантических конфигураций, семантических полей), сопоставляемая с разноуровневыми языковыми формами.

В то же время, систематическое описание грамматики языка не может быть последовательно семантическим (ориентированным в направлении от значения к форме) или последовательно формальным. Это обусловлено как асимметрией языкового знака, так и тем обстоятельством, что в реальной речевой деятельности ни говорящий, ни слушающий подобным образом не действуют.

Воспринимая (интерпретируя) текст, мы анализируем языковые формы, стремясь реконструировать семантические структуры, имевшиеся в сознании говорящего, автора текста. Мы как будто «идем» от формы к значению, но такое представление так же неточно, как и мнение, будто говорящий последовательно идет от значений (некоторых конфигураций значений) к формам.

Если у говорящего есть возможность выбора языковых форм, то у слушающего есть свобода семантических интерпретаций. Но свобода эта ограничена. Говорящий так же «привязан» к языковым структурам, как и слушающий, а слушающий, если он подчиняется конвенциям речевого общения, всегда стремится понять, что имеет в виду говорящий. Оба участника коммуникации строят, порождают текст, последовательность знаков, соотнесенную с тождественными в целом (но не в деталях, не в оттенках) семантическими структурами.

Адресат, воспринимая текст, всегда ставит себя на место говорящего. В свою очередь, говорящий, реализуя свою систему интенций, обязательно принимает во внимание потребности и цели адресата. Оба используют язык как систему форм, обусловленную системой значений.

По словам У. Чейфа, «продвигаясь от своего первоначального понятия к высказыванию», говорящий принимает во внимание «как понятийные, так и синтаксические соображения» (Чейф 1975: 7-8).

Авторы русской академической грамматики, строящие описание «от формы к значению», отмечают, что «характеристики значений грамматических единиц всех уровней составляют неотъемлемую часть этого описания», т.е. «обязательно входят в их первичные определения», (Русская грамматика 1980: 9-10).

Таким образом, функциональный подход вовсе не предполагает недооценки формально-грамматических аспектов. По словам Г.А.Золотовой, «понятие "коммуникативный"... не противопоставляется понятию "конструктивный", поскольку в синтаксисе нет конструкций, не предназначенных участвовать тем или иным способом в процессе коммуникации...» (Золотова 1982: 3-4).

Итак, выбор функционального метода, несмотря на кажущееся удобство «формально-грамматического» описания языковых явлений, определяется природой языка как знаковой системы. «Функциональный метод исходит из презумпции функциональной обусловленности языковой формы» (Кибрик 1982: 20).

По словам А.В. Бондарко, «у функциональной грамматики есть свой предмет - функционирование грамматических единиц (форм и конструкций) и взаимодействующих с ними языковых средств в высказывании. Функционально-грамматическое исследование стремится раскрыть особого рода систему... - систему взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста, систему закономерностей и правил функционирования языковых средств, служащих для передачи смысла высказывания» (Бондарко 1983: 3). В этом аспекте определяющим является понятие функционально-семантического поля, которое трактуется как «базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и "строевых" лексических, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» (Теория функциональной грамматики 1987: 11). При этом функциональная грамматика в своем развитии все более ориентируется на исследование речевых произведений (высказываний, сверхфразовых единств, связных текстов), стремясь раскрыть механизмы реализации семантических, структурных, прагматических, стилистических и иных функций языковых единиц. Поэтому, как отмечает, В.А.

Мишланов, «вариант функциональной грамматики, базирующийся на понятии функционально-семантического поля, оказывается, на наш взгляд, одним из наиболее действенных и перспективных для разработки общей методологии и частных методик комплексного семантического анализа текста (дискурсивного анализа, ставящего целью выявить все компоненты смысла речевого произведения того или иного жанра)» (Мишланов 2005: 181).

Таким образом, для адекватной интерпретации текста/дискурса необходимо: 1) выявить сигнификативные, денотативные и референциальные значения языковых выражений, включая стилистические, эмоциональные и оценочные коннотации; 2) определить временные и пространственные границы описываемых событий; 3) учесть анафорические отношения, присущие как простому предложению (высказыванию), так и тексту в целом; 4) оценить отношения между коммуникантами (участниками ситуации) и характер интенциональности взаимодействия в процессе речевого акта; 5) выявить имплицитные смыслы высказываний (пресуппозиции), а также связи, включающие данный текст в интертекстуальное пространство на уровне дискурсивного и герменевтического анализа. Для осуществления этого пречня операций функциональная грамматика использует систему языковых средств и категорий, таких, как темпоральность, аспектуальность, таксис. модальность, определенность/неопределенность, нереальность. бытийность, локативность и др.).

Следует отметить, что сегодня функциональная грамматика не замыкается на грамматическом уровне, и именно поэтому она способна не только перечислить все основные (узуальные) синтаксические формы, присущие коммуникативной ситуации того или иного типа, но и выявить коммуникативные, структурные и иные признаки, опираясь на которые адресат речи адекватно воспринимает смысл высказывания

1.3. Лингвопрагматика.

1.3.1. Прагматика. Функциональная система речевого общения

Впервые о прагматике писал Чарлз Сандерс Пирс в XIX веке, а ее основные параметры применительно к философии прагматизма сформулировал в 1920-е годы Чарлз Моррис. Однако современная лингвистически ориентированная прагматика развивается скорее под влиянием идей позднего Л. Витгенштейна и теории речевых актов.

Прагматика (из греч. прагма — дело, действие) пришла в лингвистику из семиотики — теории знаковых систем, представленной (по Ч. Моррису) тремя ветвями: семантикой, синтактикой, прагматикой. Семантика изучает отношение знака к объектам действительности (значение знака), синтактика — отношение между знаками (связь знаков), прагматика — отношение к знаку того, кто его использует (знак и человек). Широкое определение лингвистической прагматики дал Ю. Д. Апресян: «Под прагматикой мы будем понимать закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» (Апресян 1988).

Прагмалингвистика (лингвистическая прагматика) как область лингвистических исследований устанавливает в качестве своего объекта отношение между языковыми единицами и реальными условиями их употребления в коммуникативном пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий и слушающий/читающий. При этом важное значение приобретают такие параметры и характеристики ситуации общения, как место и время речевого взаимодействия, цели и ожидания коммуникантов и др. Фактически, лингвопрагматика ввела в описание языка акциональный (деятельностный) аспект.

Лингвистическая прагматика тесно связана с социолингвистикой и психолингвистикой, с философией естественного языка, теорией речевых актов, функциональным синтаксисом, лингвистикой текста, анализом дискурса, теорией текста, конверсационным анализом,

этнографией речи, а также (в последние годы) с когнитивной наукой, с исследованиями в области искусственного интеллекта, общей теорией деятельности, теорией коммуникации.

В лингвопрагматике можно выделить два течения: а) ориентированное на систематическое исследование прагматического потенциала языковых единиц (текстов, предложений, слов, а также явлений фонетико-фонологической сферы) и б) направленное на изучение взаимодействия коммуникантов в процессе языкового общения.

Представители первого направления рассматривают вопросы об установлении границ между семантикой и прагматикой (Ханс-Хайнрих Либ, Роланд Познер, Дж. Р. Серль, Петр Сгалл, Н.П. Анисимова). Исследуются значения языковых единиц, топикализация условия истинности пропозиций/высказываний и их связь с контекстом и др., но не затрагиваются проблемы речевых функций языковых высказываний и ситуационно обусловленная сторона выраженных в них пропозиций.

Второе направление лингвистической прагматики в начале 70-х годов XX века смыкается с теорией речевых актов. Проявляется интерес к эмпирическим исследованиям в области конверсационного анализа, к конверсационным максимам Г. П. Грайса. Особое внимание уделяется правилам и конвенциям языкового общения, организующим чередование речевых ходов коммуникантов в диалоге, структурирование и упорядочение в смысловом и формальном аспектах линейно развертывающегося дискурса, определяющий отбор языковых средств и построения высказываний в соответствии с требованиями количества, качества и релевантности передаваемой информации, адекватного способа ее передачи, учета статусных ролей коммуникантов и др.

Исследования в области лингвистической прагматики имеют интернациональный характер и отличаются исключительной многоаспектностью (П. Вацлавик, Г. П. Грайс, Д. Хаймз, Р. Ч. Столнейкер, Д. Вундерлих, Д. Вандервекен, Т.А. ван Дейк, Дж. Лич, Я. Мей, И. П. Сусов, В. В. Богданов, Л. П. Чахоян, Г. Г. Почепцов, Ю. С. Степанов, Т. В. Булыгина, Н. Д. Арутюнова, Е. . Падучева, А. Е. Кибрик, И. М. Кобозева, А.А. Романов, С. А. Сухих, М. Л. Макаров, В.И. Заботкина и др.).

Принципиально значимым для исследования прагматикой коммуникативных процессов является сам подход. В настоящее время различают два модуса рассмотрения исследуемых явлений: каузальный и телеологический. Каузальный подход присущ системно-структурному языкознанию, область исследования которого характеризуется статичностью.

Телеологический подход предполагает интегративную стратегию, опирающуюся на критерий совместности, что соответствует задачам коммуникативно-прагматического языкознания, динамической лингвистике. При этом выявленные переменные процесса коммуникации являются следствием декомпозиции - вычленения в функциональной системе речевого общения компонентов, т.е. подсистем, которые влияют на организацию дискурсивной деятельности и структуру текста как информационного следа этой деятельности.

Действительно, исследование лингвистической прагматикой такого многомерного объекта, как речевая коммуникация, ставит перед лингвистами ряд вопросов, касающихся как сущности самого процесса взаимодействия (кто, зачем и как участвует в интеракции), так и содержания (что сообщается) и позиции наблюдателя (кто является исследователем и каким образом его присутствие влияет на протекание процесса).

В частности, генерализация содержания (что?) приводит к трактовке речевой деятельности как воздействия, в основе которого субъектно-объектные отношения. Взгляд на речевую деятельность как на взаимодействие (кто? как? зачем?) предполагает исходным субъектно-субъектный аспект.

Речь имеет многофакторную природу. При анализе речевого процесса необходимо учитывать такой фактор, как связь речи с целостной когнитивной и эмоционально-личностной сферой говорящего («говорящий субъект», «языковая личность» (Караулов, 1995) и др.). Как известно, в исследованиях, опирающихся на теорию речевых актов (см. ниже), в моделях разных видов дискурса исходным в описании является целевое назначение речи, а ее организация предстает как последовательность шагов — речевых актов, ведущих к решению соответствующих

коммуникативных задач. Указание на иерархичность интенциональной структуры речи имеет место в материалах исследований по дискурсивной психологии (Edwards, Potter, 1992 и др.).

В речи, как правило, выражается целостное интенциональное состояние говорящего. При этом проявляющиеся интенции скоординированы между собой и иерархичны. Речь входит в состав более широкой (общей) деятельности как целенаправленной активности, и одним из оснований ее анализа является общая схема разноуровневых взаимоотношений деятельности, действий, операций в их связях с мотивами, целями, условиями, разработанная в рамках деятельностного подхода. Фактически, человек говорит потому, что хочет нечто выразить, а чтобы сказанное было адекватно воспринято, он должен принимать в расчет адресата. Если исключить патологию и специальные моменты онтогенеза, то можно констатировать, что вербальная активность говорящего направлена на адресата по крайней мере в том отношении, что он стремится быть правильно понятым. К тому же, поскольку речь включается в практическую деятельность, и разговор — обычная форма социальной практики (Harre, Stearns 1995), диалогическая направленность имеет «прагматическую» основу: говорящий стремится убедить, попросить или потребовать, выразить (вызвать) отношение, предупредить и т.п. Таким образом, направленность на адресата — необходимая интенциональная составляющая вербальной коммуникации.

Отсюда важным в методологическом отношении является факт интеграции языковой личности (каждого из коммуникантов) и ее социальной деятельности в одну функциональную цельность посредством комплекса свойств и установок, которые могут быть определены как «коммуникативное состояние субъектов». В такой комплекс включены такие компоненты языковой личности, как когнитивный, операциональный, интенциональный, компонент личностного опыта (знания о мире) и др.

Во многом определяющим в функциональной системе речевого общения является социальная сфера активности коммуникантов. Разграничение социальных сфер деятельности субъектов на производственно-институционную, обслуживания, семейно-бытовую, досуга, окказиональную (однократная встреча с другим человеком) обусловливает уровень конвенциональности, стереотипности, ритуализации, клишированности речевого взаимодействия, а также степень «жесткости» социального контроля.

В процессе устной интеракции коммуниканты (адресант и адресат) находятся в непосредственном контакте друг с другом, выступая одновременно и в качестве отправителя, и в качестве реципиента сообщаемого. При взаимодействии друг с другом они, меняясь ролями, постоянно контролируют все релевантные параметры коммуникативной ситуации и адекватно реагируют на происходящие в ней изменения, приводя в соответствие с ее требованиями свой вербальный и невербальный вклад в интеракцию для поддержания коммуникативного баланса. В этом смысле можно говорить о взаимной «ответственности» участников интеракции за результаты коммуникативного взаимодействия, обусловленной их совместным - целенаправленным и контролируемым - вкладом в этот процесс.

Итак, можно сказать, что основными «подсистемами» функциональной системы речевого общения выступают коммуниканты.

Приведем отличия прагматического подхода к единицам языка от семантического, данные Дж. Личем:

«1. Семантическая репрезентация предложения отлична от его прагматической интерпретации.

2. Семантика подчиняется правилам (она грамматична); прагматика следует некоторым принципам (она «риторична»).

3. Правила грамматики конвенциональны; принципы прагматики неконвенциональны: они мотивированы целями коммуникации.

4. Прагматика соотносит смысл высказывания с его прагматической (или иллокутивной) целью («силой»); это соотношение может быть прямым и косвенным.

5. Грамматические соответствия определяются алгоритмом перекодирования; прагматические соответствия определяются коммуникативными задачами и их разрешением.

6. Грамматические объяснения формальны; прагматические объяснения функциональны.

7. Грамматика имеет дело с понятиями; прагматика — с межличностными отношениями и текстом.

8. Грамматика оперирует дискретными и определенными категориями; прагматика — градуированными и неопределенными оценками; если семантические различия категориальны, т. е. образуют оппозиции, то прагматические различия скалярны» (Leech 1983: 234—241).

Таким образом, прагматика, оперируя шкалой оценок, характеристиками межличностных отношений и т. п., фиксируемых в высказываниях, дискурсах, соотносит функционирование речевых произведений с определенными принципами и постулатами, которым должны следовать общающиеся для достижения практических результатов.

Следует отметить, что роль адресанта как генератора и «держателя речи» в устной коммуникации давно и всесторонне исследуется в различных направлениях функциональной лингвистики, а изучение поведения адресата, как правило, ограничивается перечислением и фиксацией некоторого набора когнитивных, социальных и коммуникативных характеристик, присущих ему как потенциальному интерпретатору смысла сообщения. В то же время, в последние годы в поле зрения исследователей все чаще попадает и адресат.

Особую роль в функциональной системе речевого общения играет макроинтенция (социальный мотив). Изучение интенциональных особенностей коммуникации лежит «на стыке» лингвистики и психологии. Типологизация мотивов является одной из сложнейших в психологической науке, что затрудняет разработку единой таксономии и в функциональной лингвистике. Однако на определенном уровне абстракции такая классификация возможна (см. Какурина, 1987). Так, выделяют следующие макроинтенции: эвристическую, репрезентирующую познавательную направленность субъектов общения; фатическую, отражающую потребность в социальных связях и поддержании контакта; экспрессивную, представляющую потребность субъектов в аффиляции, т.е. в эмоциональном контакте и разрядке; регулятивную как «нормирующую» активность членов социума с целью кооперативного удовлетворения потребностей. Все перечисленные типы макроинтенций (мотивов) реализуются преимущественно посредством языкового общения, речевых действий.

Важным компонентом функциональной системы речевого общения является иллокутивный потенциал - классы речевых действий. Их количество различно у разных исследователей. К основным можно отнести: вокативы (действия—обращения); структивы (ритуализованные речевые действия, структурирующие речевую интеракцию); эротативы (действия вопросов), регулятивы (действия, регулирующие активность говорящего и слушающего, совершаемые в форме императивности различной жесткости); экспрессивы, посредством которых говорящий объективирует или сигнализирует эмоциональные состояния, отношения (радости, гнева, страха, удивления, безразличия и др.); констативы, направленные на утверждение в высказывании факта в реальном или возможном мирах и др.

1.3.2. Лингвопрагматика и психолингвистика

Психолингвистика как отдельная дисциплина возникла в 50-х годах XX века в русле психологического направления. О возникновении психолингвистики официально было объявлено в 1953-1954 глдах в США на совместном семинаре специалистов по психологии, лингвистике и теории информации. Психолингвистика как наука эволюционировала в процессе перехода от исследования отдельных слов к изучению предложений в трансформационном аспекте и, в конечном счете, к тексту/дискурсу. Первоначальной опорой американской психолингвистики были психологические необихевиористские концепции Чарлза Осгуда, Джорджа Армитеджа Миллера, Дэна Исаака Слобина и др., а затем когнитивная психология и в целом когнитология, изучающая структуры знаний (когнитивные структуры).

Для исследования мыслительных процессов, лежащих в основе овладения и применения языка психолингвистика использует теоретические и эмпирические приемы как психологии, так и лингвистики. Область такого исследования действительно является междисциплинарной.

Основная задача психолингвистики - исследование процессов и механизмов речевой деятельности (порождения, восприятия и понимания речевых высказываний) в ее соотнесенности с системой языка, стремление интерпретировать язык как динамическую, действующую, "работающую" систему, обеспечивающую речевую деятельность (речевое поведение) человека.

Итак, внимание психолингвистических исследований направлено не на языковые единицы (звуки, слова, предложения, тексты) сами по себе, а на их психологическую реальность для говорящего/слушающего человека, на их использование в актах порождения и в актах понимания высказываний, а также в усвоении языка. Психолингвистика описывает модели речевой деятельности в контексте психофизиологической речевой организации индивида и осуществляет их экспериментальную проверку.

Основные проблемы, которые исследует психолингвистика: единицы восприятия речи и этапы порождения и понимания речевого высказывания, речевое воздействие СМИ (пропаганда, реклама и др.), вопросы организации внутреннего лексикона человека, машинный перевод, автоматическая обработка текста, теория и практика искусственного интеллекта и диалог человека и компьютера, лингвистические аспекты судебной психологии и криминалистики, обучение языку (особенно иностранному), речевое воспитание дошкольников и вопросы логопедии, клиника центрально-мозговых речевых нарушений, диагностика нервных заболеваний на основе наблюдений над речью,

Таким образом, лингвистов интересует формальное описание важного аспекта человеческого знания - структуры языка, которая включает звуки речи и значения, а также сложные грамматические системы, связывающие звуки и значения. Психологи хотят знать, каким образом человек овладевает такими системами и как функционируют эти системы в реальном общении, когда люди произносят и понимают предложения.

Поскольку языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности, или, иными словами, может стать объектом анализа только в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах (культурных предметах и квазипредметах). Язык в таком случае выступает как интерпретирующее, а сознание - как инетрпретируемое. При рассмотрении психолингвистической проблемы языковых способностей исследователь имеет дело со своеобразной дилеммой: знаниями о языке (linguistic competence) и языковой активностью (linguistic performance) — с различием между тем, что человек теоретически способен говорить и понимать, и тем, что он на самом деле говорит и понимает в конкретных ситуациях.

Считается (особенно это касается американского направления), что психолингвистика как наука близка по предмету исследования к лингвистике, а по методам к психологии. Сюда относятся:

§ обычное наблюдение с записью его результатов на магнитофон, видеопленку или бумагу или с использованием принадлежащих испытуемым лицам сочинений, дневников, писем и т.п.;

§ эксперименты на детекцию речевого сигнала, различение, идентификацию, интерпретацию (аналогичные экспериментам в психологии и в фонетических исследованиях щербовской школы);

§ свободный ассоциативный эксперимент, направленный на исследование отдельных слов или групп слов и позволяющий установить для слов их ассоциативные поля, внутри которых выделяются связи-ассоциации парадигматические, синтагматические и тематические;

§ направленный ассоциативный эксперимент, вводящий ограничения либо в сам стимул, либо в экспериментальное задание;

§ методика "семантического дифференциала" Чарлза Осгуда, предполагающая оценку стимула в каких-либо признаках на основе заданных экспериментатором шкал и находящая применение не только в исследовании отдельных слов, но и звуков одного языка, корреспондирующих звуков разных языков и даже целых текстов - радиорепортажей, научно-популярных и поэтических текстов;

§ вероятностное прогнозирование, позволяющее оценить субъективную частотность отдельных слов и ее влияние на распознаваемость в условиях помех;

§ индексирование текста путем выделения в нем ключевых слов, установления их частот и выделения малого, среднего и большого наборов ключевых слов, отражающих соответственно основную тему текста, ситуацию взаимодействия между его "героями" и основное содержание текста.

В психолингвистике сочетаются естественнонаучный и социальный подходы. Она находится в тесных контактах с нейролингвистикой, когнитивной психологией, когнитологией, информатикой, теорией и практикой искусственного интеллекта, социальной психологией, социолингвистикой, прагмалингвистикой, анализом дискурса. Появляются новые дисциплины «стыкового» характера (этнопсихолингвистика, социопсихолингвистика, психолингвистика текста и т.п.). В психолингвистике разрабатываются проблемы, затрагивавшиеся в прошлом В. фон Гумбольдтом, А.А. Потебней, В. Вундтом, А. Марти, К. Бюлером, Дж. Дьюи, С. Фрейдом, Р. Юнгом, Ж. Пиаже, Г. Гийомом, И.П. Павловым, Л.С. Выготским, Р.О. Якобсоном и др.

Отечественная психолингвистика (первоначально теория речевой деятельности) ориентируется на психологические и неврологические теории Льва Семеновича Выготского, Александра Романовича Лурия, Алексея Николаевича Леонтьева, Николая Ивановича Жинкина и на лингвистическое идеи Льва Владимировича Щербы, Льва Петровича Якубинского, Михаила Михайловича Бахтина (В. Н. Волошинова), Соломона Давидовича Кацнельсона, Льва Рафаиловича Зиндера. Отечественные психолинвистические школы имеются в Москве (А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя, Р.М. Фрумкина, А.М. Шахнарович, Т.М. Дридзе, А.И. Новиков), в Петербурге (Л.Р. Зиндер, В.Б. Касевич, Л.В. Сахарный), в Саратове (И. Н. Горелов), в Твери (А. А. Залевская), в Перми (Л. Н. Мурзин).

1.3.3. Лингвопрагматика и когнитивная лингвистика

Возникновение когнитивной лингвистики явилось реакцией на бихевиористскую методологию исследования поведения в терминах стимула и реакции в конце 50-х годов XX века в США. Впоследствии она оформилась и в Европе как междисциплинарное направление, представители которого ставят целью исследование ментальных процессов при усвоении и использовании и языка, и знаний. Фактически, термином «когнитивная наука» (англ. cognitive science) называется определенный круг научных дисциплин, объединившихся для совместного изучения процессов, связанных с получением и обработкой, хранением и использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека. Имеются в виду те науки (психология, антропология, моделирование искусственного интеллекта, философия и др.), которые напрямую связаны с постановкой и решением эпистемологических проблем: природой знания и познания, источниками знаний, их систематизацией, прогрессом и развитием знаний. Важнейшими для когнитивной науки считаются следующие положения: 1) при описании когнитивных способностей человека можно «пренебречь» биологическими, нейрологическими, социальными и культурологическими факторами; 2) компьютер считается важнейшим средством проведения специальных исследований по когнитологии, и, более того, его устройство может служить моделью функционирующего мозга; 3) методологически (в американской когнитивной науке) считается возможным намеренно игнорировать некоторые факторы (например, эмоциональные, исторические и культурологические), которые воздействуют на когнитивные процессы, но включение которых в программу исследования повлекло бы за собой ее усложнение; 4) междисциплинарный характер когнитивной науки позволит в отдаленном будущем ликвидировать границы между многими научными дисциплинами и др. (см. Кубрякова 1994).

Когнитивная лингвистика, как и функционализм, исторически противопоставлены генеративной грамматике. Общей характеристикой обоих подходов можно считать исследование и описание языковой системы в неразрывной связи с определенной функцией и соответствующим явлением. Для функциональной лингвистики - это коммуникативная функция

и коммуникация, для когнитивной лингвистики - это когнитивная (познавательная) функция и мыслительная деятельность.

А.А. Кибрик отмечает: «Когнитивная лингвистика в нынешнем контексте - ветвь лингвистического функционализма, считающего, что языковая форма производна от функций языка. Однако разные направления функционализма сосредотачиваются на разных типах функций - например, семантических ролях, связности текста, коммуникативных установках и т.д. Когнитивное направление функционализма особо выделяет роль когнитивных функций и предполагает, что остальные функции выводимы из них или сводимы к ним (Кибрик 1994: 126).

Когнитивный подход к языку основывается на том, что языковая форма является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания. Как отмечает А.А. Кибрик, «когнитивная лингвистика - это отнюдь не то же самое, что психолингвистика, ибо последняя - по крайней мере, в современном понимании - чрезвычайно техническая, сугубо экспериментальная дисциплина, в принципе совместимая с любым теоретическим подходом к языку» (Кибрик 1994: 126).

В сферу интересов когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются и участвуют в переработке информации. Основная задача когнитивной лингвистики формулируется как описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего. Говорящий (адресант) и слушающий (адресат) рассматривается как система передачи, восприятия и переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных компонентов (модулей), внутри которой и «циркулирует» языковая информация. Цель когнитивной лингвистики, соответственно, - в исследовании такой системы и установлении важнейших принципов ее функционирования. Для исследователя важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание «когнитивно» перерабатывается. Главные вопросы, на которые пытается «ответить» когнитивная лингвистика, следующие:

1. *Репрезентация*. Как взаимодействуют ментальные механизмы освоения языка? Каково их внутреннее устройство и «принципы» функционирования?
2. *Продуцирование*. Основаны ли процессы продуцирования и восприятия на одних и тех же принципах или они различны? Происходят ли эти процессы параллельно или последовательно? Другими словами, выстраивает ли адресант сначала общий каркас высказывания, только затем заполняя его лексическим материалом, или же обе процедуры выполняются одновременно, и тогда как это происходит?
3. *Восприятие*. Какова природа процедур, регулирующих и структурирующих языковое восприятие? Какое знание активизируется посредством этих процедур? Какова организация семантической памяти? Какова роль этой памяти в восприятии и в понимании речи?

Когнитивно-дискурсивная парадигма сегодня может считаться новой парадигмой лингвистического знания. Другими словами, при описании каждого языкового явления необходимо учитывать две функции, которые ему присущи: когнитивную (место в процессе познания) и коммуникативную (роль в акте речевого общения). Как отмечает Е. С. Кубрякова, «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» (Кубрякова 2004: 11-12). Таким образом, лингвопрагматический анализ языкового явления в рамках коммуникативного события не будет исчерпывающим без учета когнитивных факторов, присущих процессу речевого взаимодействия коммуникантов. Особый интерес в этом смысле вызывает «информационная» основа вербального контакта как важнейшая составляющая интенциональности участников речевой ситуации.

Процесс когнитивной обработки информации можно описать в виде модели (модели переработки информации), иллюстрирующей логику протекания когнитивных процессов в ходе извлечения смысла из воспринимаемых информационных фактов на психологическом уровне. Данная модель предполагает, что процесс восприятия, интерпретации и «упаковки» информации можно разложить на ряд этапов, каждый из которых представляет собой некую

последовательность уникальных операций, осуществляемых реципиентом. Такая модель описывает процесс усвоения информации, включающий следующие пять этапов:

1) *Приобретение информации.* На данном этапе новые данные поступают в оперативную память человека для дальнейшего распознавания и оценки их значимости.

2) *Распознавание* (*преобразование*) *информации* состоит в проверке перцептивных гипотез относительно воспринятой информации, в результате осознается факт восприятия определенных известных адресату (либо незнакомых) сведений. На этом этапе происходит идентификация и сопоставление нового знания с имеющимся в памяти на основе первичных семантических операций ассоциативного характера.

3) *Репрезентирование информации.* На данном этапе воспринятая информация структурируется, связывается с уже имеющейся и «упаковывается» для дальнейшего хранения. Человек способен воспринимать информацию с помощью пяти органов чувств и, соответственно, кодировать ее в виде визуальных, слуховых, осязательных, вкусовых и обонятельных образов; при этом, сохраняя информацию в абстрактной форме, он кодирует ее с помощью языковых средств (на «вербальном» уровне).

4) *Хранение информации* позволяет человеку получать доступ к воспринятой ранее информации. Образное представление позволяет воспроизвести полученные ранее знания посредством идентификации «момента запечатления». Кодирование на вербальном уровне с логической обработкой информации (выделение главного, ассоциативные связи с уже известным, метафорическое представление и т.д.) «уплотняет» информацию, что часто делает невозможным ее «дословное» воспроизведение.

5) *Воспроизведение информации* позволяет получить доступ к искомой информации в нужный момент времени. Невозможность воспроизвести нужную информацию часто не означает, что она навсегда утрачена (забыта): в более благоприятных условиях человек может восстановить связь с "потерянным кластером".

На всех этапах имеет место отсев значительной доли воспринятой информации, а также ее искажение. В итоге в сознании человека формируется субъективный «образ» реальности, представляющий собой информацию как «авторскую» реконструкцию окружающей действительности (см., например, Баксанский, Кучер 2005: 84-85).

Рассматривая проблему нетождественности окружающей реальности и образа мира, который на ее основе конструирует индивидуум, Р. Бэндлер и Дж. Гриндер указывают на наличие трех типов фильтров восприятия: нейрофизиологических, социальных и индивидуальных (Бэндлер, Гриндер 2001).

Нейрофизиологические фильтры ограничивают человеческие возможности в восприятии стимулов внешней среды строением рецепторов, соответствующих строению перцептивного аппарата представителей биологического вида homo sapiens. Например, визуально человек воспринимает в качестве видимого света относительно узкий диапазон электромагнитного излучения (примерно от 400 до 700 нм). Более короткие и более длинные волны человеческий глаз не фиксирует в качестве светового стимула, хотя с физической точки зрения видимый диапазон не является по какому-либо параметру выделенным: физические свойства электромагнитных волн изменяются непрерывно по всему спектру. Подобные различия между физической реальностью и ее частью, воспринимаемой человеком, можно показать для всех органов чувств.

На восприятие человеком мира оказывают существенное влияние социальные фильтры, под которыми понимается система социальных перцептивных стандартов, отличающих восприятие членов данного социума. Важнейшим фильтром этой группы является язык. Объекты/явления, номинированные в некотором языке, с большей вероятностью могут быть представлены в опыте человека - носителя данного языка, чем «неназванные» предметы и явления окружающего мира. К социальным фильтрам можно отнести и культурные перцептивные стандарты. Объекты/явления, представленные в языковой картине мира членов некоего социума или в окружающем их информационном пространстве, с большей вероятностью будут представлены в их модели мира, чем не свойственные данной культуре. Это касается ритуалов и конвенций как

на вербальном, так и на невербальном уровнях (поведение, жесты, эмоциональные проявления и т.д. часто неодинаково интерпретируются в различных обществах).

Кроме того, первичная информация «фильтруется» на индивидуальном уровне. Под персональными фильтрами понимается система ограничений, сформировавшаяся в личном опыте человека как результат его уникальной жизненной траектории. Такая «персональная» история личности обусловливает большую готовность воспринимать информацию в одних, более значимых областях, в ущерб другим (Брунер 1977).

Такая «психологическая» модель «игнорирует» лингвистическую природу когнитивных процессов, происходящих в момент коммуникативного взаимодействия участников интеракции. В частности, информационное пространство конкретной коммуникативной ситуации может быть объективно интерпретировано в контексте такого понятия, как фрейм взаимодействия, предусматривающий имеющийся прошлый коммуникативный опыт участников коммуникации, их «ментальную энциклопедию» (Recanati 1996). Считается, что совокупность «социокультурных» знаний организована в виде культурных когнитивных моделей, которые содержатся в сознании членов социума и являются «универсальными», сосуществуя с «личностными» моделями индивидуального опыта. Знания, содержащиеся в сознании и актуализируемые в дискурсивной деятельности индивида, составляют «прагматический» фундамент коммуникативного поведения человека и являются условием и средством осуществления речевой деятельности. При этом фреймы, являющиеся «знаниевыми» структурами и представляют интериоризованную действительность в упорядоченном (и упрощенном) виде.

Р. Шенк вводит понятие сценариев как когнитивных пакетов информации в личностном сознании, фиксирующих эпизодическую жизненную ситуацию (Schank 1982), а Ван Дейк использует понятие эпизодической модели, «погружая» текст как последовательность пропозиций в коммуникативный контекст и считая, что именно модели контекстов (понятие, коррелируемое с дефиницией «речевой жанр»), активизируют в сознании реципиента определенные эпизодические модели, типичные для данных контекстов. По его мнению, контекстуальная модель является «управляющей системой», которая, используя информацию из эпизодической памяти и согласовывая ее с общим контекстом и целевой информацией, отвечает за стратегическую реализацию ситуационных моделей в комплексе и «прогнозирует» необходимость использования той или иной модели для извлечения ее из памяти и адекватной активизации (Дейк 1989: 92-94). Таким образом, когнитивные модели включают наборы прототипических последовательностей пропозиций о событиях в «упрощенных идеальных мирах», в которых осложняющие факторы упорядочиваются и упрощаются посредством имплицитных пресуппозиций. Использование таких моделей индивидом позволяет оценивать любое коммуникативное событие более «экономно»: реципиент на основе антиципации использует отдельные пропозициональные схемы, не обращаясь к помощи более сложных, комплексных схем, включающих блоки пропозиций.

В современной лингвистике имеет место дифференциация когнитивных моделей на "модели для" (models for) - «оперативные» и "модели чего-либо" (models of) – «репрезентативные».

При любой классификации когнитивных моделей необходимо учитывать, что они многофункциональны: их реализация связана как с коммуникативным поведением индивида на основании вербализации личностного опыта, так и с его поведением вообще и интерпретацией поведения других. При этом вся совокупность когнитивных задач решается одновременно, но возникает проблема «соотношения» социального и индивидуально-психологического аспектов в культурно обусловленном знании о мире, которая коррелирует с проблемой «коллективного бессознательного» или «культурного бессознательного». Весьма вероятно, что большинство «бессознательных» знаний приобретается членами общества в процессе ранней социализации неосознанно и используется «автоматически». Это в большей степени свойственно знаниям собственно языковым (связанным с использованием языка в процессе коммуникации).

Сегодня можно говорить о том, что необходимо дифференцировать задачи, решаемые когнитивной наукой и лингвистикой. Это вызвано тем, что функции языка и его внутреннее строение, т.е. его положение относительно всей центральной нервной системы человека, характеризуются по-разному. Согласно одним теориям, язык репрезентирован в голове человека набором отдельных модулей (модулярная теория языка), каждый из которых относительно автономен и выполняет свои собственные задачи. В таком случае процесс понимания, например, аналогичен в какой-то мере интеграции данных, поступающих по разным каналам, к тому же - не только языковым. Согласно другим теориям, напротив, именно язык выступает как модуль, ответственный за обработку гетерогенной информации. В одних теориях язык считается особой независимой когнитивной системой, в других, наоборот, системой, демонстрирующей самые общие правила когнитивного поведения человека (Tanenhaus 1988).

Основными проблемами современной когнитивной лингвистики являются следующие.

1. В сфере языкового значения активно разрабатывается понятие прототипа, введенное Э. Рош. Оно является ключевым для описания семантических категорий и, соответственно, языковых значений.

Прототипическая организация значения обусловлена в первую очередь ограниченностью ресурсов человеческой памяти при том, что множество познаваемых и подлежащих категоризации объектов и ситуаций бесконечно. Прототипический подход позволяет системным образом решить проблему полисемии. Полисемия описывается с помощью понятия семантической сети, в центре которой находится прототипическое значение. Прототипическое значение может быть абстракцией, которая никогда не реализуется в конкретном контексте. Его центральная роль обусловлена тем, что именно оно связывает семантическую сеть. Конкретные значения языковой единицы возникают в результате применения к прототипическому значению определенных и регулярных операций.

2. Особое место в когнитивной лингвистике, благодаря работам Дж. Лакоффа, заняла теория метафоры.

Одна из наиболее фундаментальных идей Дж. Лакоффа состоит в том, что человеческая концептуализация (а следовательно, и языковая семантика) носит главным образом метафорический характер, то есть осмысление более или менее сложных объектов и явлений человеком основывается на переосмыслении базисных понятий человеческого опыта (физических, сенсо-моторных, анатомических и т.д.).

Дж. Лакофф рассматривает метафору как один из основных типов когнитивной модели, т. е. механизма мышления и образования концептуальной системы. Метафоры концептуализируют различные области путем переноса в них концептуальной системы из другой области. В этом случае говорится о переходе из области-источника в область-мишень. Область-источник, как правило, более знакома и привычна, более конкретна и понятна и описана через непосредственный физический опыт.

Таким образом, метафора оказывается важнейшим познавательным механизмом, позволяющим познавать сложное через простое, абстрактное через конкретное, неизвестное через известное. Метафорический механизм важен не только для лексики, но и для грамматики. Теория концептуализации Дж. Лакоффа - выдающееся явление современной лингвистики, но когнитивная проблематика тем не менее не должна сводиться только к тем явлениям, которые находятся в центре внимания этой теории.

3. Наиболее последовательно когнитивные принципы применительно к грамматике естественного языка реализованы в теории Р. Лангакера, называемой когнитивной грамматикой. Р. Лангакер исходит из того, что язык не может быть описан как автономная система, независимая от когнитивных процессов. Кроме того, он полагает, что лексика, морфология и синтаксис и даже дискурсивные модели представляют собой континуум, единую связанную знаковую систему. Таким образом, лексические, морфологические и синтаксические единицы определяются как единицы символические, входящие относительно произвольно в различные образования. Отождествляются значение и концептуализация, указывается на возможность

характеристики семантических структур лишь по отношению к элементарным когнитивным сферам.

Итак, в настоящее время сложилась такая ситуация, когда понятия "когнитивная лингвистика", "когнитивный подход" ассоциируются в основном с работой в области исследования категорий лексической семантики, метафоры и т.д. Фактически, подавляющее большинство исследований, появляющихся под рубрикой "когнитивная лингвистика", объединены не только общим постулатом когнитивного подхода, но и следованием одной из двух наиболее известных школ, связанных с именами Дж. Лакоффа и Р. Лангакера.

Е.С. Кубрякова отмечает: «Принимая положение Ю. С. Степанова о том, что объектом лингвистики "является язык во всем объеме его свойств и функций, строение, функционирование и историческое развитие языка" и что предмет анализа в разные эпохи менялся из-за того, что изучались разные аспекты языка, почему бы не считать естественным, что и в настоящее время разные лингвистические школы могут ориентироваться на достижение разных знаний о языке? Логично одновременно считать, что чем больший объем свойств и функций языка, чем большее число его сторон, аспектов и т.п. будет адекватно описано, какие бы науки ни участвовали в этом процессе, это все равно идет на пользу дела и совершенствует наши представления о таком сложном феномене, как язык» (Кубрякова 1994: 45).

1.3.4 Лингвопрагматика и нейролингвистика

Нейролингвистика как научная дисциплина возникла в русле натуралистического (биологического) языкознания на стыке нейрологии (как раздела нейрофизиологии), психологии и лингвистики и изучает систему языка в соотношении с мозговым субстратом языкового поведения.

Развитие нейролингвистики как специальной дисциплины о системном строении высших психических функций и наличии корреляций между строением языковой системы и нейрофизиологическими нарушениями языкового поведения (афазиями) раскрывается в работах Т. Алажуанина, А. Омбредана и М. Дюрана, К. Конрада, К. Брэйна, Ф. Гревеля, Р. Юссона и Ю. Барбизе, К. Кольмайера, А. Лайшнера, П.М. Милнера, Александра Романовича Лурия (1902--1977), который опирается на работы Л.С. Выготского, И.П. Павлова и П.К. Анохина; в исследованиях В. Пенфилда и Л. Робертса, Е.Н. Винарской, Т.В. Ахутиной. Ими описываются различные фонологические, грамматические, лексические и семантические расстройств. Нейролингвистика проявляет также интерес к неафазическим формам расстройств языкового поведения (речевые агнозии и апраксии, дизартрии, алексии и аграфии).

В нейролингвистике изучаются психофизиологический механизм языкового отражения действительности (в том числе распознавания речи), механизмы интеграции знаковых комплексов, поступивших от разных анализаторов мозга, и процессы языковых обобщений. Изучаются механизм языкового поведения (в том числе порождения речи) и работа систем, сопряженных с реализацией устной и письменной речи. Учитывается функциональная асимметрия полушарий мозга, обусловливающей преимущественную локализацию языковых обобщений и мышления в языковых понятиях в левом (доминантном) полушарии, а конкретно-образного мышления - в правом (субдоминантном) полушарии. Проводятся наблюдения над языковым поведением билингвов и полиглотов, страдающих очаговыми поражениями мозга. Исследования осуществляются на материале английского, немецкого, французского, русского, чешского и японского языков, что доказывает общность нейролингвистических проблем.

На стыке нейролингвистики, психолингвистики, прагматики, когнитивной науки и психоанализа возникла теория и технология нейролингвистического программирования (НЛП), которая имеет целью изучение и применение способов оптимизации через речевое воздействие функционирования коры головного мозга, отвечающей за сознание, и центров, несущих ответственность за сферу подсознания. Применяется эта технология в целях мобилизации (посредством направленного речевого воздействия) глубинных резервов мозга, необходимых при

психотерапевтическом лечении психических расстройств. Она используется при необходимости изменить в оптимальную сторону поведение человека; при ведении ответственных переговоров, предполагающих не тактику "удара", а методику податливого следования действиям оппонента и незаметного его привлечения на свою сторону (дипломатия, бизнес, политическая дискуссия); при подготовке публичных выступлений; в тестировании способностей человека; при необходимости переубедить человека, не поддающегося логическим доказательствам, с помощью "метафоры" (введение в подсознание пациента, погруженного в транс, некой картины фрагмента мира, где больному предлагается "навести порядок"). Нейролингвистическое программирование преподается во многих зарубежных бизнес-школах. Довольно близка к этой дисциплине психолингвистическая суггестология.

1.3.5. Основные единицы лингвопрагматики

Коммуникативно-прагматический подход к описанию языка, в отличие от общего прагмалингвистического, сосредоточивает внимание именно на коммуникативных единицах, оставляя в стороне прагматичность аффиксов, граммем, лексем и т. д. С этой точки зрения в центре описания оказываются единицы общения.

Выделение категорий дискурса должно быть обосновано с позиций того направления коммуникативного языкознания, которое избирается основным для анализа дискурса в рамках данной теории.

Как отмечает В.И. Карасик, «различные подходы к изучению языка являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими» (Карасик 2002: 287). Это следует учитывать и при моделировании дискурса: если стремиться к максимально точной фиксации каких-либо параметров в рамках избранной модели, то неизбежно «страдают» другие, связанные с первыми.

Коммуникативно-когнитивный и лингвопрагматический подходы к изучению дискурса должны основываться на учете категорий прагмалингвистики, выделенных в работах основоположников различных направлений коммуникативного языкознания, таких, Р. Белл, В. Г. Гак, Дж. Серль, И. П. Сусов, Д. Хаймс и др.). Любое общение реализуется, по крайней мере, в диаде адресант - адресат. Более того, большинство исследователей, как правило, не ограничиваются только субъектами активного взаимодействия, а включают в структуру коммуникативного акта от трех-четырех (Н. С. Трубецкой, А. Гардинер) до шести-семи и более элементов (Р. О. Якобсон, В. А. Артемов и др.). Так, Р. О. Якобсон выделяет шесть элементов (факторов), определяющих речевой акт: отправитель (говорящий), получатель (слушающий), код (язык), сообщение, контекст и контакт (Якобсон, 1985).

Д. Хаймс при идентификации типа речевого события предлагает использование девяти категорий: 1) адресант и адресат (позднее автором была добавлена и категория «аудитория», так как присутствие других слушателей, кроме адресата, может существенно влиять на спецификацию речевого события); 2) «предмет речи»; 3) «окружение» («обстоятельства») - место, время, другие значимые параметры; 4) «канал» общения - способ осуществления коммуникации; 5) «код» - язык, диалект и др.; 6) «форма сообщения» - речевой жанр; 7) «событие» - природа коммуникативного события, в одном из жанров которого реализуется данная ситуация; 8) «ключ» - оценка эффективности речевого события; 9) «цель» - категория, отражающая намерения участников речевой ситуации (Hymes, 1972).

Основной единицей общения разные авторы признают речевой акт, коммуникативный акт, высказывание, дискурс, текст и даже жанр. Рассмотрим границы употребления каждого из представленных понятий.

Теория речевых актов составляет ядро прагматики, и речевой акт (см. ниже) справедливо объявляется основной минимальной прагматической единицей общения. Некоторые исследователи речевой акт называют коммуникативным актом, поскольку адресант и адресат в пределах одного действия связаны теснейшим образом: интенция/иллокуция говорящего

устремлена к адресату, и перлокутивное реагирование последнего входит в замысел адресанта. Особенно это характерно для взаимодействия партнеров в диалоге.

И действительно, свои коммуникативные задачи участники вербального (репликового) взаимодействия решают посредством коммуникативных актов. Под коммуникативным актом понимается условный фрагмент дискурса - единство речевого акта говорящего, аудитивного акта слушающего и коммуникативной ситуации (Dijk, 1981). Фактически речь идет о комплексе двух коммуникативных действий – стимула и реакции.

В отличие от коммуникативного акта, коммуникативный (интерактивный) ход (речевой или неречевой), является минимально значимым элементом, развивающим взаимодействие, направляющим процесс общения к достижению общей коммуникативной цели (Coulthard, 1977; Edmondson, 1981 и др.). Коммуниктативный ход не всегда совпадает с коммуникативным актом: чаще он реализуется с помощью сложного макроакта - последовательности коммуникативных актов, комплекса действий, иерархически организованного вокруг целевой доминанты (Dijk, 1981; Habermas, 1981). В итоге, коммуникативный акт самостоятельно не выполняет дискурсивной функции: полная его актуализация осуществляется в дискурсе в качестве коммуникативного хода, который, в свою очередь, служит для развития «направленного» диалога как реальной единицы речи (Бахтин, 1986). В сущности, имеет место традиционно используемая в лингвистике категория «диалогическое единство» (стереотипный обмен репликами – коммуникативными ходами). В этом контексте различаются инициирующие, продолжающие, поддерживающие, обрамляющие, закрывающие, ответные, фокусирующие, метакоммуникативные и другие ходы (Романов, 1988). Термин «обмен» как концепт, динамически организующий функциональное единство коммуникативных ходов, активно используется в современной теории дискурса, причем различают простые (двухкомпонентные) и сложные (комплексные) обмены. Особенностью обмена как единицы общения является его интеракционная природа, предполагающая мену коммуникативных ролей) (Coulthard, 1977 и др.).

Выделяя более крупный, чем обмен, сегмент общения, многие исследователи используют термин «трансакция» (Stenstrom, 1994 и др.)).

Итак, основные структурные единицы общения в иерархической последовательности можно представить следующим образом: коммуникативный акт - коммуникативный ход (макроакт) - обмен – трансакция.

Конвенциональность дискурса, во многом определяемая жанрово-стилистическими категориями, позволяет реципиенту, на основании имеющихся представлений о нормах и правилах общения, об уровне уместности, о типах коммуникативного поведения и т.п.. отнести тот или иной текст к определенной сфере общения. Таким образом, жанрово-стилистические категории могут быть отнесены к «ориентирующим», а не смыслораскрывающим (Карасик 2002: 290). Фактически, можно говорить о механизме ролевого поведения: стандартная («укладывающаяся в норму») коммуникативная ситуация, соотносится субъектом речи с типовой «контекстной моделью» (Dijk, 1995), задает типовой образ адресанта, отводя ему речевую (дискурсивную) роль, поведение в рамках которой и регулируется социально установленными предписаниями и/или взаимными ожиданиями коммуникантов.

Такая стереотипность речевого поведения обусловлена когнитивными и социально-психологическими факторами. Если считать, что ментальные схемы (фреймы, модели, сценарии), обеспечивающие человеку ориентацию в ситуациях и событиях, в которых он участвует или которые наблюдает, иерархически организованными структурами данных, аккумулирующими знания об определенной стереотипной ситуации (Дейк, 1989; Минский, 1979; Chafe, 1993; Schank, 1977), то следует признать, что именно они позволяют коммуниканту более или менее адекватно интерпретировать поведение других людей, планировать собственные действия и осуществлять их традиционными (принятыми в данном обществе) способами, что и позволяет партнерам интенционально понимать поступки и воспринимать их логику.

Ван Дейк называет такие ментальные схемы контекстными моделями, определяя их как прагматические и социальные, и противопоставляет их «ситуационным моделям», которые, по

его мнению, можно назвать семантическими (Дейк, 1989). В то же время, определенные речевые события (ситуации) или их последовательности являются неотъемлемой частью большинства сценариев (ситуационных моделей), описывающих речевое взаимодействие, таких, например, как урок, зачет или экзамен.

Такая когнитивно-конструктивная функция дискурса - своеобразный «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» (Гайда, 1986). Знание дискурсивных канонов («контекстной модели») обеспечивает идентификацию информации получателем (для чего часто бывает достаточно небольшого фрагмента дискурса), т.е. ориентировку в речевом событии.

Кроме того, строя свое сообщение в соответствии с канонами данного дискурса, адресант сигнализирует, что воспринимает данную коммуникативную ситуацию как релевантную определенной модели и, следовательно, подает себя как носителя соответствующего социального статуса и исполнителя соответствующей речевой роли, чем дает понять адресату, что хочет быть воспринят именно так, и тем самым предлагает ему роль, соотнесенную со своей, т.е. задает «правила игры».

Таким образом, выбор дискурсивной модели (там, где он возможен) и осознание «идеализированной модели оцениваемых дискурсивных событий» (Цурикова 2002: 120) в определенной мере характеризует субъекта общения как обладателя личностных свойств, способствует созданию образа «держателя речи».

1.3.6. Высказывание и интенциональность

Одной из центральных единиц лингвопрагматики является высказывание, которое, в отличие от предложения (единицы потенциально коммуникативной), является подлинно коммуникативной единицей.

Предложение принадлежит грамматике языка и является важнейшим компонентом его «синтаксического» уровня, что обусловливает его «абстрактную» природу. Фактически, предложение как единица структурного и семантического синтаксиса — это схема, реализующаяся в высказываниях. Синтаксическая и семантическая структура предложения делает его потенциальной (но не реальной) коммуникативной единицей.

Высказывание порождается коммуникативной ситуацией, компонентами которой являются:

§ говорящий и его адресат (во всей полноте социальных и психологических ролей, фоновых и текущих знаний и национальных стереотипов);

§ мотивы и цели общения;

§ интенции адресата, его оценки, эмоции, отношение к действительности, к содержанию сообщения, к адресату;

§ способ сообщения, предполагающий выбор оптимальных средств;

§ место и время общения и т. п.

Можно считать, что предложение — это формальная «упаковка» высказывания.

Высказывание «существует» в конситуации, в широком контексте фоновых знаний и национально-ментальных стереотипов. Поэтому ему присущи пресуппозиции и импликации, коммуниканты в процессе взаимодействия способны «чувствовать» прецедентные феномены и т.п.

А.Р. Лурия начальным моментом формирования высказывания считает мотив – «потребность в говорении». Так как в речевом сообщении всегда формулируется известная мысль или известный смысл, который говорящий хочет передать слушающему, то вторым этапом должна являться мысль, которая, являясь отправным пунктом высказывания, в дальнейшем воплощается в речь. Внутренне мысль представлена в виде общего замысла, общей схемы, впоследствии разворачивающейся в вербально оформленное содержание. Процесс перехода мысли в речь происходит при непосредственном участии внутренней речи. Третьим этапом является этап кодирования мыслей в высказывании, или этап перешифровки внутренней речи во внешнюю.

Значимость этого процесса обусловлена необходимостью перешифровки внутренних, понятных только адресанту смыслов во внешние, понятные для любого адресата значения.

Таким образом, перед нами трехчленная схема механизма создания высказывания: мотив — мысль и ее опосредование во внутренней речи — внешняя речь. Если этот механизм представить по операциям, схема будет следующей: возникновение мотива — создание общего замысла (схемы), выраженного во внутренней речи — перешифровка внутренней речи во внешнюю.

«Исследования развития речи, проведенные психологами, показали, что переход от мысли к развернутой речи неизбежно опосредствуется внутренней речью. Будучи свернутой и зачаточной по структуре и чисто предикативной по функции, она таит в себе, однако, зачатки дальнейшей динамической схемы фразы. Переход от внутренней речи к внешней заключается в развертывании этой предварительной схемы, в превращении ее во внешнюю распространенную структуру предложения» (Лурия 1947: 85-86).

Процессуальность и изменение внутренней речи в зависимости от готовности ее перехода в речь внешнюю рассматривал Б.Г. Ананьев. По его мнению, первой фазой внутренней речи является «установка на наречение», второй - сам процесс внутреннего наречения, причем именно здесь представлены редуцированные фонематические и логико-синтаксические структуры (предложения с нулевым подлежащим или нулевым сказуемым и фонетическая сокращенность). Следующей фазой является указательное определение «места» нареченной мысли в суждении и умозаключении. Эта фаза, проявляющаяся во вспомогательных «пространственных» определениях (здесь, там, тут), является конструктивно важной в процессе развертывания внутреннего говорения, которое и является завершающей фазой внутренней речи (Ананьев 1960: 367). Итак, по мнению Б.Г. Ананьева, развертывание внутренней речи идет от 1) установки на наречение, через 2) «наречение» и 3) указание его места к 4) внутреннему говорению как завершающей фазе внутренней речи. Образцами такого внутреннего говорения он считает внутренние монологи героев у Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

Так как Б.Г. Ананьев приписывает внутренней речи лишь функции построения содержания будущего высказывания, но не его оформления (отсутствует фаза, «отвечающая» за грамматическое развертывание предложения), то можно считать, что его понимание функций внутренней речи уже, чем у А.Р. Лурии и Л.С. Цветковой. По их гипотезе звенья внутренней речи вбирают в себя всю внутреннюю сторону речи, все ее функции.

Анализируя экспериментальные работы по проверке трансформационной модели и других моделей порождения речи, А.А. Леонтьев пришел к выводу, что все эти эксперименты хорошо интерпретируются с точки зрения обобщенной модели, ядром которой является концепция речемышления Л.С. Выготского. Вслед за такими учеными, как А.Н. Леонтьева, Н.А. Бернштейн, П.К.Анохин, а также Дж. Миллер и Е. Галантер, А.А. Леонтьев рассматривает речевое высказывание как речевое действие внутри целостного акта деятельности, которому присущи такие признаки, как мотивированность, целенаправленность, трехчленность структуры (создание плана, его реализация и сличение), иерархическая организация. В соответствии с этой точкой зрения всякое речевое действие, будучи мотивированным и целенаправленным, складывается из программирования, осуществления программы и сопоставления того и другого. Такая трактовка речевого действия предполагает возможность выделения содержательной (обусловленной задачей действия) и операциональной (определяемой условиями действия) частей структуры речевого акта. Содержательная часть речевого действия (как и любого другого действия) является программируемой. В такую программу входят те признаки действия, которые, управляя его конкретным осуществлением, в то же время не зависят от этого осуществления (см. Леонтьев 1969: 151-153).

Существенными признаками высказывания можно считать предикацию, референцию, актуализацию. Предикация (предицирование) — это приписывание говорящим предикатного признака предмету речи в координатной сетке модальности, времени, лица в данной коммуникативной ситуации с точки зрения адресанта, который осуществляет выбор информирования адресата о каком-либо событии как о реальном, происходящем сейчас (или постоянно), в прошлом или будущем, либо как о нереальном, возможном, желаемом и т. п.

Референция — это отнесение имен (именных групп) в конкретном речевом произведении к денотатам-референтам. Референция к объектам действительности предполагает их вычленение в общем денотативном пространстве общающихся. Референция может осуществляться с помощью дейктических компонентов, с помощью конкретизации и уточнения обозначения, с помощью собственных имен и т. д.

Актуализация в высказывании связана с выделением новой для адресата информацией, которая помещается ее в позицию ремы. Иначе говоря, тема-рематическое членение высказывания осуществляется именно в данной речевой ситуации (например, реплике), т.е. каждое предложение как синтаксическая единица языка потенциально многозначно в плане возможного актуального членения, высказывание же всегда однозначно.

Коммуникативные намерения (интенции) говорящего, его целеустановки реализуются именно в высказывании.

Интенция как определенное психическое состояние человека находится в одном ряду с такими явлениями, как эмоция, предпочтение, желание, оценка, отношение — к действительности, к содержанию сообщения, к адресату. При этом интенция как субъективная направленность на некий объект, активность сознания субъекта является организующим началом в любой модели речевого поведения. По мнению представителей психолого-семантического направления, связь между мыслью и словом обусловлена интенционально.

Более того, «осознанная» активность и направленность на объект непосредственно определяют природу сознания и создают ту основу, которая отличает психологию от других наук о физическом мире. Главными в психике человека считаются акты, производимые субъектом, когда он вводит некий объект в свое сознание. Акт же предполагает действие интенции, т. е. активной направленности на объект.

"Направленность на" (интенциональность) представляет собой исключительно специфичное и существенное свойство речи. В речевом механизме можно выделить два типа интенциональных процессов: на первом уровне интенции рассматриваются в связи с особенностями функционирования нервной системы человека в онтогенезе; основополагающей здесь оказывается человеческая потребность и способность к экстериоризации внутренних активных состояний; на втором уровне рассматривается социальная природа интенций, которые оказываются включенными в организацию коммуникации; именно на этом уровне осуществляется связь субъекта с внешним миром, при этом интенции определяются как коммуникативные, поскольку соотносятся с сознательным вне-обращением. Коммуникативная интенция имеет двухчастную структуру: она содержит объект речи и отношение к нему субъекта, поэтому интенциональное содержание речи человека является важнейшей психологической характеристикой.

Интенции второго уровня, коммуникативные интенции, несут в себе ту информацию, которая необходима для понимания субъективного отношения коммуниканта к миру. Именно это отношение и осуществляет связь участника коммуникации с другими участниками коммуникативного взаимодейсвтия. Реализуется интенция посредством грамматического структурирования, т.е. выражение интенций коммуникативно организовано таким образом, чтобы они были понятными слушающим. "Понятность" для слушающих интенций адресанта является целью говорящего, и он использует такие известные ему языковые средства, которые, по его предположению, дадут желаемый результат.

Эта особенность интенций важна для оценки потенциальной эффективности изложения говорящим новой для адресата информации. Иными словами, результативность целенаправленного воздействия адресанта в коммуникативной ситуации прямо пропорциональна степени реализации интенции "сообщение информации". В случае низкой степени реализации интенции или при полном отсутствии реализации говорят о коммуникативной неудаче.

Любая интенция как коммуникативное намерение находится в непосредственном взаимодействии со сценарием и фреймом той коммуникативной ситуации, в пространстве которой данная интенция должна быть реализована. Следовательно, именно интенция определяет направление поиска тех параметров (характеристик) речевого поведения в

ментальных базах (сценариях, фреймах), которые способствуют ее реализации, а определенный тип речевого поведения коммуниканта предполагает соответствующее грамматическое структурирование и использование средств невербального воздействия.

Коммуникативные стратегии и тактики, выбор которых обусловлен интенцией, в свою очередь, определяются уровнем мотивации речевого поступка, то есть осознанием потребности речепроизнесения или осознанной причиной речепроизнесения. Мотивация речевых поступков – одна из областей исследования психологии, понимающей под мотивом, по Р. С. Немову, именно внутреннюю устойчивую психологическую причину поведения или поступка человека, а под мотивацией – динамический процесс внутреннего, психологического и физиологического управления его поведением.

Формановская отмечает, что есть интенции благоприятные (хвала) и неблагоприятные (хула) для адресата. Кроме того, интенции обладают большей или меньшей степенью интенсивности. Так, среди побудительных интенций требовать и умолять интенсивнее, сильнее, чем просить; клясться сильнее, чем обещать; «стирать в порошок», изничтожать сильнее, чем упрекать и порицать и т. д. (с. 30).

Интенции можно разделить на практические и ментальные. Первые ведут к реализации высказываний, порождающих практические действия коммуникантов. Таковы интенции просить, советовать, обещать, разрешать, запрещать, принуждать и др. Вторые, т. е. ментальные, ведут к размышлениям, рассуждениям, доказательствам, объяснениям, определениям, подтверждениям, аргументации, утверждениям, отрицаниям и т. д. Они более всего характерны для научных дискурсов/текстов.

С точки зрения влияния на продуцируемое высказывание различают репликообразуюшие и дискурсо-/текстообразующие интенции. Первые находят выражение в единичном высказывании, для реализации вторых необходим дискурс/текст, как диалогического, так и монологического характера.

Таким образом, концепт "интенция" предстает одним из ключевых в плане лингвопрагматического исследования коммуникативного процесса (См. Олешков 2005а).

К проявлению «авторства» адресанта в высказывании относится модус. Известное, по Ш. Балли, членение предложения на диктум и модус, или, в иной терминологии, вычленение пропозиции и субъективных компонентов, требует отнесения модуса к высказыванию (хотя модус и типизируется), а не к предложению, так как модусная часть отражает точку зрения, оценку, отношение говорящего. Модус — это комплекс субъективных смыслов, эксплицитно или имплицитно выражаемых в высказывании. Он коррелирует с метакоммуникативной частью речевого произведения (метакоммуникация — это авторское указание на способ построения речи). Являясь не логикосодержательными, а лишь фатическими компонентами высказывания, метакоммуникативные единицы выполняют важную контактоподдерживающую функцию в дискурсе/тексте. При этом следует учитывать, что модусная, субъективная часть высказывания имеет отношение к прагматике, в то время как диктумная, препозитивная - к семантике.

Высказыванию свойствен дейксис — система указателей (местоименно-наречных и др.) на участников общения и коммуникативное пространство в плане места и времени. Это лексемы типа я, ты, он, здесь, сейчас, там, тогда, потом и др. Денотат дейктической единицы не может быть установлен без обращения к коммуникативной ситуации: «здесь» — это в точке встречи коммуникантов, независимо от объективного пространства (на улице, в аудитории, в театре и т. д.), «сейчас» — это момент контакта, независимо от объективного времени (утром или днем, летом или зимой). Дейктичны глагольные времена как механизм предикации в высказывании, дейктичны собственные имена, отождествление которых с конкретными лицами возможно лишь в высказывании в рамках определенной коммуникативной ситуации.

1.4. Теория перформативности и речевой акт

Теория речевых актов (теория речевых действий) возникла в русле философии повседневного языка на основе идей позднего Людвига Витгенштейна и сформировалась в

рамках лингвистической философии в работах представителей оксфордской школы (Дж. Остин, П. Стросон) и близких к ним философов (Дж. Серль и другие). Создателем теории речевых актов стал английский философ Дж. Остин. Основные идеи новой теории он изложил в лекциях, прочитанных в Гарвардском университете, в 1962 г. они были опубликованы отдельной книгой (в русском переводе "Слово как действие"). Под речевым актом понимается высказывание, порождаемое и произносимое с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального (как правило, адресованного) действия с помощью такого инструмента, как язык/речь.

В основу теории речевых актов было положено понятие перформатива.

Дж. Остин выделил свойство перформативности как особое языковое явление и обобщил его для всех высказываний. Перформативы (перформативные высказывания) по своей структуре совпадают с повествовательными предложениями, но, в отличие от последних, не описывают действие, а равносильны осуществлению действия. Произнесение высказывания Я клянусь в том-то и том-то является самой клятвой, а не описанием того действия, которое говорящий выполняет в момент речи. Свойством перформативности обладают глагольные формы изъявительного наклонения настоящего времени первого лица. Их употребление и позволяет назвать высказывание перформативом. Таковы, например, формы клянусь, обещаю, нарекаю, благодарю. Большинство же глаголов этим свойством не обладает. Так, фраза Я пишу письмо очевидным образом именно описывает действие, а не является таковым. Произнесение слов Я пишу не может заменить само писание.

Первым обратил внимание на это явление Э. Бенвенист. В 1958 году им была опубликована статья «Делокутивные глаголы», в которой он проанализировал употребление в разных индоевропейских языках глаголов клянусь, обещаю, приветствую, благодарю, которые в форме первого лица настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога не только обозначают, но и выражают соответствующее действие. Э. Бенвенист назвал такие глаголы делокутивными - «отфразовыми».

После опубликования Дж.Остином работы «Слово как действие» то, что было отмечено Э. Бенвенистом, получило широкий резонанс, и это повлекло за собой анализ глаголов, а в дальнейшем и высказываний-действий, получивших название перформативов. По мнению В. В. Богданова, этому типу высказываний свойственны:

§ эквиакциональность (равенство действию);

§ неверифицируемость (непроверяемость по критерию истинности-ложности);

§ автореферентность (одновременность факта языка/речи и факта действительности – реального действия, изменяющего отношения в мире);

§ автономинативность (называние самого себя, особенно в прямых речевых актах);

§ эквитемпоральность (совпадение времени говорения и времени действия). (Богданов 1990).

Свойство перформативности не является следствием семантики глагола. Так, не обладают перформативностью многие глаголы выражения чувств и говорения. Например, высказывания со словами Я благодарю относятся к перформативным, а высказывания с близким по смыслу словосочетанием Я чувствую признательность всего лишь описывают внутреннее состояние.

Перформативный глагол проявляет свои свойства только в указанной выше форме, в другой форме он, как правило, не обладает перформативностью. Например, высказывания с глаголами в форме 3-го лица или в форме прошедшего времени не относятся к перформативным:

Он обещает, что придет к нам в гости (ср. Я обещаю, что приду к вам в гости).

Я же еще вчера обещал, что приду к вам в гости.

В то же время, возможны перформативные высказывания с другими формами перформативных глаголов (примеры Е. В. Падучевой):

Пассажиров просят пройти на посадку в третью секцию;

Следует заметить, что вопрос не такой простой;

Я попрошу Вас выбирать выражения.

Перформативные высказывания истинны уже в силу их произнесения. Говоря обещаю, человек тем самым дает обещание, а говоря благодарю, благодарит. Говоря же Я чувствую признательность, человек может лгать, поскольку это не соответствует его внутреннему состоянию. Именно поэтому перформативы не могут оцениваться по шкале истинности, поскольку не описывают, а формируют ситуацию.

Сформулировав понятие речевого акта, Дж. Остин выделил его триединую сущность: разделил на локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты. Теория речевых актов постулирует в качестве основных единиц человеческой коммуникации не отдельные слова или даже предложения, а многоплановые по своей структуре определенные речевые действия (локутивные акты), выступающие в качестве носителей определённых коммуникативных заданий (т.е. в функции иллокутивных актов) и направленные на достижение определённых эффектов (т.е. в функции перлокутивных актов).

Локутивным, по Остину, называется собственно акт говорения, который может быть интерпретирован в трех аспектах. Локутивный акт реализуется как фонетический акт (произнесение определенных звуков), как фатический акт (произнесение определенных слов, принадлежащих конкретному словарю и соответствующих конкретной грамматике) и, наконец, как ретический акт (произнесении определенных слов со свойственными им значением и референцией). При этом фатический акт передается прямой речью, а ретический акт - косвенной.

Иллокутивному акту, который «сопровождает» локутивный, свойственны целенаправленность и конвенциональность. Иллокутивный акт осуществляется в процессе говорения, и именно он стал основным объектом исследования теории речевых актов.

Локуции как результаты локутивного акта (вопрос, ответ, информация, предупреждение, призыв и т. п.), являясь нецеленаправленными по своей сути, используются в разных функциях. Дж. Остин называл их функциями языка и предложил новый термин для этого понятия - иллокутивная сила. Иллокутивная сила является важнейшей характеристикой речевого акта.

Если говорение осуществляется с целенаправленным намерением воздействовать на мысли и чувства адресата, то адресант осуществляет перлокутивный акт.

Сравнивая три стороны речевого акта, Дж. Остин приводит примеры.

Акт (А), или Локуция:

Он сказал мне …

Акт (В), или Иллокуция:

Он настоял, чтобы…

Акт (С), или Перлокуция:

Он добился того, чтобы…(Остин 1986).

В контексте такого подхода, Дж. Остин выделил два основных качества перформатива, отличающие его от констатива: 1) перформатив является действием в отличие от простого говорения, 2) перформатив может быть удачным/неудачным в противоположность истине/лжи констатива.

Обращение Дж. Остина к коммуникативному функционированию высказываний, а не к их структурному аспекту позволило исследователю классифицировать перформативы. Он разделил их на:

§ вердиктивы (вынесение вердиктов, решений — обвинять),

§ экзерситивы (выражение права, воздействия — назначать),

§ комиссивы (склонять самого себя к действиям, включающие в первую очередь обещать),

§ бехабитивы («сборная» группа, включающая речевую маркировку реакций на социальное поведение — благодарить, сожалеть и под.),

§ экспозитивы (выражают включение высказываний в диалогические построения типа Я отвечаю, Я возражаю).

Одним из серьезных недостатков этой классификации Дж. Серль посчитал то, что распределению подверглись не иллокутивные акты, а сами иллокутивные глаголы. Между этими явлениями нет соответствия. Дж. Серль привел в качестве примера английский глагол announce,

который может применяться при назывании разных речевых актов. В целом же классификация перформативов, предложенная Дж. Остином, оказалась неудачной и не нашла последователей.

Дж. Серль, предпринял попытку эксплицировать правила, управляющие речевым актом, а также описать механизмы передачи намерения от говорящего к слушающему в процессе коммуникации, что, в итоге, позволило классифицировать речевые акты следующим образом: а) ассертивы (репрезентативы), сообщающие о положении дел и предполагающие истинностную оценку; б) директивы, побуждающие адресатов к определённым действиям; в) комиссивы, сообщающие о взятых на себя говорящим обязательствах; г) экспрессивы, выражающие определённую психическую позицию по отношению к какому-либо положению дел; д) декларативы, устанавливающие новое положение дел.

В основе классификации Дж. Серля три параметра: иллокутивные силы, направленность перехода от слова к миру (как, например, в приказе) или от мира к словам (как, например, в репрезентативе) и выражаемое психическое состояние.

Естественно, что обе приведенные классификации несовершенны. Так, сведение всего многообразия речи к пяти функциональным проявлениям выглядит достаточно искусственным (фактически, извинения, поздравления, соболезнования и т. д. «попадают» в один-единственный тип, хотя, например, поздравление и соболезнование не являются коммуникативными синонимами, связанными отношениями коммуникативной трансформации). Кроме того, вызывает сомнение некая «категоричность» отнесенности речевого факта к конкретной позиции и исключение «пограничных», переходных явлений. Попытки создания других, более «современных» классификаций предпринимались неоднократно. Одной из удачных попыток может считаться типология Ю. Д. Апресяна: в работе (Апресян 1986: 208-223) он выделил 15 классов перформативных глаголов: 1. Сообщения, утверждения. 2. Признания. 3. Обещания. 4. Просьбы. 5. Предложения и советы. 6. Предупреждения и предсказания. 7. Требования и приказы. 8. Запреты и разрешения. 9. Согласия и возражения. 10. Одобрения. 11. Осуждения. 12. Прощения. 13. Речевые ритуалы. 14. Социализированные акты передачи, отмены, отказа и пр. 15. Названия и назначения.

В качестве примеров для всех групп Ю. Д. Апресян использовал только те глаголы, которые допускают прямое перформативное употребление (сообщаю, признаюсь, обещаю и т. д.).

Классификация речевых актов основывается на той иллокутивной силе, которой обладает высказывание, и, соответственно, их типология имеет общую природу с классификацией перформативных глаголов. Многие исследователи предпринимали попытки классифицировать речевые акты (Дж. Серль и Д. Вандервекен, Дж. Лич, Р. Оман, Б. Фрезер, З. Вендлер, Дж. Мак-Коли, Д. Вундерлих и др.), но одной из самых убедительной представляется типология Дж. Серля, представленная им в 1976 году в работе «Классификация иллокутивных актов» (Серль 1986). Дж. Серль, выделив отдельно пропозициональные речевые акты, подразделяющиеся на акты референции, т.е отнесения к миру, и акты предикации, т.е. высказывания о мире, определил двенадцать значимых с лингвистической точки зрения параметров, опираясь на которые можно, по его мнению, обосновать принципы отнесения высказываний к тому или иному классу: 1. Цель говорящего в данном акте. 2. Направление приспособления между словами и миром (некоторые иллокуции призваны сделать так, чтобы слова соответствовали миру — Благодарю вас; другие призваны сделать так, чтобы мир соответствовал словам — Прошу вас сделать это). 3. Выражаемые психические состояния (вера, убеждение, желание, потребность, удовольствие и т. д.). 4. Сила, энергичность иллокутивной цели (просить и приказывать). 5. Статус и положение коммуникантов (приказывать и молить). 6. Способ, которым высказывание соотнесено с говорящим и слушающим (советовать — в пользу слушающего, просить — в пользу говорящего). 7. Связи с остальной частью дискурса и с контекстом (Теперь рассмотрим.... Из этого я заключаю..., Подвожу итог...). 8. Пропозициональное содержание высказывания по отношению к иллокутивной силе (предсказывать — о будущем, сообщать — безразлично ко времени). 9. Акты, которые всегда являются речевыми (спрашивать), и акты, которые могут осуществляться как речевыми, так и неречевыми средствами (наказывать). 10. Акты, требующие или нет для своего осуществления внеязыковых установлений (отлучить от церкви, объявить

войну). 11. Акты, образуемые перформативным глаголом, и акты без такого глагола (Я вас прощаю — при невозможном: Я вам лгу). 12. Различия в стиле осуществления речевого акта (торжественная присяга и обыденное обещание; заявить – официальное, и поведать - интимное). В контексте представленной таксономии (см. пункт 11) З. Вендлер предложил понятие «иллокутивное самоубийство», суть которого в том, что не всякое речевое действие может быть выражено высказыванием с речеактовым глагольным предикатом типа: Благодарю вас, Я вас прощаю и т.д. (Вендлер — 1985). Имеется целый ряд речевых актов, в которых употребление глагола в подобной форме «убивает» иллокутивную силу высказывания. Обычно приводится пример о том, что можно лгать (любым способом), но нельзя осуществить речевой акт лжи высказыванием Я вам лгу. З. Вендлер указывает глаголы, приводящие к иллокутивному самоубийству: подстрекать, подначивать, побуждать, угрожать, похваляться, хвастаться, намекать, лгать, ругать, поносить, пилить, придираться, высмеивать, насмехаться, язвить, льстить и др.

В более поздней работе «Основные понятия исчисления речевых актов», выполненной совместно с Д. Вандервекеном (Серль, Вандервекен 1986), Серль и его соавтор выделяют семь опорных различительных признаков речевого акта:

1. Иллокутивная цель.
2. Способ достижения иллокутивной цели (приказывать и умолять).
3. Интенсивность иллокутивной цели (приказывать и советовать).
4. Условия пропозиционального содержания (предсказание относится к будущему).
5. Предварительные условия (обещанию предшествует уверенность в возможности его выполнить).
6. Условия искренности.
7. Интенсивность условий искренности (торжественное и обычное обещание).

В итоге, Дж. Серль выделил следующие классы речевых актов:

1. Репрезентативы — сообщения, утверждения о некотором положении дел.
2. Директивы — стремление говорящего побудить слушающего к совершению чего-либо (Прошу вас подвинуться).
3. Комиссивы — обещания, обязательства (Обещаю вам сделать это).
4. Экспрессивы — выражения психического состояния говорящего, этикетное поведение по отношению к слушающему (Благодарю вас).
5. Декларативы — декларации, объявления, назначения, изменяющие положение дел в мире и успешные в том случае, если говорящий наделен социальным правом такие декларации осуществлять (Объявляю собрание открытым — со стороны председателя собрания).

Очевидно, что классификация Дж. Серля не «идеальна». Так, репрезентативы-сообщения могут быть утверждениями и отрицаниями, директивы-побуждения могут представлять собой просьбы, приказы, советы и приглашения и т.д.

Работа в направлении «упорядочения» речевых актов продолжается сегодня многими исследователями, а общее количество выделенных классов доходит до восемнадцати. Появились многочисленные модификации в области таксономии речевых актов и в их трактовке (Д. Вундерлих, Т. Баллмер и В. Бренненштуль, Д. Вандервекен, Дж. Версурен, Манфред Бирвиш, Жиль Фоконье, Франсуа Реканати, Ференц Кифер, Вольфганг Мотч, Зено Вендлер, Анна Вежбицка, В.В. Богданов и др.). Исследутся перлокуции (Стивен Дэвис). Появилось большое число работ, посвященных описанию на материале различных языков отдельных типов и видов речевых актов, их функционированию в монологическом и диалогическом дискурсе, языковых и неязыковых средств реализации иллокуций, в том числе в научной семантико-прагматической школе И.П. Сусова (А.А. Романов, Л.П. Рыжова, С.А. Сухих, Н.А. Комина и др.), в школах В.В. Богданова, Л.П. Чахоян (Петербургский университет), Г.Г. Почепцова (Киев), в школе В.В. Лазарева (Пятигорск).

Осуществляется исследовательская деятельность и в «углублении» и детализации имеющихся классификаций. Так, Ф.Н. Карташкова (Карташкова 1999) разграничивает речевые акты именования, отличительной чертой которых является «однократность»: номинант

присваивает имя объекту только один раз (это имена), и речевые акты называния, т.е. высказывания, построенные по формуле X's name is Y (My name is Bellamy James). Сфера действия речевых актов называния превышает сферу действия речевых актов именования.

Речевые акты называния подразделяются на речевые акты, 1) ориентированные на предметный компонент действительности, 2) связанные с классифицированием предметов и явлений окружающей действительности и 3) ориентированные на адресата/слушающего.

Имя в речевом акте называния может использоваться как маркер отношения номинанта к номинанту, ограниченный либо крайними полюсами аксиологической шкалы "хорошо — плохо", либо проявлением определенных эмоций номинанта, или как маркер взаимоотношений между коммуникантами. Сюда относятся в первую очередь оценочная лексика, а также слова нейтральной семантики.

Перлокутивный эффект имен в речевом акте называния предполагает воздействие, оказываемое данным высказыванием на адресата. Это может быть воздействие имени номинанта на участников коммуникативного акта или сочетания глагола и имени.

Ф.И. Карташкова подчеркивает, что в основе перечисленных высказываний лежит причинно-следственный принцип, составляющий основу процесса познания и формирования картины мира. Основной целью номинанта в речевом акте называния является передача классифицирующих и систематизирующих (таксономометрических) сведений об объекте. Анализ таких высказываний показал, что в рассматриваемых ситуациях имеет место одновременно называние факта/события и оценка его номинантом.

С. А. Сухих представляет типологию речевых актов на основе корреляции речевых действий с их функцией. Исследователь выделяет констативы (функция - представление положения дел с большей или меньшей степенью убежденности), контактивы (поддержание уровня отношений между партнерами), регулятивы (прямое и косвенное регулирование предметного поведения и состояния партнера), экспрессивы и квазиэкспрессивы (выражение внутреннего состояния партнера), эротативы (запрос информации), структивы (сегментация диалога), декларативы («создание» положения дел) (Сухих 2004: 41-42).

Интерес к формам общения и таким специфическим единицам, как речевые акты, активизировал изучение речевого жанра. Речевой жанр связан со стереотипизацией коммуникативных ситуаций в самых разных сферах практической и ментальной деятельности человека, поэтому жанры неразрывно связаны со стилями, и каждый стиль обладает набором типизированных жанров, как в устной, так и в письменной форме существования языка.

Отношения речевого акта и речевого жанра определяются характером мотивирующей интенции (репликоили текстообразующей). Речевая интенция воплощается в речевом акте как единичном высказывании и в речевом жанре как в «комплексе» высказываний. Жанровые стереотипы, сложившиеся в результате многократного повторения в связи с необходимостью соблюдать некие конвенции (выдерживать в тексте единство содержания, композиции, стиля), составляют часть коммуникативной компетенции индивидуума как члена социума. В частности, М. М. Бахтин отмечал: «Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, предугадываем определенный объем (то есть приблизительную длину речевого целого), определенное композиционное построение, предвидим конец, то есть с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи» (Бахтин 1986: 271—272).

Итак, теория речевых актов явилась одним из самых принципиальных шагов при переходе от описания семантического значения к значению прагматическому. Фактически, уже в лекциях Дж. Остина наблюдается процесс перехода от понятия перформативности как особого типа значений к прагматической природе коммуникации. Таким образом, теория речевых актов, будучи разделом семантики, стала одним из источников современной прагматики.

Как позднее сформулировал Р. С. Столнейкер: «Утверждение, приказ, контрфактическое высказывание, требование, догадка и опровержение, просьба, возражение, предсказание, обещание, призыв, рассуждение, объяснение, оскорбление, вывод, умозаключение, предположение, обобщение, ответ и обман—все это суть типы речевых актов». Задачей анализа

является обнаружение необходимых и достаточных условий успешного (или, возможно, для некоторых типов нормального)' осуществления речевого акта. Эта задача относится к области прагматики, поскольку необходимые и достаточные условия как таковые обычно связаны с наличием/отсутствием определенных свойств контекста, в котором осуществляется данный речевой акт, скажем, таких, как намерения говорящего; знания, мнения, ожидания и интересы говорящего и слушающего; другие речевые акты, уже осуществленные в том же самом контексте; время произнесения высказывания и результат его произнесения; истинностное значение выражаемой пропозиции, а также семантические отношения между этой пропозицией и некоторыми другими, так или иначе включенными в рассмотрение» (Столнейкер 1985: 424).

2. ТЕКСТ/дискурс в коммуникативном процессе

2.1. Текст в коммуникации

2.1.1. Текст как лингвистическая единица

Текст является законченным сообщением, выраженным в вербальной форме (Каменская 1990: 8). Текст объемом от отдельного высказывания до большого романа признается высшей единицей коммуникации в современном языкознании. Эта единица трактуется исследователями как определенным образом организованная совокупность предложений с единой коммуникативной задачей. Законченная последовательность предложений, составляющих текст, связана друг с другом по смыслу в рамках замысла автора (говорящего). Степень сложности текста, его объем зависят от коммуникативной задачи, от особенностей общения в данной отрасли знания или деятельности, от принадлежности к определенному жанру текста, от характеристики его компонентов.

Любой текст обусловлен экстралингвистическими и интралингвистическими показателями, связанными с содержанием и структурой самого текста. Многообразие этих показателей приводит к многочисленным определениям текста как лингвистического феномена.

Так, академическое издание «Синтаксис текста» содержит формулировку: «Текст – идеальная высшая коммуникативная единица, тяготеющая к смысловой замкнутости, конституирующим признаком которой, однако, является связность, проявляющаяся каждый раз в других параметрах, на разных уровнях текста, и в разной совокупности частных связей» (Синтаксис текста 1992: 66).

По мнению Т.М. Николаевой, «текст - объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» (Николаева Т.М. Текст // Русский язык: Энциклопедия. – М.: БРЭ; Дрофа, 1997. С. 555). О.Д. Вишнякова считает, что «текст может быть определен как речевое коммуникативное образование, функционально направленное на реализацию внеязыковых задач» (Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка). – М., 2002. С.183).

В своей монографии М. Я. Дымарский, рассматривая многообразие подходов к трактовке текста, определяет его следующим образом: «Текст представляет собой системно-структурное образование, обладающее упорядоченной (иерархической) организацией, которая обеспечивается связностью - глубинной и поверхностной, локальной и глобальной... Текст как процесс и текст как продукт - две тесно связанные между собой, но существенно различные стороны одного явления» (Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.). — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. С. 21-22).

Объем текста может быть различен. Строгие грамматические правила для установления его языковых границ отсутствуют: текст может быть и очень кратким и очень обширным; кроме того, во многих случаях относительно большой текст членится на достаточно самостоятельные части. Эти части обычно бывают соединены друг с другом как синтаксическими, так и несинтаксическими связями: отношениями неместоименных и местоименных слов, интонацией, лексической семантикой слов, специальными средствами выражения субъективного отношения к сообщению. Грамматический анализ предложения опирается на тексты, свойствами которых определяется те или иные характеристики как самого предложения, так и особенностей его функционирования. В сферу грамматики входят такие тексты, части которых связаны друг с другом формально, синтаксически. Текст в целом или его части в том или ином смысле всегда существенны для понимания и определения входящих в него единиц сообщения.

И. Р. Гальперин, утверждая, что текст – это объект лингвистического исследования, отмечает: «Текст – произведение речетворного процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную «целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин 1981: 18). Говоря о двойственной природе текста (статике и динамике), исследователь утверждает: «Представленный в последовательности дискретных единиц, текст находится в состоянии покоя, и признаки движения выступают в нем имплицитно. Но когда текст воспроизводится (читается), он находится в состоянии движения, и тогда признаки покоя проявляются в нем имплицитно. При чтении текста происходит перекодирование сообщения. Сигналы кода, рассчитанные на зрительное восприятие, трансформируются в слуховые сигналы, не полностью утрачивая характеристики первого кода» (Гальперин 1981: 20).

Развернутое определение, обобщающее многие современные подходы к дефиниции «текст», приводит В. В. Красных: текст - это «I) вербальный и знаково зафиксированный (в устной или письменной форме) продукт речемыслительной деятельности; 2) вербальная и знаково зафиксированная «реакция» на ситуацию; 3) опосредованное и вербализованное отражение ситуации; 4) речемыслительный продукт, который обладает содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью; 5) речемыслительный продукт, который обладает тематическим, структурным и коммуникативным единством; 6) нечто объективно существующее, материальное и поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств (например, орудий письма, бумаги, аудио-/видеопленки и т.д.); 7) некая особая предикативная единица, если под предикацией понимать вербальный акт, с помощью которого автор интерферирует («вписывает») в окружающую действительность отраженную в его сознании картину мира, результатом чего является изменение объективно существующего реального мира; 8) нечто изменяющее окружающий мир, экстралингвистическую реальность самим фактом своего существования; 9) с точки зрения формально-содержательной структуры и вычленения в дискурсе, текст есть речевое произведение, которое начинается репликой, не имеющей вербально выраженного стимула, и заканчивается последней вербально выраженной реакцией на стимул (вербальный или невербальный) (Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. М.: Диалог МГУ, 1998. С. 198).

Сегодня можно говорить о многообразии подходов к изучению феномена текста в современном языкознании. Например, в философско-культурологическом аспекте проблематика текстообразовательных процессов представлена в трудах А.К. Устина (разработка культурогенно-дейктического механизма текстообразования), Л.Н. Мурзина (понимание культуры как наивысшего уровня языка, раскладывающегося на тексты), М.Я. Дымарского (анализ семиотического статуса текста, демаркация понятий текст - дискурс - художественный текст). Ю. М. Лотман, характеризуя художественный текст, рассматривает его как «целостный знак» (Лотман 1970: 31).Чан Ким Бао различает дискурс и текст сквозь призму иньян-концепции, М. Риффатер на основе принципа «третьего текста» при установлении интертекстуальных связей рассматривает риторическую теорию текста. Лингвистический анализ культурно-текстовых отношений представлен в работах Н.С. Болотновой, Е.И. Дибровой, О.Л. Каменской, И.И. Климовой, Ю.С.Степанова, В.М. Шаклеина, Т.А. Ван Дейка, Д. Деласа, Ж. Козна, И. Лесерва, Ж. Фийоле и др.

2.1.2. Основные категории текста

Содержание как обобщенное понятие применительно к тексту приобретает значение, отличное от «классических» дефиниций «смысл» и «значение». Содержание как термин грамматики текста относится лишь к информации, заключенной в тексте в целом; смысл – к

мысли, сообщению, заключенным в предложении или в сверхфразовом единстве; значение – к морфемам, словам, словосочетаниям, синтаксическим конструкциям.

Любой текст дробится на части, которые, объединяясь, сохраняя единство, цельность произведения, обеспечивают последовательность (континуум) излагаемых событий, фактов, действий. Между описываемыми событиями должна быть какая-то преемственность, какая-то связь, не всегда даже выраженная выработанной системой языковых средств – союзами, причастными оборотами и прочим. Для обозначения таких форм связи И.Р. Гальперин вводит термин «когезия». «Когезия – это особые виды связи, обеспечивающие континуум, то есть логическую последовательность, взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий» (Гальперин 1981: 74). Когезия характерна только для текстов. «Континуум» – тоже категория текста, а не предложения. По существу, континуум как грамматическая категория текста – это синтез когезии и прерывности. Континуум представляет читателю/слушателю возможность творчески воспринимать текст, домысливать некоторые факты, искать причинно-следственные и определительные отношения между разрозненными действиями и связывать их между собой, восстанавливая их непрерывность. «Категория континуума как категория текста, проявляющаяся в разных формах течения времени, пространства, событий, представляет собой особое художественное осмысление категорий времени и пространства объективной действительности. Это дало основание для введения термина «континуум» вместо «последовательность» (Гальперин 1981: 97).

Автосемантия отрезков текста является тем необходимым приемом организации текста, который обеспечивает более углубленное раскрытие содержательно-концептуальной информации.

И. Р. Гальперин вводит еще одну категорию текста – модальность текста. Отношение говорящего к действительности, постулируемое как основной признак модальности, в той или иной мере характерно для всякого высказывания. В. В. Виноградов считал модальность существенным конструктивным признаком предложения.

Необходимо подчеркнуть, что методы анализа текста как крупной единицы речевого акта не тождественны методам анализа его частей. «При анализе текста внимание обращено на макрофакты – события, эпизоды, характеристики, фабулу в ее развертывании. Метод анализа текста состоит в том, что все эти части рассматриваются как изолированно, так и в их взаимоотношениях. Такой метод можно назвать синтезирующим или интегрирующим» (Гальперин 1981: 124). Интеграция задана самой системой текста и возникает в нем по мере его развертывания. Она – неотъемлемая категория текста. Именно интегрирование обеспечивает последовательное осмысление содержательно-фактуальной информации.

Когезия и интеграция – понятия взаимообусловленные, но они различны с точки зрения их форм и средств выражения в тексте. Когезия – это формы связи – грамматические, синтаксические, лексические – между отдельными частями текста, определяющие переход от одного контекстно-вариативного членения текста к другому. Интеграция – это объединение всех частей текста в целях достижения его целостности. Когезия линейна, интеграция вертикальна. Главное в процессе интеграции – центростремительность частей текста. «Центром» является содержательно-концептуальная информация, содержащая в отдельных отрезках текста.

Текст обладает еще одной категорией – завершенностью. Он имеет начало и конец (текст без начала и конца может существовать лишь как отклонение). Текст ограничен во времени и пространстве. «Завершенность ставит предел развертыванию текста, выявляя его содержательно-концептуальную информацию, имплицитно или эксплицитно содержащуюся в названии. Концовка – это заключительный эпизод или описание последней фразы развертывания фабулы произведения» (Гальперин 1981: 135).

Выделяются такие существенные признаки текста, как связность, иерархичность, синтаксический изоморфизм.

Связность – главное и первичное свойство текста. Она выражается в синтаксическом характере соединения предложений, прозаических строф и фрагментов. Любой текст должен

прежде всего удовлетворять требованию связности, то есть его единицы должны «соединяться» между собой одним из способов структурно-семантической связи.

Иерархичность проявляется в неодинаковой роли предложений и прозаических строф в составе текста. Только начальные предложения выступают как самодостаточные, максимально независимые от контекста.

Синтаксический изоморфизм состоит в том, что на более высоких уровнях используются способы связи, подобные тем, которые характерны для более низких уровней.

Таким образом, текст представляет собой сложную, иерархически организованную речевую систему, пронизанную множеством семантико-синтаксических связей. Исследователи склонны считать текст реальной высшей синтаксической единицей, в состав которой входят единицы низшего порядка (предложение, сверхфразовое единство, ССЦ, прозаическое целое, абзац).

В изучении текста критерием является признак лексико-синтаксической выраженности/невыраженности причинно-следственных связей между предложениями или более крупными частями текста.

Наиболее существенные инвариантные свойства в организации текста заключаются в наличии внутритекстовых связей и дифференцированной структуры, отражающей семантическую структуру текста. Такая «комплексная» структура обусловлена структурой внутритекстовых связей (межфразовых связей), которые могут быть типологизированы.

Построение/выявление структуры текста в процессе коммуникации, установление связей между предложениями/высказываниями текста/дискурса не является самостоятельным, обособленным процессом. Эта задача решается коммуникантами с помощью использования специализированных средств организации текста, которые в том или ином сочетании можно обнаружить в большинстве текстов. Эти средства разделяются на коннекторы и демаркаторы.

Совокупность элементов, с помощью которых осуществляется связь между двумя или более компонентами текста, называется коннектором. Элемент коннектора, входящий в один из связываемых компонентов текста (иногда совпадающий с ним), называется компонентом коннектора. В зависимости от нахождения коннектора в одном предложении или распределении компонентов коннектора по двум или более предложениям, блокам предложений текста различаются одно-, двухи многокомпонентные коннекторы (моно-, бии поликоннекторы). В качестве компонентов коннектора могут выступать различные языковые средства. В наиболее простом случае связь двух предложений с помощью коннектора обусловлена наличием в связанных предложениях соответствующих «зацепленных», то есть грамматически или семантически связанных друг с другом слов или групп слов. Эти два слова (две группы слов) в совокупности и образуют коннектор, а каждое слово (группа слов) – компонент коннектора.

Коммуниканты в процессе коммуникации используют внутритекстовые связи двух типов: эксплицитные и имплицитные (Каменская 1990: 58). Эксплицитными называются связи с явно выраженными коннектором, и поэтому они легко устанавливаются и распознаются коммуникантами. Можно постулировать наличие следующих видов эксплицитных связей: рекуррентные, координатные и инцидентные, устанавливаемые с помощью соответствующих коннекторов. К эксплицитным средствам организации текста можно отнести также демаркаторы – специальные знаки границ текста или субтекста.

2.1.3. Проблема типологии текстов

Для анализа дискурсивного процесса в контексте функционального подхода необходимо обратиться к проблеме типологии текстов как «продуктов» речевой деятельности.

Рассматривая вопрос о типологии текстов, следует отметить мысль К. Бринкера о том, что каждый конкретный текст представляет собой не реализацию общего абстрактного понятия «текст», а реализацию определенного типа текста (Brinker 1992: 10). Поэтому среди основных задач как «общей» лингвистики текста, так и функциональной лингвистики выделяются задачи выработки универсального определения типа текста, исчисления возможных типов текста, а также их классификация на единых основаниях. И действительно, проблема создания типологии

текстов – одна из фундаментальных проблем современной лингвопрагматики. Создание единой типологии текстов необходимо: 1) для выявления принципов, норм, правил и закономерностей порождения и восприятия текстов; 2) для лингвистического анализа отдельных текстов (важно выявить признаки, присущие только данному типу текста, а также те признаки, которые объединяют его с другими); 3) для описания явления интертекстуальности: типы текста по своей сути интертекстуальны, так как создание и восприятие текста зависит от знания других текстов и владения навыками составления разных типов текста; 4) для выявления признаков «текстуальности» речевого произведения и главных текстообразующих признаков; 5) для окончательного определения «текста» как лингвистической категории.

Тип текста можно определить как класс текстов, «которые имеют одинаковые коммуникативные цели и условия протекания коммуникации, а также сходные грамматические и тематические характеристики (т.е. используют определенные грамматические конструкции, синтаксические структуры, закономерности актуального членения, сходную лексику)» (Lexikon 1985: 281). Это «немецкое определение» относится ко всем типам текста, кроме художественных, которые не включаются в данную типологию и изучаются отдельно, так как художественный текст обладает рядом специфических свойств.

Выделение типов текста необходимо проводить с некоторых общих признаков. Например, К. Бринкер говорит о трех типах признаков:

1) контекстуальных, или ситуативных, в которых содержатся указания на условия протекания коммуникации; 2) коммуникативно-функциональных, характеризующих тип текста с точки зрения намерения и интенций коммуникантов; 3) структурно-лингвистических (здесь имеются в виду тематические и грамматические признаки) (Brinker 1992: 132).

В функциональном аспекте типы текста выделяются прежде всего на основе определенной коммуникативной ситуации. При этом учитываются такие экстралингвистические факторы, как интенции говорящего (автора текста), сфера коммуникации, отношения между говорящим и адресатом, конкретные условия протекания коммуникативного акта. Именно эти факторы влияют на особенности тематической структуры каждого типа текста и определяют выбор языковых средств.

Типология текстов весьма различна. Так в немецком языкознании описаны такие типы текста, как рекламный текст, брачное объявление, прогноз погоды, телеграмма, кулинарный рецепт, анекдот, комикс, рецензия, гороскоп, письмо, поздравление, новости по радио, новости в газете, политический комментарий в газете, резолюция, формулировка задания в учебнике, научный текст, инструкция по применению, аннотация, заголовок и др. (Radunzel 2002: 12-13). В итоге, типы текста определяются как составная часть соответствующих речевых действий. Имея типизированную коммуникативную структуру и определенные средства выражения, они легко распознаются участниками коммуникации, способствуют адекватной интерпретации говорящим поведения других людей, помогая коммуникантам ориентироваться в различных ситуациях.

Типы текста нормативны по своей сути, они реализуют функцию типизации социального взаимодействия в пределах одного коммуникативного сообщества. К. Эрмерт отмечает, что типы текста представляют собой образцы коммуникативной организации речи, облегчая коммуникацию в плане создание и восприятие реальных текстов (Ermert K. Briefsorten. Untersuchungen zu Theorie und Empiric der Textklassifikation. Tubingen, 1979.). Более того, в сознании члена языкового сообщества определенные события связаны с определенными типами текста: например, день рождения, свадьба - с поздравлением, выборы - с предвыборными речами и агитацией. Несоблюдение коммуникативных норм ожидания, связанных с социальными действиями, может привести к непониманию, недоразумению и т.п. (Radunzel C. Russische und deutsche Reden vor den Vereinten Nationen: eine kontrastive Analyse. Frankfurt a. M., 2002).

Дж. Лемке в коллективной монографии предлагает новую типологию текстов как социального феномена. Первый тип текстов (и других семиотических артефактов) образуют уникальные сакральные тексты, назначение которых - неизменная передача одного и того же текста от поколения к поколению. Второй тип текстов возникает тогда, когда люди переходят к осознанию стандарта, жанра, текстового типа. Это связано, прежде всего, с развитием

книгопечатания. Смысл конкретного текста сохраняет свою значимость, но еще большую значимость приобретает соответствие этого текста стандартному типу. В условиях глобализации и возникновения единой компьютерной сети появляется текст третьего типа, отличительная особенность которого - наличие гипертекста, возможность моментального переключения в любой другой текст, жанр, способ передачи и хранения информации. На первый план здесь выходит гибридизация типов дискурса и отдельных жанров, тотальное размывание границ в едином текстовом пространстве. Текст третьего типа поддержан новой культурой в целом, возможностью переключения предметной деятельности, места работы и жительства, даже собственной идентичности. Эти тексты в своей основе отражают важнейшие признаки эпохи постмодернизма. Главная характеристика этих текстов - возможность постоянных переходов к другим семиотическим образованиям. Автор предлагает новый термин для обозначения таких переходов - «траверсалии» - traversals (Critical discourse analysis 2003: 135). Наличие этих траверсалий предполагает и новые виды контроля общества над своими членами, главным образом посредством масс-медиа. Тексты третьего типа - это в массе своей короткие тексты (их прототип - газетное или журнальное сообщение, которое можно прочитать за несколько минут), предназначенные для однократного использования и все чаще включающие визуальный компонент (картинку). Соответственно, выделяются три типа текстовой компетенции: 1) умение точно запомнить и многократно воспроизвести заданный текст; 2) умение осознать жанровый канон и воспроизводить тексты в рамках этого канона; 3) умение соединять любые тексты (и текстообразующие институты). В последнем случае высоко ценится стратегия соединения текстов, именно здесь, по мнению Дж. Лемке, следует ожидать новых способов осуществления социального контроля.

Типы текста складываются исторически в данной языковой общности и чутко реагируют на все изменения, происходящие в обществе. С течением времени возникают новые типы текста: в последнее время, например, такие, как SMS (короткое сообщение на мобильный телефон), e-mail (электронная почта), chat (непосредственное общение в Интернете). При этом наборы типовых речевых произведений в отдельных языковых обществах (например, российском), могут различаться, что определяется в первую очередь социокультурными особенностями речевой коммуникации. Так, резюме как особый тип текста заменил принятую в советском обществе автобиографическую справку и заявление о приеме на работу.

Система типов текста также связана с личным опытом в коммуникативной практике каждого члена этого общества. Некоторые люди владеют определенными типами текста активно или пассивно, некоторые только пассивно; есть такие типы текста (например, эссе), которыми владеют немногие носители языка.

В российской лингвистической традиции считается, что наиболее адекватной природе текста признается такая типология, в которой отражены намерения субъекта, его интенции (ср. пресловутые обобщенные описание, повествование и рассуждение). В частности, в научных текстах объектирован процесс и/или результат решения разнообразных познавательных задач. Ситуации познания и их текстовое воплощение моделируемы, и каждый способ, каждая задача имеют свою логическую (когнитивную) структуру и текстовую форму. В целом традиционная типология текстов - «описание», «повествование» и «рассуждение» - содержит противопоставление действительности и познающего, мыслящего субъекта. Однако «описание» и «рассуждение», если противопоставлять их как начало и конец «эволюционной спирали» познания, в «чистом» виде являются лишь своеобразными «точками отсчета», между которыми располагается множество различных текстовых форм, отображающих тот или иной этап развития познания и его «вербальное» воплощение (см., например, Цветкова 1999).

Следует отметить, что в работах отечественных лингвистов последних лет проблема типологии текстов во многом является, фактически, проблемой жанров. Так Н. С. Бабенко указывает, что систематизация текстов по жанрам, типам, классам выделилась в самостоятельный аспект лингвистической теории текста, однако «попытки обобщить в единой классификации все многообразие существующих жанров текста носят пока поисковый и иллюстративный характер. Они демонстрируют уязвимость жанрового членения текстового

континуума и принадлежность жанров текста к классам, которые в современной теории множеств именуются "нечеткими множествами", т.е. такими, между которыми отсутствуют четко очерченные границы и элементы которых частично совпадают и перекрещиваются. Это свойство жанров текста препятствует выделению единого классификационного основания и определяет поиск системности жанров с иных позиций» (Бабенко 1999: 51).

Н.С. Бабенко обсуждает три модели систематизации текстов, каждая из которых служит определенным целям. Наиболее обобщенная и системно-ориентированная модель строится на одном дифференциальном критерии и на одном уровне абстракции. Следующая (иерархически построенная) модель учитывает несколько уровней абстракции с выделением подтипов, классов, разновидностей и жанров текста. И, наконец, третья модель, также многоуровневая по своему строению, но не иерархическая, учитывает разные типологически релевантные свойства текста по матричному принципу, т.е. комбинационно. Как указывает исследователь, «такая модель позволяет включать в нее множество дополнительных типологических характеристик, которые уточняют свойство объекта по разным параметрам; тем самым текст попадает не в одну, а в несколько классификаций в зависимости от количества выделяемых признаков» (Бабенко 1999: 53).

Предлагая принципиально новый подход к художественному тексту при разработке типологии текстов по эмоционально-смысловой доминанте, В.П. Белянин исходит из следующих базовых постулатов: 1) каждый языковой элемент обусловлен не только языковыми, но и психологическими закономерностями; 2) разнообразие психологических типов людей рождает разнообразие когнитивных структур; 3) структуры художественного текста коррелируют со структурами акцентуированного сознания; 4) организующим центром художественного текста выступает его эмоционально-смысловая доминанта, влияющая на семантику, морфологию, синтаксис и стиль; 5) текст представляет собой не имманентную сущность, а элемент целой системы «действительность - сознание - модель мира - язык - автор - текст - читатель - проекция»; 6) читатель имеет право на собственную интерпретацию смысла художественного текста, зависящую не только от текста, но и от психологических особенностей читателя (Белянин 2000: 10)

Исходя из принципиальной возможности построения типологии текстов, основанной на типологии личности авторов, и с учетом характера выделенных эмоционально-смысловых доминант исследованных текстов В. П. Белянин разграничил «светлые», «активные», «темные», «печальные», «веселые», «красивые» и «сложные» тексты. В роли организующего центра текста выступает его эмоционально-смысловая доминанта – «система когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психологической основой ... вербализации картины мира в тексте» (с. 54). Исследователь подчеркивает, что эта типология не является всеобъемлющей, поскольку в нее не вписываются многие тексты, а некоторые из них могут нести в себе несколько доминант. Итак, В.П. Белянин считает эмоционально-смысловую доминанту основанием для достаточно строгой типологизации художественных текстов; он подчеркивает особую значимость этой типологии для целей идентификации личности по речи (Белянин 2000: 61).

С иных позиций разрабатывает типологию текстов Н. Л. Галеева, принимающая за базовый параметр своей классификации понятие художественности как аксиологической характеристики текста, выявляемой через высказанную рефлексию, которая выводит в сферу «чистого мышления», «духовного пространства». К числу параметров, задающих типологию художественных текстов для переводческой деятельности, Н. Л. Галеева относит также содержательность, описываемую через понятия значения, содержания, смысла и идеи (два последних являются составляющими духовного пространства и осваиваются через фиксацию рефлексии), и переводческую трудность с подразделением трудности оригинала для понимания и трудности трансляции понятого. Художественность текста определяется мерой рефлексии (Галеева 1999). Имеются также и другие своеобразные подходы к классификации текстов, преимущественно в связи с целями проводимых исследований или в соответствии с задачами обсуждения некоторых общетеоретических проблем. Из числа первых можно назвать

подразделение текстов на «стандартные» и «нестандартные» по результатам эксперимента О. Л. Гвоздевой (Гвоздева 2001), из числа вторых можно обратить внимание на ставшие в последнее время популярными гендерные исследования и на феминологическую классификацию текстов, предложенную Д. Б. Гудковым (Гудков 2000).

Если сопоставить результаты попыток типологизации текста с жанрами речи, выделяемыми в отечественной лингвистике (ср. просьба, угроза, комплимент, болтовня, ссора, похвальба, лесть, сплетня, признание, исповедь, ультиматум, ходатайство, допрос, обещание, благодарность, совет, объяснение в любви, притворство, приветствие, прощание, утренняя и вечерняя молитва, инаугурационное обращение и др.) (Жанры речи 1999: 5), то обращает на себя внимание преимущественная связь типов текста с изучением письменных произведений, а жанров речи - со сферой устного общения.

И действительно, в современном отечественном жанроведении существуют два направления: некоторые лингвисты выделяют речевые жанры только в пределах повседневной коммуникации, в рамках каждодневного общения (например, комплимент, похвальба, флирт, ссора, непринужденный разговор) (Дементьев 2002.), другие же авторы определяют речевые жанры как «образцы (модели) говорения и письма» (Долинин 1999), что в большей степени соответствует пониманию речевого жанра М. М. Бахтиным.

Речевой жанр, по М.М. Бахтину, - «это не форма языка, а типическая форма высказывания» (Бахтин 1986: 458), которая соответствует типовым ситуациям речевого общения. Устойчивые типы высказывания, характерные для каждой сферы использования языка, как и формы языка, для говорящего «имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему», однако, в отличие от языковых форм, речевые жанры «более изменчивы, гибки и пластичны» (Бахтин 1986: 451). М.М. Бахтин упоминает такие речевые жанры, как бытовой рассказ, письмо («во всех его разнообразных формах»), короткая стандартная военная команда, развернутый детализированный приказ, жанры деловой документации, общественные и политические публицистические выступления, научные выступления, а также все литературные жанры - от поговорки до многотомного романа; кроме того, и короткие бытовые жанры приветствий, прощаний, поздравлений, пожеланий всякого рода, осведомлении о здоровье, о делах (Бахтин 1986: 449).

Фактически, речевой жанр стал еще одним шагом лингвистов-прагматиков на пути поиска базовой единицы речи. К настоящему моменту существует достаточное количество работ, посвященных изучению речевых жанров в разных аспектах.

Все существующие жанроведческие концепции можно разделить на две группы: к первой относятся концепции, опирающиеся на классическое определение жанра (идущие вслед за Аристотелем и Н. Буало). Эта группа характеризуется отсутствием необходимой гибкости, поскольку наблюдается чрезмерная размытость в определении, приводящая либо к его узости (в этом случае «жанр» применим только к произведениям искусства, в том числе и к литературе), либо к всеохватности (тогда под жанром понимают и монолог, и диалог, и полилог). В последней трактовке также выделены дружеская беседа, непринуждённая болтовня, разговоры в семье и т. д. Как можно заметить, подобное направление существенно затрудняет изучение каких-либо отдельных аспектов речевого жанра, чего не скажешь о другой группе концепций. Все концепции, составляющие вторую группу, так или иначе опираются на концепцию речевых жанров, разработанную М. М. Бахтиным и сыгравшую определяющую роль в развитии жанроведения. Он, в частности, отмечал: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента - тематическое содержание, стиль и композиционное построение - неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно

устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» (Бахтин 1986: 428 – 472).

Согласно концепции М.М. Бахтина, речевой жанр представляет собой автономную категорию речи, направляющую, обязательного характера. Автор полагает: «Речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в выборе определенного речевого жанра. Этот выбор определяется спецификой сферы речевого общения, тематическими соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом участников. (Следовательно, существует такое множество жанров, каждый из которых отвечает конкретным предъявленным требованиям ситуации общения, что подтверждает следующая мысль). Речевой замысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспосабливается к избранному жанру, складывается и развивается в определённой жанровой форме… Речевой жанр организует нашу речь так же, как ее организует грамматическая форма… Таким образом, говорящему даны не только обязательные для него формы общенародного языка (словарный состав и грамматический строй), но и обязательные для него формы высказывания, то есть речевые жанры. Речевые жанры гибкие, но для говорящего имеют нормативное значение, они даны ему» (там же).

Именно на этой идее «данности жанра», носящей характер некой постоянной формулы общения, впоследствии была разработана «вертикальная» модель порождения текста, основанная на том, что коммуникант вначале «выбирает» определенный жанр, в рамках которого он собирается вести коммуникацию, и, вследствие этого выбора, использует речевые средства не просто из континуума коммуникативных актов, но из определенных классов средств, объединенных общностью прагматической роли в организации дискурса соответствующего речевого жанра.

Развивая социально-психологический аспект теории жанров речи, К. Ф. Седов характеризует роль жанровых фреймов в дискурсивном мышлении языковой личности. Он показывает, что эти фреймы одновременно отражают «представления о социальных формах взаимодействия людей и речевых нормах коммуникативного оформления этого взаимодействия» (Жанры речи 1999: 168). Становление социолингвистической компетенции человека идет прежде всего в направлении постижения жанровых форм общения.

Однако такая точка зрения, признающая ведущую роль речевого жанра, не является единственной. В противовес ей выдвинут ряд фактических данных, несомненно, заслуживающих внимания. Например, В. Е. Гольдин и О. Н. Дубровская, учитывая тот факт, что жанровая организация речи во многом организовывает социальное взаимодействие, обеспечивает адекватность восприятия ситуации коммуникации, а также поддерживает социальную ориентацию коммуникантов и способствует достижению цели через полную реализацию речевой интенции, предлагают такое определение: «жанр — это тип, форма, коммуникативная организация речевого действия и соответствующего речевого произведения, либо представление, знание о типах, формах, коммуникативной организации речевых действий и соответствующих речевых произведений, но не сами эти действия и произведения» (Жанры речи 1999: 116).

2.1.4. Текст и информация

Порождение текста является одной из составляющих двуединого процесса порождения/восприятия текста, лежащего в основе вербальной коммуникации.

Специфика текстопорождающего действия как одного из видов коммуникативной деятельности, в отличие от предметно-практической и познавательной, заключается, прежде всего, в том, что это действие (и, соответственно, его результат – текст) в подавляющем большинстве случаев не является самоцелью. В коммуникативном акте действия коммуникантов, как правило, направлены на достижение интенций, лежащих в русле других, не коммуникативных видов деятельности.

Цель каждого конкретного коммуникативного акта, обычно, является одной из промежуточных интенций в системе таксономии целей некоторого более общего действия,

относящегося к предметно-практической или познавательной деятельности. Таким образом, мотивация коммуникативного воздействия – это категория, рассматриваемая в рамках предметно-практической или познавательной деятельности.

Любой текст, независимо от его содержания, передает какую-либо информацию реципиенту. Автор, порождающий текст, определенным образом, распределяет в нем информацию.

Вопросы распределения информации формируют одно из ведущих направлений в обширной области функциональных исследований языка. Собственно научный подход к изучению проблематики распределения информации был разработан на функциональной основе в трудах представителей пражского лингвистического кружка (В. Матезиуса, Я. Фирбаса, Ф. Данеша и др.) и получил дальнейшее развитие в различных версиях функциональной лингвистики. В последние десятилетия вопросы распределения информации обсуждаются в связи с проблемами прагмалингвистики, когнитивной лингвистики и теории информационных структур (Дейк 1989; Кубрякова 1994; Лузина 1996 и др).

Однако, как можно заметить, в каких бы парадигмах современного языкознания ни рассматривались проблемы распределения информации, целесообразность этого явления отмечается как его важнейшая характеристика (Кубрякова 1991; Лузина 1996). Эти наблюдения согласуются с общим положением о функциональности как прагматических, так и когнитивных процессов в языке, на которые указывает Е. С. Кубрякова (1991; 1994).

Исследования в области пропозиционального анализа показывают, что распределение информации происходит на уровне пропозиционирования.

Такой подход доказывает, что это свойственно всем основным единицам языка. Так, в процессах вербализации пропозициональной структуры при минимальной «расчлененности» смысла могут использоваться: слово; при намерении не «разворачивать» смысл в предикативную структуру – словосочетание; при реализации задуманного отношения в виде предикативной структуры - предложение.

Подобные отношения свойственны и тексту, но в тексте пропозициональная структура не сводится к простой последовательности пропозиций, соответствующих отдельным частям, а представляет собой макроструктуру, или макропропозицию, в терминах Ван Дейка (Дейк 1989).

Таким образом, в разных по статусу языковых единицах распределение информации осуществляется с различной степенью эксплицитности. Слова используются в языке для хранения в сжатом виде информации о называемом явлении, а высказывания, сегменты текста и целые тексты - для воспроизведения, «распаковки» и модификации свернутой в слове информации.

Распределение информации в этом смысле характерно для разных языковых единиц, причем закономерности этого процесса связаны с особым категориально-сущностным статусом текста как коммуникативной единицы определенного объема.

В традиционных функциональных исследованиях распределение информации рассматривается как способ преодоления линейности и однонаправленности предложения. На это указывает развитие теоретических представлений о распределении информации от позиционно-синтаксического принципа разделения на «данное-новое» к функциональной концепции коммуникативной динамики предложения и введению в лингвистический тезаурус таких понятий как "тема-рема", "топик-комментарий", "топик-фокус" (см. Чейф 1983 и др.). Анализ исследований в этой области показывает, что к настоящему времени произошло «укрупнение» исходной языковой единицы для рассмотрения распределения информации: как уже отмечалось, - от изолированного предложения через сложное предложение к тексту.

Соответственно, и порядок распределения информации в тексте, по последним данным, связан с размерностью текста и его объемом, что непосредственно влияет на качество и количество информации, передаваемой говорящим/пишущим. По наблюдениям исследователей, некоторые качества языковых явлений могут проявляться, лишь начиная с определенных количеств (Воробьева 1993). Таким образом, для того чтобы функции распределения информации проявились с достаточной полнотой и развернутостью, необходим соответствующий формат языковой единицы.

Важнейшей особенностью реализации распределения информации является не только размерность текста, но и его коммуникативный характер. Информация распределяется и организуется в тексте с учетом таких особенностей коммуникативного процесса, как непрерывность и связность потока информации в тексте, наличие маркировки коммуникативных установок, прагматические цели автора и др. Ван Дейк указывает, что текст — это сложный коммуникативный акт, осуществляемый с определенными целями и следствиями (Дейк 1989). Таким образом, и распределение информации в тексте согласуется с этими целями и следствиями.

В целом, для распределения информации в тексте характерен дуализм: во-первых, сам процесс распределения направлен на внутреннюю организацию текста (текст структурируется на уровне предложения, абзаца и т.п.) (см. Longacre 1989 и др.); во-вторых, этот процесс имеет целью интеграцию текста в дискурс, требует преобразования текстового содержания в «адресную» информацию, предназначенную для конкретного адресата.

Структурирование информационного потока, установление иерархической связи между вводимыми порциями информации, маркирование значимой информации и многое другое имеет непосредственное отношение к дифференциации информации: к разделению ее на «данную-новую», «фоновую-выделенную», к оппозиции «темы» / «рема», к различению «топика» и «фокуса». В этом проявляется текстообразующая функция распределения информации, реализующая прагматическую установку автора.

Рассматривая природу такого сложного явления, как распределение информации в тексте, следует подчеркнуть, что по своей сути оно имеет когнитивно-дискурсивный характер. Таким образом, можно выделить три основные функции распределения информации в тексте/дискурсе: когнитивную, прагмастилистическую и текстообразующую (последняя объединяет как когнитивные, так и лингвопрагматические характеристики).

Когнитивная функция связана с использованием знаний в процессах построения и интерпретации текста. Функциональность распределения информации в этом отношении определяется активным стремлением автора/говорящего к тому, чтобы структура выстраиваемого текста/дискурса максимально соответствовала представлениям адресанта об информационном состоянии адресата. В самом общем представлении когнитивная функция отвечает требованию интерпретируемости текста. Н. Энквист считает это требование одним из условий успешной коммуникации (Enkvist 1990). Различая четыре основных компонента коммуникативно успешного текста (грамматичность, приемлемость, уместность и интерпретируемость), Н. Энквист подчеркивает, что интерпретируемость является наиболее фундаментальным из этих условий. Фактически любое разделение, «разведение» информации в тексте облегчает понимание не только самого сообщения, но и целого комплекса дополнительных смыслов. В своей основе когнитивная функция предполагает то, что автор строит текст в ориентации на адресата, на его понимание текста. В то же время, информация распределяется с учетом имеющегося «субъектного» опыта адресата. Так, Дж. Миллер отмечает, что один из простейших способов передать новую информацию — задать ее в отношении к чему-то уже известному При этом известная информация является «включенной» в информационный тезаурус адресата. Известной становится и та информация, которая передана в предшествующем фрагменте текста. По мнению Дж. Миллера, добавление новой информации к уже известной составляет основу построения концепта текста как в процессах его понимания, так и продуцирования. Можно сказать, что когнитивная функция распределения информации в тексте на «известную» и «новую» является отражением общего принципа усвоения знания: «Новые знания усваиваются апперцептивно, путем соотнесения со старым» (Миллер 1990: 250-251).

Когнитивная функция реализуется и при распределении информации в соответствии с текстовым прототипом, т.е. с прототипической схемой организации текста (Воробьева 1993). Предпосылкой такой реализации является конвенционализированность типов и жанров текстов, функционирующих в сфере социокультурной языковой общности. Другими словами, для адекватного понимания автор, создавая текст, должен строить его в соответствии со своими

собственными знаниями и знаниями предполагаемого или реального слушателя/читателя об известных формах вербальной (текстуальной) коммуникации.

В специальных исследованиях было продемонстрировано, что в восприятии и интерпретации текстов адресат активно использует глобальные структуры представления знаний: фреймы, схемы, планы. При этом отмечается, что фреймы в большей степени подходят к представлению знаний о взаимоотношениях между различными сущностями или концептами, схемы — для представления знаний о последовательности событий и состояний, а планы репрезентируют способ достижения целей. Р. де Богранд и В. Дресслер связывают традиционно различаемые типы текстов с когнитивными структурами: описание - с фреймом, повествование со схемой, аргументацию с планом (Beaugrande, Dressler 1981: 88).

Когнитивная структура, лежащая в основе текста, и знание типа текста позволяет автору распределять информацию непосредственно в ходе реализации собственного плана. В частности, примером реализации этой функции распределения информации является помещение в начало текста некоторого информационного «вступления», задающего своеобразную точку отсчета. На этой основе у адресата формируются ожидания о дальнейшем развертывании сюжетных линий. В этом смысле когнитивная функция распределения информации обеспечивается прототипичностью текста и интертекстуальностью, т.е. знаниями, которые человек приобрел в предшествующем опыте текстуальной коммуникации.

Распределение информации по частям текста во многом зависит от способности адресата сохранять объективно ограниченный объем поступающей информации в кратковременной памяти, и этот процесс в определенной мере является способом поддержки своеобразного баланса между тематической (исходной) информацией и рематическим материалом, который должен интегрироваться в уже определенную (установленную) тему. Реализация когнитивной функции позволяет регулировать объем тематической информации в соответствии с возможностями (способностями) адресата к одновременной обработке информации в единицу времени. В этом заключается один из важнейших аспектов когнитивной функции распределения информации в тексте.

Текстообразующая функция связана с когерентностью дискурса. В современных иследованиях отмечается, что когерентность дискурса определяется не только лексической или синтаксической когезией, но и пропозициональной связанностью в плане логического развития темы дискурса/текста. В процессе коммуникативного взаимодействия информация передается «порциями», которым во внутреннем лексиконе адресата соответствуют особые структуры сознания, пропозиции. Пропозиция является базовой единицей обработки информации в тексте. Т. Гивон указывает, что с пропозицией связана основная информация, передаваемая предложением и представленная в нем (Givon 1990).

В коммуникативном акте на уровне текста структура информации, как правило, включает в себя более одной пропозиции и является полипропозициональным единством. Ван Дейк и В. Кинч, разрабатывая модель интерпретации текста, отмечают определяющую роль пропозициональных стратегий в процессах порождения и понимания текста (Дейк, Кинч 1988). Суть этих стратегий раскрывается в идентификации пропозициональных цепочек и установлении связи между ними. В этом случае распределение информации выступает как универсальное средство обеспечения когерентности на всех уровнях структуры текста: от предложения и высказывания до сверхфразовых единств, абзацев, глав и т.п.).

Распределение информации играет важнейшую роль в создании когерентности текстов разных типов и жанров, как монологических, так и диалогических. Уже в минимальном диалоге «вопрос-ответ» (обмене репликами), задавая вопрос, говорящий выражает пропозицию, которая требует информационного завершения, т. е. информация «дробится» на взаимосвязанные части. Исследователи текста/дискурса отмечают, что участники коммуникации разделяют общую ответственность за установление связности, которая в широком смысле включает завершенность пропозиционального содержания, поддержку топика дискурса и возможность идентификации референтов.

Таким образом в коммуникации информация передается и распределяется не предложениями, а тем, что стоит за ними и образует некоторую логическую схему сообщаемого, т.е. пропозициями.

Сегодня считается общепринятым, что пропозиции несут определенную семантическую информацию. Однако для когерентности текста более важным являются отношения между пропозициями, устанавливаемые в дискурсе. В условиях реализации принципа линейности, информация в тексте в наиболее общем виде может быть представлена как последовательность (цепочка) пропозиций.

Такое построение по-разному объясняется исследователями. Так, Р. Лонгакр, рассматривая принципы организации текстов, указывает на функции когезии: 1) ретроспективную референцию и 2) перспективную организацию информации (Longacre 1989). Первая функция позволяет осуществлять связь между предложениями или абзацами, вторая обеспечивает «перспективное связывание».

В целом признано, что именно дискурс является той единицей, в основе которой лежит связность пропозиций, а не предложений как таковых. В дискурсе связываются не только референты (логические аргументы с их релевантными предикатами), но и пропозиции. Так, Э. Окс доказывает, что, если две пропозиции выступают как части одного и того же текста, между ними устанавливается информационная когерентность (Ochs 1979).

Важнейшим принципом установления когерентности между отдельными пропозициями в их последовательности является переход от «старой/данной» (известной) к «новой» информации. Для того, чтобы стать связным текстом, а не просто цепью случайных пропозиций, текст должен содержать в том или ином объеме «старый» материал, т.е. уже обработанную в дискурсе информацию. Именно эта информация поддерживает созданную когерентность и обеспечивает включение в нее «новой» информации. В этом смысле дифференциация «данной» и «новой» информации является условием создания когерентного текста/дискурса.

Как уже отмечалось, в создании когерентности (когезии) текста важную роль играет также деление информации на «выделенную» (эксплицитную) и фоновую. В дискурсе связь между пропозициями устанавливается зачастую путем отсылки к общему, фоновому знанию. Фактически, создавая текст, автор может рассчитывать на предполагаемое информационное состояние адресата, которое и позволяет устанавливать информационую когерентность текста.

Таким образом распределение информации проявляет и выполняет свою основную функцию в создании пропозициональной когерентности текста. Распределяя информацию по отдельным пропозициям и выстраивая линейную пропозициональную цепочку, автор создает когерентный в информационном плане текст.

Но такое распределение возможно и за счет иерархической упорядоченности информации в тексте/дискурсе, что также обеспечивает когерентность текста. Речь идет о процессе вербализованного построения темы текста в иерархической упорядоченности «сверху вниз», что, в какой-то мере, является способом преодоления линейности текста и в конечном счете функционально направлено на поддержание глобальной связности частей текста по отношению к теме. Определяющим для распределения информации по «вертикальной» оси является наличие и «концентрация» связей (временных, пространственных, логических и др.) внутри текстовых единств и их ослабление, «сдвиг» при переходе от одной тематической линии к другой. Функция распределения информации по текстовым единствам заключается в направленности этого процесса на реализацию замысла и развитие темы текста.

Прагмастилистическая функция распределения информации позволяет передавать прагматическую (дополнительную по отношению к пропозициональной) информацию в дискурсе, а также осуществлять выбор адекватных языковых средств для выражения соответствующих смыслов. Реализация этой функции, что отмечают многие исследователи, связано с расширением информационного потенциала текста в процессе его развертывания в дискурсе (Longacre 1989 и др.). Фактически, функционирование любого текста на прагматическом уровне позволяет передавать и получать информацию, которая выходит за пределы эксплицитно сообщаемого в тексте. Очевидно, что пропозициональная информация не

исчерпывает все то содержание сообщения, которое может передать текст. Так, рассматривая корреляцию «предложение-высказывание», Р. Кемпсон включает в число основных проблем прагматической теории объяснение способов обогащения информации, передаваемой предложением в дискурсе: «Прагматика, которая предоставляет объяснение того, как предложения используются в высказываниях, чтобы передать информацию в контексте, должна объяснять все, что относится к содержанию предложения» (Kempson 1993: 1).

Контекстуализация информации в тексте/дискурсе предполагает, что автор одновременно с передачей смысла учитывает свои собственные желания, интересы, цели и планы. Целый комплекс решений и выборов относительно распределения и вербализации информации в дискурсивном процессе в значительной степени зависит от мотивации автора текста. Б. Ю. Городецкий отмечает: «Критерии того, что должно, и что не должно отразиться в создаваемом тексте, зависят от установки говорящего» (Городецкий 1989: 18). Кроме того, отмечается, что стремление автора включать в текст больше информации, чем требуется для сообщения о фактах, явлениях, событиях и т.д., обусловливает такие особенности внутритекстовой структуры, как маркирование интенции автора, «ключи» для интерпретации адресатом смысла текста, отношение автора к передаваемому сообщению и к адресату.

Несмотря на то, что такая информация осознанно или неосознанно включается в содержание текста автором и извлекается адресатом в процессе декодирования, выделение ее в тексте наблюдателем (исследователем) вызывает затруднения. Значимость этой информации для адресата заключается в том, что она зачастую оказывает более сильное воздействие, чем буквальное содержание текста.

Как правило, введение в текст/дискурс дополнительной информации отражает стратегию автора, но эта информация прагматична в плане своей направленности на адресата. В то же время, осуществление выбора языковых средств автором текста определяется стилистическими или риторико-стилистическими принципами.

В целом формы реализации прагмастилистической функции распределения информации в тексте весьма разнообразны, но во многих языках основным является порядок слов в предложении. Так, в определении У. А. Фоли указывается: «Информационная структура является кодированием относительной выделенности элементов, особенно именных, входящих в состав части сложного предложения, и реализуется в выборе альтернативных синтаксических конструкций» (Foley 1994: 1678). При этом актуальным для распределения информации в тексте является то, что информационная структура части сложного предложения детерминируется всем предложением или текстом/дискурсом, в котором данное предложение функционирует.

В плане анализа информационной структуры с позиций лингвопрагматической интерпретации современные исследования констатируют очевидные корреляции между концептами этой структуры и их информационной значимостью в тексте/дискурсе. В частности, отмечается, что «топик» коррелирует с подлежащим в предложении, а в тексте относится, как правило, к предполагаемой информации (см. Valin 1993 и др.). «Фокус» обычно ассоциируется с целью высказывания, т.е. с информацией, которую говорящий намерен сообщить в дискурсе. Соответственно и распределение информации в структуре текста характеризуется тем, что топик занимает положение ближе к началу предложения/высказывания, а фокус — к концу.

Таким образом, «топик» обычно соотносится с данной/старой (известной) информацией, которая осознается говорящим в реализуемом тексте, тогда как элементы «фокуса» относятся к новой информации. Кроме того, концепт данной информации интерпретируется часто как «эквивалентный» пресуппозиции.

В специальных исследованиях концепты информационой структуры традиционно рассматривались в основном относительно семантики предложения. Однако в последнее время особое внимание обращается и на те прагматические функции, которые они выполняют в дискурсе.

В рамках референциально-ролевой грамматики «топик» и «фокус» рассматриваются как основные информационные статусы, свойственные высказываниям в тексте. Структурные особенности распределения информации также интерпретируются как образцы распределения

прагматических функций «данное-новое» и «топик-фокус» (Journal of pragmatics 1991). В основе этих исследований лежит не способ «упаковки», а прагматическая функция распределения информации, нацеленная на потребности адресата и реализацию авторской интенции.

Прагмастилистическая функция основывается на концептуальных положениях Ван Дейка (Дейк 1989). К таковым относятся: распределение информации между пресуппозицией и утверждением, фокус и перспектива, перемена места действия или темы сообщения, введение новых референтов (участников) и др.

Прагматическая функция распределения информации в тексте базируется на предположении о том, что, участвуя в коммуникационном процессе, говорящий (адресант) не просто сообщает некоторую информацию, а одновременно выполняет иллокутивный акт, имеющий целью повлиять на возможные будущие действия адресата, изменить его информационное состояние и др.

В то же время, выбор языковых форм контекстуализации этой функции традиционно относится к сфере стилистики языка. На важность стилистических исследований в области распределением информации указывает К. Хаузенблас, приводя примеры форм речевого взаимодействия, в которых фактуальная (пропозициональная) информация по своей значимости отходит на задний план, уступая ведущую роль задаче поддержания социального взаимодействия (Hausenblas 1993).

Таким образом, прагмастилистическая функция распределения информации в тексте основывается на общей для прагматики и стилистики области исследований проблем функционирования языка в акте коммуникации.

2.2. Дискурс как единица коммуникации

Категория дискурс, одна из основных в функциональной лингвистике и современных социальных науках, как и всякое широко употребляющееся понятие, допускает различные научные интерпретации, и поэтому требует уточнений, особенно в отношении к смежным терминам текст, речь и диалог.

В последнем двадцатилетии XX века в лингвистической науке на первый план выдвинулась наметившаяся ранее устойчивая тенденция к изучению текста как сложного коммуникативного механизма, посредника коммуникации, фиксирующего стратегическую программу адресанта, воспринимаемую и интерпретируемую адресатом.

Принято считать, что понятие дискурса было введено основоположником трансформационного и дистрибутивного анализа З. Харрисом в 1952 году.

В современной лингвистике термин «дискурс» употребляется в различных значениях.

В первом значении дискурс понимается как текст, высказывание, погружённый в социокультурную ситуацию. И действительно, в лингвистике текста 70-х годов XX века термины «дискурс» и «текст» обычно отождествлялись, что объяснялось отсутствием в некоторых европейских языках слова, эквивалентного франко-английскому «дискурс» - его вынуждены были заменить наименованием «текст». Такое терминологическое отождествление привело к тому, что дискурс и текст стали рассматриваться как эквиваленты. Для разведения понятий сначала использовалось разграничение аспектов, которые они представляли: дискурс - социальный, а текст - языковой. Играла роль и «динамическая» природа феноменов: в концепции Э. Бенвениста, дискурс считался речью, неотделимой от говорящего, а в работах Ван Дейка, текст рассматривался как статический объект, а дискурс - как способ его актуализации в определенных ментальных и прагматических условиях. В этом значении дискурс соотносился и с высказыванием.

Можно сказать, что текст как высказывание в условиях его порождения и восприятия функционирует как дискурс. Дискурс называют погруженным в жизнь текстом, который изучается вместе с теми формами деятельности человека, которые формируют его: выступления, интервью, репортажи и т.п.

В то же время, Д. Шифрин, подчеркивая взаимодействие формы и функции и определяя «дискурс как высказывания» (discourse as utterances — Schiffrin 1994: 39—41), подразумевает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. В этом контексте проявляется неоднозначность подходов к определению высказывания (Арутюнова 1976:43; Степанов 1981: 291; Колшанский 1984: 85; Падучева 1985: 4 и др.).

Итак, *первый* подход, осуществляемый с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики, определяет дискурс как текст, как «язык выше уровня предложения или словосочетания» — «language above the sentence or above the clause» (Stubbs 1983: 1). «Под дискурсом, следовательно, будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» (Звегинцев 1976: 170) .

Второе значение дискурса исходит из первого. Оно стало результатом разработки Ван Дейком концепции коммуникативной природы текста. В начале 80-х годов голландский исследователь избрал иное стержневое понятие дефиниции дискурса: коммуникативное событие. Он подчеркивает: «Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта... Говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию» (Dijk 1981).

В данном суждении заложен событийно-ситуационный аспект понимания дискурса, который стал основой второго значения термина как коммуникативной ситуации, интегрирующей текст с другими ее составляющими: текстом, субъектом речи (адресантом), адресатом, временем и местом высказывания. Основными параметрами (характеристиками) дискурса во втором значении являются контекстуальность, личностность, процессуальность, ситуативность, замкнутость.

Третье значение дискурса наиболее распространено в современной лингвистической литературе, оно исходит из положения французской семиотической традиции об отождествлении дискурса с речью, преимущественно устной.

В «Объяснительном словаре семиотики» А.Ж. Греймас и Ж. Курте определяют дискурс как тождественное тексту понятие в аспекте семиотического процесса: «В первом приближении дискурс можно отождествить с семиотическим процессом, который... следует понимать как все многообразие способов дискурсивной практики, включая практику языковую и неязыковую...». Соотнося дискурс с коммуникативным процессом и накладывая их на соотношение языка и речи, семиотики рассматривали дискурс как строго привязанное к акту речи событие, которое моделирует, варьирует и регулирует языковые и грамматические формы языкового сознания, переводя его в речь.

Следует отметить, что позиция представителей французской школы коммуникативной лингвистики не является однозначной. Так, П. Серио (1999: 26) перечисляет восемь способов понимания дискурса: 1) связный текст; 2) единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования "грамматики текста", которая изучает последовательность отдельных высказываний; 3) устно-разговорная форма текста; 4) диалог; 5) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 6) речевое произведение как данность — письменная или устная; 7) при специализации третьего значения дискурс обозначает беседу, рассматриваемую как основной тип высказывания; 8) термин «дискурс» часто употребляется также для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции.

Несмотря на множественность определений и подходов, следует отметить, что в современных лингвистических представлениях дискурс рассматривается как процесс (интенционально обусловленная реализация текста в речевой ситуации) и результат речепроизводства, как явление процессуальное: дискурс — это связная последовательность

языковых единиц, создаваемая/созданная говорящим/пишущим для слушающего/ читающего в определенное время в определенном месте с определенной целью.

Итак, основные дефиниции современной коммуникативной лингвистики могут быть определены так: речь рассматривается как средство коммуникации, текст - как целостная семиотическая форма организации коммуникации, коммуникация - как процесс информационного обмена, дискурс как коммуникативное событие, ситуация, включающая текст и иные составляющие.

2.3. Дискурс как междициплинарный феномен

2.3.1. Дискурс в философии

В философском словаре отмечается, что «дискурс - социально обусловленная организация системы речи и действия» (СФС 1998: 249). Вместе с тем, подходы к трактовке дискурса в социальных науках весьма разнообразны.

В целом, современная философия пришла к выводу о том, что смысл и истина являются характеристиками утверждений, а не предложений и, таким образом, на смену синтаксическим и семантическим теориям языка приходит прагматика, основой которой могут считаться прагматизм Ч. Пирса и Ч. Морриса, теория речевых актов Дж. Серля и Дж. Остина, генеративная лингвистика Н. Хомского, универсальная прагматика Ю. Хабермаса.

Такая «прагматическая» концепция обусловила дифференциацию всего дискурсивного массива языка и породила метонимизацию термина «дискурс», что отразилось, в частности, в практике использования его в четвертом значении - как типа дискурсивной практики. Дискурс представляет собой коммуникативно-прагматический образец речевого поведения, протекающего в определенной социальной сфере, имеющий определенный набор переменных: социальные нормы, отношения, роли, конвенции, показатели интерактивности и т.д. Основным свойством дискурса в данном понимании является регулярность соприсутствия говорящего и слушающего (интеракции лицом к лицу).

Лингвистический поворот в философии, базирующийся на идеях В. фон Гумбольдта о языке, на теории речевых актов, теории аргументации и символическом интеракционизме, обусловил появление концепции универсальной прагматики Ю. Хабермаса.

Немецкий философ и социолог Ю. Хабермас внес значительный вклад в понимание дискурса как особого идеального вида коммуникации, осуществляемой в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитетов и имеющей целью обоснование взглядов и действий участников.

Противопоставляя инструментальное и коммуникативное действия, Ю. Хабермас под коммуникативным действием уже в работах 60-х годов, а также в двухтомнике «Теория коммуникативного действия» понимает такое взаимодействие, по крайней мере, двух индивидов, которое упорядочивается согласно нормам, принимаемым за обязательные. Если инструментальное действие ориентировано на успех, то коммуникативное действие — на взаимопонимание действующих индивидов, их консенсус, на согласие относительно ситуации и ожидаемых последствий, основанное скорее на убеждении, чем на принуждении. Достижение такого консенсуса предполагает координацию действий коммуникантов.

Единственная "сила", действующая в идеальной речевой ситуации и в сфере коммуникативной рациональности, есть, таким образом, «сила лучшего аргумента», которая, соответственно, и приобретает ключевое место в трудах Ю. Хабермаса.

Общезначимость и истина гарантируются там, где участники такого взаимодействия соблюдают пять ключевых процессуальных требований этики дискурса: (1) ни одна из сторон, затрагиваемых предметом обсуждения, не должна исключаться из дискурса (требование общности); (2) все участники должны иметь равную возможность выставлять и критиковать претензии на общезначимость в ходе дискурса (автономия); (3) участники должны быть готовы и способны «вчувствоваться» (эмпатия) в претензии других на общезначимость (принятие

идеальных ролей); (4) существующие между участниками различия в смысле обладания властью (или силой) должны быть нейтрализованы так, чтобы эти различия не оказывали никакого воздействия на выработку консенсуса; (5) участники должны открыто разъяснить свои цели и намерения и (в ходе дискурса) воздерживаться от стратегических действий по их достижению и осуществлению (прозрачность) (Habermas 1993: 31).

Таким образом, понятие дискурса Ю. Хабермас тесно связывает именно с коммуникативным действием и поясняет свою мысль следующим образом. Дискурс — это и есть «приостановка» чисто внешних принуждений к действию, новое обдумывание и аргументирование субъектами действий их мотивов, намерений, ожиданий, т.е. собственно притязаний, их «проблематизация». Ю. Хабермас считает, что коммуникативных аспектов в человеческих действиях значительно больше, чем мы думаем, а потому задача современной мысли заключена в том, чтобы помочь современному человеку усвоить те толерантные механизмы согласия, консенсуса, убеждения, без которых не может быть нормального процесса взаимодействия.

В итоге, дискурс по самому своему смыслу противоречит модели господства-принуждения, кроме «принуждения» к совершенной убеждающей аргументации.

Противники теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса неоднократно упрекали его в том, что он конструирует некую идеальную ситуацию направленного на консенсус, «убеждающего», ненасильственного действия и идеального же «мягкого», аргументирующего противодействия. Впрочем, Ю. Хабермас и не отрицает, что он исследует «чистые», т.е. идеальные типы действия, и прежде всего тип коммуникативного действия. Как отмечает Бент Фливбьерг, «основная слабость хабермасовского проекта - несогласованность между идеалом и реальностью, между намерениями и их осуществлением. Это несоответствие пронизывает как самые общие, так и самые конкретные явления современности, и оно коренится в неадекватном понимании власти. Ю. Хабермас и сам отмечает, что сам по себе дискурс не может обеспечить соблюдения (необходимых) условий этики дискурса и демократии. Но все, что может предложить Ю. Хабермас - это дискурс об этике дискурса. В этом фундаментальная политическая дилемма хабермасовской мысли: он описывает нам утопию коммуникативной рациональности, но не путь к ней» (См. Фливбьерг 2002).

2.3.2.Дискурс и социальные науки

Следует отметить, что для современных направлений социологии, политологии и философии актуальны различные подходы к определению дискурса.

Одним из «родоначальников» текстовой интерпретации дискурса в междисциплинарном смысле может считаться Ролан Барт, показавший тесную связь власти и дискурса: «Преподавание, простое говорение с кафедры, свободное от давления каких-либо институтов, вовсе не является деятельностью, по статусу своему чуждой всякой власти: власть таится и здесь, она гнездится в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия ... Я называю дискурсом власти любой дискурс, рождающий чувство виновности во всех, на кого этот дискурс направлен ... Объектом, в котором от начала времен гнездится власть, является сама языковая деятельность, или, точнее, ее обязательное выражение – язык» (Барт 1994: 547-548). Фактически, Р. Барт «не настаивает» на вербальной природе коммуникации: «мы будем речевым произведением, дискурсом, высказыванием и т.п., называть всякое значимое единство независимо от того, является оно словесным или визуальным» (там же). Р. Барт анализирует конфликты в современном обществе с точки зрения «языкового» подхода. Применение дискурса в обществе он связывает с распределением власти, с ее многочисленными государственными, социальными, идеологическими механизмами. Таким образам в своей критике общества Р. Барт соединил лингвистические категории с политическими и социальными процессами.

Критический пафос Р. Барта продолжил Герберт Маркузе, чья работа «Одномерный человек», основанная на идеях Барта, фактически «ввела» дискурс в политологию и социологию в качестве аналитического средства для исследования «контекстов мышления»: «Унификация противоположностей, характерная для делового и политического стиля, является одним из

многочисленных способов, которыми дискурс и коммуникация создают иммунитет против возможности выражения протеста и отказа» (Маркузе 1994: 114-118).

Значительную роль в становлении диалогической традиции понимания дискурса принадлежит французскому лингвисту Эмилю Бенвенисту. В его работах различается план истории (повествование) и план речи (дискурса). Под планом речи Э. Бенвенист понимает любое высказывание, имеющее адресата: «Речь следует понимать в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающие говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом влиять на второго» (Бенвенист 1974: 271). Различие между планом истории и планом речи Э. Бенвенист видит в различии употребления временных форм глагола. Исследования Э. Бенвениста показали глубокую связь между лексикой и той реальностью, в которой она сформировалась. Хорошее знание Э. Бенвенистом англо-американской лингвистической традиции и его принадлежность к европейской лингвистике позволяют считать его переходной фигурой от европейских исследований дискурса как текста к анализу дискурса как речевого общения в традиции феноменологической социологии А. Сикуреля.

Американский социолог Аарон Сикурель (см. Cicourel 1973, 1980) стоял у истоков развития анализа структур жизненного мира в рамках «когнитивной социологии», которая, в частности, считает, что «социальность конструируется как результат коммуникативных актов, в которых "я" обращается к "другому", постигая его как личность, которая обращена к нему самому, причем оба понимают это ...» (Новые направления социологической теории 1978: 215). В рамках изучения этих «коммуникативных актов» А. Сикурель сосредотачивает внимание на исследовании речевого взаимодействия в условиях интеракции, т.е. в ситуации "лицом-к-лицу". Близкое к А. Сикурелю исследование смены ролей в разговоре провели в начале 70-х годов XX века Сакс, Щеглофф и Джефферсон. Их работа (Sacks, Schegloff, Jefferson 1974) заложила основание для нового исследовательского метода - метода анализа разговоров (конверсационного анализа). Эти работы представляют феноменологическую интерпретацию дискурса как текста диалогического взаимодействия: диалогов врач-пациент, учитель-ученик и т.д.. Дискурс здесь представляет собой новый метод исследования социальной реальности, который указывает на ее переговорный характер.

В целом, можно сказать, ориентация Сикуреля на когнитивные схемы, которые он называет «народными моделями» сближает его взгляды с теорией дискурса Ван Дейка.

В статье «Разнообразие видов дискурса и развитие социологическою знания» Н. Стерн и А. Симонз, развивая технические аспекты анализа дискурса в традиции А. Сикуреля с макросоциологической точки зрения, рассматривают горизонтальную и вертикальную дифференциацию дискурса.

Под вертикальной дифференциацией они понимают степень отличия дискурса от обыденного уровня коммуникаций. Авторы выделяют три «способа» дискурсов, которые и образуют структуру этой дифференциации. Первый способ ("естественный дискурс") присущ обыденной коммуникации, осуществляемой людьми в повседневной жизни. Второй способ ("технический дискурс") имеет место при использовании элементов различных теорий в обыденных коммуникациях. Третий способ ("формальный дискурс") состоит в формальном абстрагировании от реальности.

Горизонтальная дифференциация дискурса определяется различием сфер его применения (на уровнях формального или естественного дискурса) в различных ситуациях и исторические контекстах, что представляется важным для социологического анализа.

А. Симонз и Н. Стерн считают, что дискурсы создаются и функционируют посредством интеракции между агентами внутри социальных групп и между социальными группами. Чем более дискурс формален (например, этический дискурс), тем более он независим от локальных контекстов обыденной коммуникации и тем меньше способен влиять на общество. И наоборот, наибольшим влиянием в обществе (в обыденных коммуникациях жизненного мира) пользуется естественный дискурс, но он и наиболее зависим от локальных контекстов, т.е. наиболее горизонтально дифференцирован. В силу этого, наиболее выгодным оказывается технический

дискурс, и именно им, как правило, пользуются политики и журналисты в сфере политических коммуникаций (Стерн, Симонз 1994: 130-131).

Кратко рассмотрим отношение к концепту «дискурс» еще нескольких известных мыслителей.

Так, Дж. Мид отмечает: «лишь благодаря принятию индивидами установки или установок обобщенного другого по отношению к ним становится возможным существование универсума дискурса как той системы общепринятых или социальных смыслов, которую в качестве своего контекста предполагает мышление» (Мид 1994: 230). В этой цитате проявляются две тенденции в определении дискурса: с одной стороны, дискурс тождествен тексту, с другой, - дискурс является результатом социальных коммуникаций и вне их невозможен.

Согласно М. Фуко, дискурс представляет собой синтез уже-сказанного и никогда-не-сказанного. Дискурс - это пространство коммуникативных практик. Дискурсивные отношения ... характеризуют не язык, который использует дискурс, не обстоятельства, в которых он разворачивается, а самый дискурс, понятый как чистая практика. При этом язык как абстрактная знаковая система реально существует в виде дискурса / дискурсов. (Фуко 1994.).

Употребление термина «дискурс» в контексте традиционных понятий стиля (стиль Достоевского) и индивидуального языка (язык Пушкина), в последние годы ставшее популярным в публицистике, восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, и прежде всего к М.Фуко, хотя в обосновании этих употреблений важную роль сыграли также А.Греймас, Ж.Деррида, Ю.Кристева; позднее данное понимание было отчасти модифицировано М.Пеше и др. Понимаемый таким образом термин «дискурс» (а также часто заменяющий его термин «дискурсивные практики», также использовавшийся Фуко) описывает способ говорения и обязательно имеет определение – какой или чей дискурс (ср. современный политический дискурс, гендерный дискурс, дискурс насилия, дискурс Жириновского, предвыборный дискурс,). Дискурс в таком «социологическом» понимании – это стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология. Ср. мысли Г. Маркузе: «В центральных точках универсума публичного дискурса появляются самоудостоверяющие аналитические суждения, функция которых подобна магическо-ритуальным формулам. ... Унификация противоположностей, характерная для делового и политического стиля, является одним из многочисленных способов, которыми дискурс и коммуникация создают иммунитет против возможности выражения протеста и отказа» (Маркузе 1994: 114-118).

Повышенный научный интерес к такой сфере функционирования языка, как Public Relations, стал причиной появления несколько иного толкования термина «дискурс», которое отражает специфику данной области коммуникации. Благодаря этому область понимания дискурса была расширена и выявлена ещё одна грань дискурсивного пространства. Специалисты, занимающиеся изучением PR-текстов, придерживаются мнения о том, что дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности», это коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определённой ситуации и определённых социокультурных условиях общения.

Следует отметить, что и лингвистические исследования дискурса последних лет не могли не отреагировать на философское и социопрагматическое «многоголосие» современных теорий. Так, Г. Вайс и Р. Водак, рассматривая основные результаты и перспективы развития критического анализа дискурса как направления в современной лингвистике, утверждают, что для развития интегративного социолингвистического моделирования дискурса, кроме определения базовых понятий (текст, дискурс, язык, действие, социальная структура, институт и общество), необходимо также учитывать характеристики социальных институтов, действий и структур. Большой вклад в развитие теория критического анализа дискурса внесли исследования различных ситуаций неравенства, например, гендерных и расовых отношений, зафиксированных в обиходном общении, в языке массмедиа, политическом дискурсе.

Поэтому, отмечают исследователи, одним из центральных пунктов в данной теории является раскрытие концепта «власть» в различных видах общения. Привлечение специалистов из разных

областей гуманитарного знания для решения проблем критического анализа дискурса привело к возникновению «дефисных дисциплин» психо-, социо-, прагма-, этнолингвистики. Эти области знания по своему характеру аддитивны (учитывают достижения разных дисциплин), эклектичны и интегративны. Отмечается, что теория критического анализа дискурса в значительной мере строится на широком понимании контекста, который моделируется как четырехуровневое образование: 1) непосредственный языковой контекст; 2) интертекстуальные связи между высказываниями, различными жанрами, текстами и типами дискурса; 3) экстралингвистический (социологический) контекст ситуации; 4) широкий социополитический и исторический контекст (Critical discourse analysis 2003: 22).

2.3.3. Дискурс в лингвистике

В современных структурно-семиотических исследованиях термин дискурс рассматривается широко — как все, что говорится и пишется, «как процесс или результат речепроизводства, как синхронно осуществляемый процесс порождения текста или же его восприятия, в конечном счете, как явление процессуальное, деятельностное» (Гурочкина 1999: 13). Под дискурсом следует понимать процесс речевой деятельности говорящего (монолог) / говорящих (диалог), в котором представлен набор субъективных, социокультурных, в том числе стереотипных, прецедентных и т. п. смыслов; фактически, дискурс – это форма (способ) реализации текста.

Е.И. Шейгал трактует дискурс как «систему коммуникации, имеющую реальное и потенциальное (виртуальное) измерение» (Шейгал 2000: 11). Р. Водак понимает дискурс как многоуровневое образование вербального и невербального характера, построенное по определенным правилам, выраженным и скрытым, определяющее и выражающее те или иные действия, проявляющееся в формах культуры и участвующее в создании этой культуры (Wodak 1996: 17).

Дискурс составляют единицы речевой деятельности (речевые акты, высказывания), обладающие характеристиками: 1) синтаксическими (план выражения - структура); 2) семантическими (план содержания - значение); 3) прагматическими (план сообщения - перлокуция).

На основании различных подходов к определению концепта «дискурс», можно сделать вывод о том, что это текущая речевая деятельность, обслуживающая коммуникативную сферу, и возникающие в результате этой деятельности тексты, реализуемые в семиотическом пространстве с помощью вербальных и невербальных знаков, имеющие определенную структуру (модель речевой деятельности в виде последовательности речевых актов), жанровые особенности и прецедентный тезаурус.

Таким образом, дискурс включает в себя как формальные, так и содержательные категории. «Дискурс — это связная последовательность языковых единиц, создаваемая/созданная говорящим/пишущим для слушающего/читающего в определенное время в определенном месте с определенной целью» (Гурочкина 1999: 13).

Одним из важных вопросов современных дискурсивных теорий является проблема корреляции понятия «дискурс» с такими дефинициями, как речь, текст, высказывание, диалог и др. Так В. В. Богданов (Богданов 1993) рассматривает речь и текст как два аспекта дискурса. Такая интеграция позволяет трактовать дискурс как речевую деятельность, реализуемую в звуковой или графической форме. Соглашаясь с ним, М.Л. Макаров указывает: «Широкое употребление дискурса как родовой категории по отношению к понятиям речь, текст, диалог сегодня все чаще встречается в лингвистической литературе, в то время как в философской, социологической или психологической терминологии оно уже стало нормой» (Макаров 2003: 90).

В последней четверти XX века была предпринята попытка дифференцировать понятия текст и дискурс, бывшие до этого в европейской лингвистике почти взаимозаменяемыми (см. выше), с помощью категории ситуация. Так, дискурс предлагалось трактовать как «текст плюс ситуация», в то время как текст, соответственно, определялся как «дискурс минус ситуация» (Ostman, Virtanen 1995: 240). Такая трактовка не стала общепризнанной, и во многих исследованиях последних лет понятия «дискурса» и «текста» не дифференцируется. Так, работе Л. Хребичека

(Hrebicec 1995) текст понимается как сегмент дискурса. Анализ текста и его интерпретация должен осуществляться в определенных стандартных условиях когнитивного подхода. При этом, по мнению автора, целесообразна синергетическая трактовка наблюдаемых структур. Исследователь считает, что текст необходимо отличать от других языковых последовательностей, таких как списки, подписи к картинам, таблицы и пр. Текст, согласно Л. Хребичеку, означает некоторый связный и продолженный конструкт в естественном языке, характеризующийся продолжительностью.

М. Я. Дымарский (Дымарский 1998) отмечая, что большинство из имеющихся дефиниций выделяют в понятии дискурса признак процессности, считает, что коренное отличие дискурса от текста, существующего во времени-пространстве культуры (или семиотическом времени), состоит в «привязанности» первого к реальному, физическому времени, в котором он протекает. Дискурс, в отличие от текста, не является накопителем информации и генератором смыслов. В монографии М. Я. Дымарский констатирует: «В отличие от дискурса, текст лишен жесткой прикрепленности к реальному времени, его связь с этим временем носит косвенный, опосредованный характер. Текст существует в физическом времени не сам по себе, а лишь в оболочке материального объекта — носителя текста, который, как и любой материальный объект, подвержен старению и распаду. Собственно же текст существует не в этом времени, а во времени-пространстве культуры». Таким образом, текст создается с установкой на воспроизведение (и неоднократное), дискурс воспроизведению не подлежит, он существует в данный момент времени (в настоящем), однако дискурс может быть «обращен» в текст, например, с помощью видеозаписи с последующим графическим оформлением полученного «продукта». Автор приходит к выводу, что накапливать информацию может только текст, дискурс же служит передатчиком информации. С этой точки зрения текст — упакованная вторичная коммуникация, производная от первичной (см. Дымарский 1999: 37, 42).

С точки зрения интерактивности как категории, присущей дискурсу, считается, что текст обычно принадлежит одному автору, и это сближает данное противопоставление с традиционной оппозицией диалог - монолог. Аналогичный «оппозиционный» подход используется разными авторами в функциональной лингвистике при рассмотрении таких критериев дикурса/текста, как функциональность — структурность, процесс — продукт, динамичность — статичность и актуальность — виртуальность. Соответственно, различаются структурный «текст-как-продукт» и функциональный «дискурс-как-процесс» (text-as-product, discourse-as-process — Brown, Yule 1983: 24).

По Дж. Личу, текст реализуется в сообщении, посредством которого осуществляется дискурс (Leech 1983: 59). Таким образом, понятие предложение относится к тексту, а высказывание - к дискурсу. Как отмечает М. Л. Макаров, «если принять, что первый принадлежит уровню языка, а второй — языкового общения, то подобное разграничение приобретает смысл и оказывается методологически полезным» (Макаров 2003: 89).

И в то же время, следует отметить, что понятие «дискурс» в современной коммуникативной практике трактуется неоднозначно и (см. выше) употребляется как для обозначения текущей речевой деятельности в какой-либо сфере (например, политический дискурс) или присущей индивидууму (все речевые произведения, создаваемые человеком — дискурс языковой личности;), так и для обозначения связного текста в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами (Кубрякова 2000).

2.4. Основные категории дискурса

Функциональный анализ любого тектса\дискурса предполагает исследование смысловой основы развернутого высказывания, имеющей корреляцию с категориями дискурса. К существенно важным и определяющим дефинициям теории дискурса можно отнести пропозицию, пресуппозицию, экспликатуру, импликатуру, инференцию и референцию.

Пропозиция - инвариант значения ряда предложений, парадигматически связанных преобразованиями, обусловленными различием коммуникативных задач соответствующих

высказываний (утверждение, вопрос, приказ и т.д.). Она реализует основные - дескриптивную и инструментативную - функции языка, представляя ситуацию, по поводу которой строится данное высказывание, и определяет выбор адекватных языковых структур.

По мнению Дж. Андерсена, «пропозиция — самая маленькая единица знания, которая может быть отдельным утверждением; т. е. это самая маленькая единица, истинность или ложность которой имеет смысл оценивать» (Андерсон 2002: 148-149).

При этом считается, что информация представлена в памяти таким способом, который сохраняет значение простых утверждений, но не сохраняет никакой информации об их формулировке. Ряд пропозициональных нотаций представляет информацию абстрактным способом. Так, В. Кинч считает каждое суждение своеобразным "списком", содержащим отношение, после которого следует список аргументов. Отношения организовывают аргументы и обычно соответствуют глаголам, прилагательным и другим относительным понятиям. Аргументы относятся к конкретному времени, месту, людям и объектам и обычно соответствуют существительным (Kintsch 1974).

А. В. Зеленщиков, рассматривая пропозицию как носителя 1) истинностного значения, 2) абстрактной сущности, способной стать значением предложения, и 3) содержания интенционального (ментального) состояния говорящего, приходит к выводу, что пропозиция во всех интерпретациях отражает функциональную природу языка и выражается в предложении либо как дескриптивный, либо как креативный модус репрезентации пропозиционального концепта (или положения дел). «Пропозиция тесно связана с истинностным значением высказывания, определяя способ его интерпретации: высказывание либо рассматривается как истинное или ложное, в зависимости от соответствия или несоответствия слов заданному миру, либо выполняется или не выполняется, в зависимости от соответствия или несоответствия мира заданным словам» (Зеленщиков 1997: 208-209).

Пресуппозицию можно трактовать как особое логическое следствие, как смысловой компонент высказывания, истинность которого необходима, чтобы данное высказывание а) не было семантически аномальным (семантическая пресуппозиция); б) было уместным в данном контексте (прагматическая пресуппозиция).

Как отмечает М. Л. Макаров, «пресуппозиция когнитивно предшествует высказыванию, ее инференционная природа — это лишь атрибут интерпретации, в ходе которой пресуппозиция становится доступной для анализа» (Макаров 2003: 135).

Для осуществления анализа дискурса более актуальной является прагматическая пресуппозиция, которая предопределяет уместность и успешность высказывания, т. к. в ее основе - общий когнитивный фонд коммуникантов (общий набор пропозиций контекста — общий пресуппозиционный фонд, без которого совместная деятельность участников коммуникативной ситуации затруднена или просто невозможна). Ср. точку зрения А. К. Михальской: «Прагматическая пресуппозиция — это те предложения, на основании которых говорящий определяет область приемлемых для данного адресата в данной ситуации высказываний» (Михальская 1998: 32).

При таком подходе выявляется «диалектическая» связь пропозиции и пресуппозиции, о которой Р. С. Столнейкер высказал следующее: «Пропозиция является пресуппозицией в прагматическом смысле, если говорящий считает ее истинность само собой разумеющейся и исходит из того, что другие участники контекста считают так же… По-видимому, пресуппозиции лучше всего рассматривать как сложные предрасположения, которые проявляются в речевом поведении. Набор пресуппозиций человека определяется на основании тех утверждений, которые он делает, вопросов, которые он задает, приказов, которые он отдает, и т. п. Пресуппозиции - это не что иное, как пропозиции, неявно подразумеваемые еще до начала передачи речевой информации» (Столнейкер 1985: 427).

Очевидна связь референции (в прагматическом аспекте) как коллективного действия, имеющего конвенциональную основу, с пресуппозицией, т. к. обе эти категории характеризуют механизмы когерентности дискурса и оптимальные условия взаимопонимания субъектов речевого взаимодействия. При этом в случае идентифицирующей референции и говорящий, и

адресат предварительно знают обо всех объектах референции, а при сообщении новой для адресата информации можно говорить об интродуктивной референции. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «конкретная референция опирается на пресуппозицию существующего объекта» (Арутюнова 1990: 411).

Экспликатурой считается суждение, выраженное в высказывании эксплицитно, т. е. являющееся результатом проявления семантической репрезентации говорящего (адресанта), адекватной экспектации адресата.

По Г. П. Грайсу, граница между тем, что «говорится» (saying) и тем, что «подразумевается» (implicating) определяет сущность современной лингвопрагматики. При этом второй аспект содержания обусловлен импликатурой – дискурсивной категорией, которая рассматривает небуквальные аспекты значений и смыслов, не определенные конвенционально.

При анализе речевого процесса актуальным является теоретически сбалансированное отношение между тем, что эксплицировано и имплицировано в дискурсе. Фактически, конкретное суждение как актуализованная пропозиция, обусловленная намерением говорящего, не может быть реализована в конкретном высказывании только семантикой единиц языка. Недостаточная разработанность современной информационно-кодовой модели коммуникации обусловила необходимость описания инференционных механизмов, рассматривающих роль внутреннего (когниция) и внешнего (перцепция) контекста для интерпретации высказывания. Важным в этом плане оказывается смысл дефиниции «эксплицитность»: «содержание, сообщаемое высказыванием эксплицитно, если и только если оно является проявлением и развитием логической формы, выраженной с помощью языкового кода» (Sperber, Wilson 1995: 182).

«Материальная» форма языкового выражения — это та семантическая репрезентация, которая восстанавливается, интерпретируется в процессе декодирования высказывания. При этом следует учитывать, что высказывание как «фрагмент» дискурса не всегда содержит необходимый набор пропозиций: адресат обычно вынужден «восстанавливать» принятую информацию, имплицитно «проектируя» полную пропозицию (как, вероятно, ее намеревался передать адресант) и осуществляя своеобразную «пропозициональную синхронизацию» (Олешков 2005с).

Соответственно, уровень эксплицитности определяется наличием формального (собственно языкового) компонента. Таким бразом, дискурсивные импликатуры обеспечивают восприятие небуквальных аспектов значения и смысла, которые не определены конвенционально.

В теории Г. П. Грайса конвенциональные импликатуры (conventional implicatures) определяются значением использованных слов, а коммуникативные импликатуры (conversational implicatures) - коммуникативно значимыми отклонениями от предполагаемого и подразумеваемого соблюдения ряда основных принципов общения.

Представляется важной следующая мысль Г. П. Грайса: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требуют совместно принятая цель или направление обмена» (Грайс 1985: 222). Интерсубъективность на уровне «совместно принятой цели и направления» взаимодействия соответствует понятию коллективной интенциональности Дж. Серля (Searle 1992: 21).

Считается, что коммуникативные импликатуры характеризуются рядом признаков, отличающих их от других видов имплицитной информации в дискурсе (их можно «просчитать», т.е. их количество выводится из значения высказывания; они неотделимы от смысла высказывания, в отличие от пресуппозиции; они неконвенциональны, т.е. не является частью конвенциональных значений языковых форм).

Следует учитывать, что импликатуры развернутых высказываний не обладают свойствами аддитивности (не сводятся к сумме импликатур их частей). Более того, любая исследуемая импликатура не представлена в конкретной форме, она основана на предполагаемой интенции говорящего передать какой-то (небуквальный) смысл, соблюдая (в идеале) постулаты принципа Коооперации Г. П. Грайса. При этом, как отмечает М. Л. Макаров, «даже метафорически говорить об исчислении импликатур по меньшей мере некорректно. В отличие от грамматиста,

оперирующего четко заданными в координатах бинарной логики правилами, аналитик дискурса оказывается сродни слушающему, чьи интерпретации чужих реплик могут быть, а могут и не быть адекватными» (Макаров 2003: 131).

Инференция — это когнитивная операция, в процессе которой адресат (или исследователь - интерпретатор дискурса), не обладающий информацией о процессе речепорождения адресанта, восполняет смысл высказывания. К формальным инференциям можно отнести логическое следствие, семантическую пресуппозицию и конвенциональную импликатуру. При этом следует учесть, что дедуктивные инференции основываются на определенном типе умозаключения, а индуктивные обусловлены расширением контекста на социокультурном, когнитивном, перцептивном и нормативном уровнях. В связи с глобальностью упомянутой проблемы, в настоящее время не существует психологически адекватной теории этого сложного процесса.

Рассматривая связь инференции и импликатуры, необходимо отметить недедуктивность инференции: как правило, она выводится на уровне «вероятности», субъективной правдоподобности с точки зрения слушающего. При этом важнейшую роль играет «личностный» опыт адресата, а также (особенно в институциональных дискурсах) ситуационная модель и связанные с ней экспектации интерпретатора высказывания. В ряде работ отмечается важнейшая роль ситуационных моделей в трехуровневой когнитивной репрезентации дискурса (Дейк, Кинч 1988 и др.). В принципе доказано, что абсолютное большинство инференций, генерируемых в процессе обработки дискурса, - компоненты ситуационной модели.

В то же время, инференционная модель коммуникации, основанная на теории релевантности Шпербера—Уилсон (Шпербер, Уилсон 1988) главным инференционным механизмом считает дедуктивный принцип, в основе которого - «когнитивный опыт» адресата. Это противоречие является предпосылкой дальнейших исследований дискурсивного процесса в различных сферах человеческой деятельности.

3. АНАЛИЗ ТЕКСТАДИСКУРСА

3.1. Структура текста/дискурса

Для осуществления анализа дискурсивного процесса и текстов как «продуктов» коммуникации необходимо определиться со структурой дискурса на уровне модели. Моделируя дискурсивный процесс и вычленяя «составные части» полученной модели, исследователь получает возможность изучать сложный, многоаспектный объект или процесс более детально. Это важно и для функциональной лингвистики, которая рассматривает весь «конгломерат» речевой коммуникации в совокупности. Таким образом, для аналитической деятельности в масштабах такого объекта, каковым является коммуникативный процесс, необходимо определиться с понятием структуры дискурса на уровне модели.

Дискурс имеет свою структуру, принципиально отличающуюся от структуры лингвистических единиц разных уровней. Модель дискурса, должна строиться на интеракционной основе с учетом факторов инференционной интерпретации, коллективной интенциональности и принципа интерсубъективности. Кроме того, как отмечает М. Л. Макаров, "отличительными чертами дискурса являются его связность (когеренция), а также метакоммуникативная самоорганизация" (Макаров 2003: 202). Вероятно, у основных структурных единиц дискурса (коммуникативный акт - коммуникативный ход (макроакт) - обмен - трансакция) имеются когнитивные корреляты: например, рамки коммуникативного хода определяются наличием иерархически организованной целевой доминанты коммуникантов, границы трансакции зависят от характера предметно-референтной ситуации и обусловленных процедурным сценарием типов деятельности коммуникантов и т.д.

Кроме того, любое речевое событие категориально и символически «маркировано» нормой в координатах данной культуры: институтов, ритуалов, обычаев, способов деятельности, - и это позволяет считать дискурсивный процесс конвенциональным процессом.

Конвенциональность дискурса определяет спектр социально-культурологических параметров, которые могут служить основой дискурсивной модели в рамках институционально обусловленной коммуникативной ситуации (сфере общения). В качестве таких параметров (характеристик) могут быть использованы:

§ социальный контекст (Дейк 1989: 23): личное, общественное, институциональное/формальное, неформальное с учетом фреймов конвенциональных установлений, а также таких категорий, как позиции (роли, статусы и т.д.) свойства (пол, возраст и т. д.) отношения (превосходство, авторитет) функции („отец", „слуга", „судья" и т. д.);

§ формы речевой коммуникации (Гойхман, Надеина 1997: 23 и др.): дискуссия, обсуждение, совещание, терапевтический диалог, слушания, заседания, массовая коммуникация и др.; "интенциональные"

§ типы разговорной речи (Henne, Rehbock 1982: 30): беседа, личный разговор; разговор «за чашкой чая», застольная беседа; профессиональная беседа; разговор продавца с покупателем; конференции, дискуссии; интервью; обучающая беседа, урок; совещание, консультация и др.

Лингвистические параметры, определяющие структуру дискурсивной модели тоже весьма разнообразны. Сюда могут быть отнесены внешнеи внутритекстовые характеристики речи (Карасик 2002):

§ конститутивные (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность);

§ жанрово-стилистические (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень ампликации (компрессии);

§ семантико-прагматические (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация);

§ формально-структурные (композиция, членимость, когезия);

§ Большое значение имеют жанровые характеристики (Шмелева 1997):

§ коммуникативная цель (информативные, императивные, этикетные и оценочные речевые жанры),

§ образ автора,

§ образ адресата,

§ образ прошлого (ретроактивная направленность речевого события),

§ образ будущего (приглашение, обещание, прогноз), диктумное (событийное)

§ содержание (набор актантов, их отношения, временная перспектива и оценка диктумного события),

§ языковое воплощение речевого жанра.

В основу дискурсивной модели могут быть заложены и "математические" параметры (Потапова 2003). Так, Х. Софер выделяет иерархическую, циклическую, линейную, параллельную, зигзагообразную и концентрическую структуры (Sopher 1996).

Дискурсивную модель можно представить в виде схемы, соответствующей современным теориям коммуникации: адресант (субъект коммуникативного процесса) -> сообщение (текст/дискурс) -> канал (типологическая разновидность текста – вербальный/невербальный) -> код (жанровая разновидность текста) -> адресат (субъект коммуникативного процесса) -> результат коммуникации (воспринятая и интерпретированная информация) -> обратная связь.

Структурно система коммуникации может содержать следующие компоненты:

§ «информационная» коммуникация, осуществляемая с целью сообщения новых знаний и изменения «картины мира»;

§ коммуникация «сотрудничества», имеющая целью обеспечение взаимодействия субъектов коммуникативного процесса;

§ «императивная» коммуникация, реализуемая в рамках «инструктирующего» дискурса; используется при реализации интенции «управление»;

§ «оценочная» коммуникация достигается путем использования оценочных речевых актов и выполняет контрольную функцию.

В контексте этой структуры типы речи в сфере коммуникативного взаимодействия можно классифицировать следующим образом:

§ информативно-воспроизводящий (сообщение, репродукция и обобщение),

§ волюнтивно-директивный (волеизъявление),

§ контрольно-реактивный (оценочная реакция),

§ эмотивно-консолидирующий (предложение собственной картины мира для кооперативного взаимодействия),

§ манипулятивный (социальное доминирование, установление иерархии).

В дискурсивной модели можно условно выделить следующие иерархически организованные модули, которые участвуют в конструировании процесса передачи, восприятия и интерпретации информации:

а) концептуально-фактологический, связанный с конструированием сюжетно-тематической структуры дискурса и осмыслением концептуальной составляющей сообщаемой/воспринятой информации;

б) когнитивный, обусловленный психологически адекватной ориентировкой коммуникантов в пространственно-временной реальности, что обеспечивает эффективное восприятия семантически значимой информации (когнитивный резонанс).

в) хронологический (хронотопический), ориентированный на учет временных характеристик дискурсивного процесса;

г) аксиологический, направленный на реализацию (достижение) запланированной семантико-стилистической формы порождаемого текста/дискурса как «ценностного» продукта;

д) культурологический, обеспечивающий органичное взаимодействие культур адресанта и адресата и синхронизирующий языковые картины мира коммуникантов для восприятия и интерпретации сообщаемой информации;

е) нормативно-конвенциональный, связанный с доминирующей нормой дискурса в координатах данной культуры: институтов, ритуалов, обычаев, - а также с ограничениями, основанными на социокультурных регулятивах общения ("коммуникативная компетенция");

ж) антиципационно-прогностический, также связанный с понятием "коммуникативной компетенции" и обусловленный релевантным «продолжением» дискурса в контексте экспектаций участников коммуникации;

з) индивидуально-личностный, имеющий отношение к личностным характеристикам участников коммуникативного процесса как деятелей (темперамент, преобладание рассудочной или эмоциональной реакции, консерватизм или склонность к новаторству, подражание или стремление к оригинальности и т д.).

Приведенные выше модули образуют значительно количество комбинаций для моделирования коммуникативного процесса с «заданными» параметрами (в том числе и в институциональных дискурсах). Однако способ их практического «воплощения» может быть основан на различных подходах, и именно в этих подходах реализуются дискурсивные стратегии коммуникантов и проявляется творческая индивидуальность участников коммуникации как деятелей (Олешков 2005b).

3.2. Дискурс-анализ как междисциплинарное направление функциональной лингвистики

Как уже отмечалось, теория речевых актов оказала влияние на разработку проблем коммуникативной грамматики, анализа дискурса, конверсационного анализа (особенно его немецкой разновидности - анализа разговора). В самое последние десятилетия широкое распространение в мировой лингвистике получил дискурс-анализ как совокупность ряда течений в исследовании дискурса (обычно отличающихся своим динамизмом от статичной лингвистики текста).

Анализ дискурса в начальных его вариантах был исследованием текстов (последовательностей предложений) с позиций структурализма, т.е. представлял собой структуралистски ориентированную грамматику текста.

Основная причина, по которой дискурсивный анализ играет центральную роль в функциональной лингвистике, состоит в том, что, по мнению функционалистов, форма в значительной степени формируется и объясняется функционированием языка в реальном времени. Этот процесс, собственно, и является дискурсом.

Дискурсивные явления изучаются в лингвистике в двух основных аспектах. Во-первых, дискурс может исследоваться как таковой, в том числе как структурный объект. Во-вторых, дискурс интересует лингвистов не сам по себе, а как центральный фактор, влияющий на морфосинтаксические явления (например, порядок слов в предложении может быть объяснен на основе дискурсивных факторов, лежащих за пределами данного предложения).

М. Л. Макаров отмечает, что в современной лингвистической литературе встречается три основных употребления термина «дискурс-анлиз»:

1) дискурс-анализ (в самом широком смысле) как интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности;

2) дискурс-анализ (в узком смысле) как наименование традиции анализа Бирмингемской исследовательской группы (М. Култхард, М. Монтгомери, Дж. Синклер).

3) дискурс-анализ как «грамматика дискурса» (Р. Лонгейкр, Т. Гивон), близкое, но не тождественное лингвистике текста направление (Макаров 2003: 99).

По нашему мнению, наиболее употребительным является мспользование термина в первом значении.

В целом, можно говорить о том, что функционально-лингвистическое течение в анализе дискурса сложилось под влиянием коммуникативно-прагматических моделей языка и идей когнитивной науки. В центре его внимания - динамический характер дискурса как процесса конструирования речи говорящим / пишущим и процессов интерпретации принятой информации слушающим / читающим. При этом анализируются такие показатели, как прагматические факторы и контекст дискурса (референция, пресуппозиции, импликатуры, умозаключения), контекст ситуации, роль топика и темы, информационная структура (данное-новое), когезия и когеренция, знания о мире (фреймы, скрипты, сценарии, схемы, ментальные модели).

В России в таком функциональном плане проводятся исследования представителями Тверской семантико-прагматической школы В. И. Юганова, В. С. Григорьевой и др.

Этнографическое течение в анализе дискурса сформировалось из этнографии речи и имеет целью исследовать правила конверсационных умозаключений (conversational inferences), которые представляют собой контекстно связанные процессы интерпретации, протекающие на основе правил контекстуализации. Основателями и активными исследователями в этой области считаются Э. Гоффман - автор социологической теории взаимодействия, а также Ф. Эриксон, Дж. Шулц, А. Сикурель, Дж. Гамперц, Дж. Кук. Особенность этого направления дискурс-анализа в том, что контекст понимается не как данное, а как создаваемое коммуникантами в ходе их вербальной интеракции, как множество процедур, предполагающих использование «указаний» на фоновое знание. При этом исследуются стратегии дискурса (особенно в связи с правилами передачи роли говорящего, построением связанных пар как последовательностей взаимно соотнесенных речевых ходов, выбором определенных языковых и неязыковых средств).

Анализом дискурса (и конверсационным анализом) заимствуется из социологической теории Э. Гоффмана понятие обмен / взаимообмен для речевого «раунда» с двумя активными участниками, каждый из которых совершает «ход», т.е. производит выбор какого-либо действия из множества альтернативных действий, влекущий за собой благоприятные или неблагоприятные для участников ситуации взаимодействия последствия.

С 70-х годов XX века анализ дискурса становится междисциплинарной областью исследований, использующей достижения антропологии, этнографии речи, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной науки, искусственного интеллекта, лингвистической философии (теории речевых актов), социологии языка и конверсационного анализа, риторики и стилистики, лингвистики текста. Аналогичные процессы наблюдаются и в современном отечественном языкознании: от формальной лингвистики текста через семантику и прагматику текста к теории текста (текстоведению, текстологии).

Конверсационный анализ (conversational analysis) как отдельное направление возникает в 70-е годы в русле этнометодологии (выдвинутой в 1967 году социологом Х. Гарфинкелом теории способов и приемов организации членами социокультурной общности своей повседневной деятельности) и имеет целью эмпирический анализ разговоров (Х. Закс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон, Ч. Гудвин).

В конверсационном анализе исследуются процессы практического умозаключения (inference) и приемы, посредством которых участники речевого взаимодействия осуществляют внутреннее структурирование социальных событий и «устанавливают порядок» ведения разговора, а также (на более высоком уровне) упорядоченность социальных событий, влияющих своими структурными свойствами на организацию разговоров (смена коммуникативных ролей, границы речевого хода и др.). Границы речевых ходов (как и в анализе дискурса) устанавливаются на основе: а) формальных критериев (паузы, синтаксические конструкции, сигнализирующие возможность очередной мены ролей); б) функциональных критериев (совершение хотя бы одного коммуникативного хода). Устанавливается зависимость особенностей речевых ходов от этнокультурных и возрастных факторов, типа дискурса**Ошибка! Закладка не определена.**. В исследованиях используются стохастические модели (симулирование статистически частых образцов мены ролей), наблюдения над использованием дискретных вербальных и невербальных сигналов в целях управления поведением друг друга (исследования А.А. Романова, С.В. Кресинского, С.А. Аристова).

Мена коммуникативных ролей трактуется как система взаимодействия, гарантирующая беспрерывное протекание разговора, обеспечение как говорящим, так и слушателями условий и соответствующих сигналов (неязыковых или языковых) передачи кому-то из участников права на очередной «речевой вклад».

Анализ разговора (Gespraechsanalyse) является немецким вариантом конверсационного анализа, в котором наблюдается сближение с теорией речевых актов (Г. Унгехойер, Д. Вегенер, Х. Рамге, Й. Диттман, Х. Хенне и Х. Ребок, А. Буркхардт). Особое внимание уделяется конверсационным словам, включающим в себя сигналы членения, сигналы обратной связи и междометия (в англо-американской традиции - маркеры дискурса).

Одним из современных направлений лингвистики речи является интент-анализ. Многие психологические и психолингвистические разработки направлены на то, чтобы характеризовать на основе вербального материала сопутствующие речи психические процессы и состояния. Анализируя речь, моделируют знания, которые необходимы, чтобы говорить и успешно коммуницировать (Слово в действии 2000: 148). Интент-анализ обращен на то, чтобы исследовать текущее состояние сознания. Реконструируются интенции, т. е. направленность сознания говорящего в момент речи, в актуальной ситуации общения. Соответственно в центре внимания оказываются подвижные функциональные характеристики речи, связанные с коммуникацией, которую она обеспечивает, и, конечно, с партнером общения.

Речевое взаимодействие коммуникантов всегда имеет интенциональный подтекст. Наряду с интенциями, возникающими по ходу взаимодействия, поведение участников взаимодействия определяют более общие «надситуативные» намерения, формирующиеся помимо разговора в связи с политической, профессиональной и прочей деятельностью коммуникантов.

Анализ диалогических интенций в первую очередь обращен к ситуации непосредственного общения, в которой направленность говорящего на адресата наиболее очевидна. Разговор «лицом к лицу», диалог потому и возникает, что в нем человек стремится достичь важных для себя целей, и эти цели так или иначе связаны с собеседником. В одном случае говорящий обращается с просьбой, предлагает, приказывает, побуждая партнера к желаемым действиям. В другом - он нацелен на то, чтобы выразить и при необходимости отстоять свои взгляды. В третьем разговор может быть вызван стремлением высказать к собеседнику определенное отношение. Эти и другие цели нередко преследуются одновременно, причем намерения партнеров могут не совпадать. Так или иначе, ход разговора призван обеспечить реализацию устремлений говорящих, адекватное их намерениям взаимодействие с собеседником (Слово в действии 2000: 150). Задача интент-анализа - реконструировать этот подтекст, выявив не только то, что человек формально сказал, но и то, что он хотел или имел в виду сказать, т.е. мотив и цель его речи, определяющие ее внутренний смысл.

3.3. Дискурс-анализ как современный метод исследования коммуникативных процессов

В последнее десятилетие дискурс-анализ может быть отнесен к числу самых популярных методов исследования в общественных и гуманитарных науках. В то же время, несмотря на многообразие публикаций, затрагивающих как теорию дискурса, так и концепции дискурс-анализа, сложно найти результаты конкретных эмпирических исследований с подробным описанием методики проведения. Таким образом, нелегко определить наиболее эффективный (если таковой существует) подход к изучению речевого взаимодействия на любом уровне. Рассмотрим некоторые современные варианты использования дискурс-анализа в США и Западной Европе в рамках функциональной лингвистики.

3.3.1 Прикладное исследование дискурса и анализ текста

В Германии дискурс-анализ активно используется с начала 90-х годов XX века. Можно выделить два основных направления в немецких дискурс-исследованиях, отличающихся,

главным образом, своим отношением к языковой стороне дискурса и к пониманию дискурса как такового. К первому направлению относятся, прежде всего, прикладное исследование дискурса (angewandte Diskursforschung) и лингвистический дискурс-анализ (linguistische Diskursanalyse), в основе которых лежит классический анализ текста. Среди сторонников прикладных дискурс-исследований следует назвать Г. Брюннер, Р. Филера, В. Киндта. Лингвистическим дискурс-анализом в Германии занимаются Дитрих Буссе, Фритц Херманнс, Вольфганг Тойберт, Георг Штётцель и др. В этом же направлении работает и Маттиас Юнг с коллегами, которые применяют для изучения миграционного дискурса так называемый «корпусно-ориентированный» дискурс-анализ (korpusorientierte Diskursanalyse), относящийся к сфере «корпусной лингвистики».

В русле второго направления, а именно в сфере общественно-научного дискурс-анализа (sozialwissenschaftliche Diskursanalyse), работают сторонники традиций М. Фуко. К этому направлению можно отнести как критический дискурс-анализ (Critical Discourse Analysis), так и дискурс-анализ в области социологии знания (wissenssoziologische Diskursanalyse). Критический дискурс-анализ (КДА), разработанный Ван Дейком, Н. Фэйрклаф и Р. Водак, в Германии развивают Зигфрид Эгер, Юрген Линк и др. Зигфрид Эгер на сегодняшний день, бесспорно, является одним из самых значительных исследователей дискурса в Германии. Он первый из немецкоязычных исследователей, кто опубликовал методическое пособие по качественному дискурс-анализу. В своих работах З. Эгер удачно сочетает теоретические и методологические разработки, на основе которых выводит практические шаги для проведения исследования. На первый план в КДА выходят не языковые, а социальные феномены. КДА, по мнению З. Эгера, нацелен на выявление знаний, заложенных в дискурсе, их взаимосвязей с властью и на критическое рассмотрение этих процессов. Этот анализ применим как к повседневным знаниям, которые передаются посредством СМИ, повседневной коммуникации, школы, семьи и т.п., так и к тем знанием, которые производятся различными науками. (Jaeger 2001). Таким образом, критический дискурс-анализ концептуализирует язык как форму социальной практики и пытается довести до сознания людей неосознаваемое ими взаимное влияние языка и социальной структуры.

Еще одним вариантом исследования дискурса является дискурс-анализ в области социологии знания, сторонники которого опираются в первую очередь на труды Петера Бергера и Томаса Лукманна. Наиболее ярким представителем этого направления в Германии является Райнер Келлер. Данный тип анализа дискурса, по мнению Р. Келлера, направлен на исследование общественных практик и процессов коммуникативного конструирования, стабилизации и трансформации символических порядков, а также их последствий: законов, статистики, классификаций и т.п. Практики в этом смысле являются одновременно результатом дискурса и предпосылкой для новых дискурсов. (Keller 2004). Все вышеназванные процессы и практики могут происходить, а, следовательно, и рассматриваться, на нескольких уровнях, как то: институциональном, организационном или уровне социальных (коллективных) агентов.

Несмотря на ряд отличий от лингвистических исследований дискурса, общественно-научный анализ имеет довольно много общего с корпус-лингвистическим дискурс-анализом. Это касается в первую очередь отбора текстов для формирования корпуса данных. Главное различие заключается в дисциплинарно обусловленных исследовательских интересах. Анализ языковой стороны дискурса выступает только в качестве составной части общественно-научный дискурс-анализ. К этому добавляется обязательный анализ социальных агентов и процессов, которые производят рассматриваемый дискурс, анализ ситуаций и контекстов производства дискурса, а также событий и различных социальных практик, т.е. всего того, что находится «вне» корпуса текстов.

3.3.2. «Междисциплинарная» модель дискурс-анализа

Как уже отмечалось, в Германии долгое время наблюдалось определенное несоответствие между углубленным интересом к теории дискурса и концепциям дискурс-анализа, с одной

стороны, и недостаточной разработкой методологии анализа, с другой. О стремлении немецких лингвистов преодолеть этот дисбаланс свидетельствуют публикации, появившийся в течение последних лет. Речь идет, прежде всего, об упоминавшейся работе «Исследование дискурса» Райнера Келлнера и втором томе «Дискурс-анализ в общественных науках» с подзаголовком «Исследовательская практика» (Handbuch 2003).

Главным достоинством работы «Исследование дискурса», несомненно, является то, что Келлер детально описывает практическую модель проведения дискурс-анализа. Данная модель**Ошибка! Закладка не определена.** предназначается историкам, социологам и политологам, в центре внимания которых находятся процессы производства, стабилизации и трансформации общественных структур знаний. Подробно рассматривая все шаги дискурс-анализа, первостепенное значение Р. Келлер все же придает таким фазам исследования, как постановка вопросов, формирование корпуса текстов и презентация полученных результатов, т.е. именно тем, которые до сих пор не достаточно разработаны. В отличие от Зигфрида Эгера, лингвиста по образованию, Райнер Келлер уделяет еще меньше внимания лингвистическому анализу текста как части дискурс-анализа, что немаловажно для исследователей неязыковых специальностей.

Кроме практических рекомендаций по проведению дискурс-анализа и конкретных примеров, в своей работе Р. Келлер дает весьма полный обзор актуальных теорий дискурса и различных походов к исследованию дискурса, снабжая их собственными комментариями. По мнению Р. Келлера, дискурс-анализ представляет собой «мульти-методическое» поле. И в этом сложно с ним не согласиться, т.к. понятием «дискурс-анализ» чаще всего обозначают не какой-то специальный метод, а скорее исследовательские точки зрения на предмет исследования, рассматриваемый как некий дискурс. Несмотря на многообразие дискурс-аналитических подходов, Р. Келлер выделяет четыре общих признака, характерных для всех дискурс-исследований:

1. Дискурс-исследования занимаются фактическим употреблением письменного и устного языка и других символических форм в общественных практиках;
2. Дискурс-исследования подчеркивают, что при практическом употреблении знаков содержание значения конструируется социальными феноменами, которые тем самым конструируются в своей общественной реальности;
3. Дискурс-исследования допускают, что некоторые интерпретации понимаются как части всеохватывающей дискурс-структуры, которая в определенный временной отрезок формируется и стабилизируется при помощи специфичных институционально-организационных контекстов;
4. Дискурс-исследования исходят из того, что употребление символических порядков подлежит реконструируемым правилам толкования и функционирования. (Keller 2004: 8).

«Исследование дискурса» Р. Келлера, хотя и имеет подзаголовок – «Введение для исследователей в области общественных наук», является не просто «введением в предмет», обычно предназначаемым студентам и аспирантам. В своей работе Р. Келлеру удалось соединить обзор теоретических оснований, общих методологических подходов и конкретные примеры дискурс-анализа, что делает данную работу незаменимой как для молодых ученых, так и для специалистов, которые намереваются впервые применить данный метод в своих исследованиях.

Отдельные идеи Р. Келлера, изложенные им в вышеописанной работе, можно обнаружить в его статье, входящей в сборник «Дискурс-анализ в общественных науках. Том 2: Исследовательская практика». Данная работа является логичным продолжением одноименного сборника, вышедшего в свет в 2001 году с подзаголовком «Теории и методы» и включившего в себя основополагающие труды наиболее признанных в Германии исследователей дискурса, в том числе Зигфрида Эгера и Райнера Келлера. Второй том состоит из вводной части и 15 статей, которые представляют читателю примеры применения дискурс-анализа в различных дисциплинах – социологии, истории, политологии, дискурсивной психологии, педагогики и лингвистики. Так, в статье «Методические аспекты дискурс-анализа. Проблемы анализа дискурсивной полемики на примере немецких дискуссий по поводу войны в Косово» социолог М. Шваб-Трапп наглядно демонстрирует методические проблемы анализа в рамках

политического дискурса. Основными проблемами, по его мнению, являются три - проблема выбора, интерпретации и представления. Они осложняются тем, что в работе анализируются общественные дебаты, а не «стабильные» тексты, как в большинстве дискурс-исследований (Schwab-Trapp 2003).

Социолог Вилли Фиовер посвятил свою статью изучению роли нарративных структур в дискурс-анализе на примере исследования изменений в общественном восприятии климата. Методологически и методически его работа ориентируется на нарративную семиотику, которая подчеркивает, конфигуративный аспект дискурса. Автор выступает за культурологическую интерпретацию, которая, по его мнению, может быть ключом для успешного толкования отдельных дискурсов (Viehoever 2003).

В целом, следует отметить, что второй том «Дискурс-анализа в общественных науках» расширяет представления о возможностях применения дискурс-анализа, показывает возникающие методические проблемы и предлагает пути их решения.

3.3.3. Теория риторической структуры

В 1980-е годы XX века в США Уильямом Манном и Сандрой Томпсон была разработана так называемая Теория риторической структуры, предлагающая весьма интересную и многообещающую модель структуры дискурса (Mann, Thompson 1988).

Теория риторической структуры (ТРС) основана на предпосылке о том, что любая единица дискурса связана хотя бы с одной другой единицей данного дискурса посредством некоторой осмысленной связи. Такие связи называются риторическими отношениями. Термин «риторические» не имеет принципиального значения, а лишь указывает на то, что каждая единица дискурса существует не сама по себе, а добавляется говорящим к некоторой другой для достижения определенной цели. Единицы дискурса, вступающие в риторические отношения, могут быть самого различного объема — от максимальных (непосредственные составляющие целого дискурса) до минимальных (отдельные клаузы). Дискурс устроен иерархически, и для всех уровней иерархии используются одни и те же риторические отношения.

Набор риторических отношений ограничен, хотя и не определен окончательно. Авторы предлагают рабочий список из 24 отношений.

Дискурсивная единица, вступающая в риторическое отношение, может играть в нем роль ядра либо сателлита. Большая часть отношений асимметрична и бинарна и содержит ядро и сателлит. Другие отношения, симметричные и не обязательно бинарные, соединяют ядра.

В ТРС разработан формализм, позволяющий представлять дискурс в виде сетей дискурсивных единиц и риторических отношений.

(1)

1 Петр вошел в дом,

2 достал из холодильника бутерброды

3 и включил телевизор.

Два класса риторических отношений напоминают противопоставление между подчинением и сочинением, а список риторических отношений типа «ядро-сателлит» весьма похож на традиционный список типов обстоятельственных придаточных. Фактически ТРС распространяет типологию семантико-синтаксических отношений между клаузами на отношения в дискурсе. Для ТРС несущественно, выражено ли данное отношение союзом соответствующей семантики, или запятой, или же оно соединяет независимые предложения или группы предложений. Сочиненные клаузы и обстоятельственные придаточные выступают в ТРС в качестве отдельных элементарных единиц, а дополнительные и относительные придаточные — обычно нет.

Рассмотрим развернутый пример построения графа риторических структур. В примере (2) приводится сокращенный русский перевод начального фрагмента этого текста, с разбиением на минимальные дискурсивные единицы. Номера единиц указаны в начале каждой строки. Каждому

предложению соответствует порядковый номер; единицы, состоящие из частей предложений, нумеруются при помощи букв.

(2)

1 В 7 часов утра 25 октября наши телефоны начали звонить.

2 Звонки переполняли коммутатор весь день.

(3)

(3A) Сотрудники остались на работе допоздна,

(3B) отвечая на вопросы

(3C) и разговаривая с репортерами изо всех частей страны,

(4)

(4A) Публикуя результаты опроса,

(4B) мы не представляли себе, что получим столь массовый отклик.

(5) *Реакция прессы и публики была буквально невероятной,*

(6) *Вначале поток звонков шел в основном от репортеров, а также официальных лиц, разъяренных тем, что мы привлекли внимание к положению дел в их городах.*

(7) *Теперь же мы получаем звонки от обеспокоенных граждан, спрашивающих, как заставить чиновников взяться за разрешение демографических проблем.*

Авторы ТРС специально подчеркивают возможность альтернативных трактовок одного и того же текста. Иначе говоря, для одного и того же текста может быть построен более чем один граф риторической структуры, и это не рассматривается как дефект данного подхода. Действительно, попытки применения ТРС к анализу реальных текстов сразу демонстрируют множественность решений. Тем не менее, эта множественность очень ограниченна. К тому же, принципиальная возможность различных трактовок не противоречит реальным процессам использования языка, а, напротив, вполне им соответствует.

Существует ряд весомых подтверждений того, что ТРС в значительной степени моделирует реальность и представляет собой важный шаг в понимании того, как дискурс устроен «на самом деле».

3.3.4. Дискурс и когнитивная система

Т. Гивон является одним из родоначальников дискурсивно-ориентированного подхода к синтаксису. В частности, модель, разработанная исследователем в 1983 году (Givon 1983), основывалась на двух идеях — теоретической и методологической.

Теоретическая основывалась на том, что языковая форма иконически кодирует содержание. В частности, в области референции: чем более ожидаем, предсказуем данный референт, тем меньше усилий требуется для его «обработки», и тем меньше формального материала затрачивается на его кодирование.

Методологическая идея состояла в утверждении о возможности количественно измерить так называемую «непрерывность топика» - «референциальное расстояние» от данной точки дискурса назад до ближайшего предшествующего упоминания референта; чем меньше расстояние, тем непрерывнее топик.

Работы Гивона не ограничиваются проблематикой референции и непрерывности топика. Напротив, Гивон — один из самых «концептуальных» современных лингвистов.

Базовая идея, лежащая в основе концепции Гивона, состоит в следующем: грамматика — это набор инструкций по ментальной обработке дискурса, которые говорящий дает слушающему. Это когнитивная вариация общего функционалисткого тезиса о том, что грамматика подчинена коммуникативным процессам.

Для подхода Гивона к проблемам связности характерны: больший интерес к связности мыслительной, нежели текстовой; признание приоритета устного языка как первоочередного объекта исследования; большое внимание к данным когнитивной психологии. Среди видов связности наибольшее внимание уделяется референциальной связности (другие виды: пространственная, временная, аспектуальная, модальная и событийная). Когнитивная модель

референциальной связности различает два вида операций: активация внимания (проспективая, для адаптации новой информации) и поиск в памяти (ретроспективный, для нахождения референтов). Типология возможных дискурсивных ситуаций такова:

(а) продолжение активации референта, активного в данный момент

(б) прекращение активации референта

(в) активация референта, не являющегося сейчас активным:

(1) либо нового (неопределенного) референта (2) либо уже имеющегося в памяти (определенного) референта.

3.3.5 Дискурс и сознание

Исследования Уолласа Чейфа хорошо известны в России в основном по книге «Значение и структура языка» (Чейф 1975).

Работа У. Чейфа посвящена исследованию языка и сознания. По его мнению, две эти сферы не могут быть поняты по отдельности. В то же время, обе дисциплины, изучающие сознание и язык — психология и лингвистика — в их современном состоянии получают крайне критическую оценку Чейфа, и он резко дистанцируется от доминирующих направлений в обеих науках — экспериментальной психологии и генеративной грамматики. В связи с этим, У. Чейф формулирует две методологические идеи, определяющие многое в его подходе.

Во-первых, в противоположность когнитивно-психологической практике признавать только публично верифицируемые данные, У. Чейф декларирует право исследователя опираться на интроспекцию как на законный источник информации о когнитивных процессах. Язык представляет собой мощный инструмент проверки наших интроспективных гипотез.

Во-вторых, в противоположность и психологической, и лингвистической практике, У. Чейф настаивает на приоритете естественных данных перед искусственными (экспериментальными или сконструированными). Хотя искусственные данные могут быть полезны, основывать целые научные направления только на них непродуктивно. Работа Чейфа генетически связана с этнографической традицией, для которой характерна ориентация на эмпирические данные.

У. Чейф исследует две основные проблемы, Первая — это объяснение языковых явлений на основе процессов, происходящих в сознании. Сознание может быть непосредственным (отражение того, что происходит здесь и сейчас) и отстраненным (воспоминание или воображение). Непосредственное сознание более базисно и устроено проще, чем отстраненное. Вторая основная проблема — сопоставление устного и письменного языка. Исходной и более универсальной формой языка является устная, несмотря на то, что лингвисты большую часть своих усилий до сих пор направляли на письменный язык. Поэтому все типы явлений, рассматриваемые в последних работах Чейфа, вначале исследуются на материале бытового разговорного языка и непосредственного режима сознания.

Главное понятие структуры дискурса, по У. Чейфу — интонационная единица, квант дискурса, соответствующий одному фокусу сознания и соизмеримый с размером одной предикации (clause). Средняя длина игтонационной единицы - четыре слова (для английского языка). Прототипическая инонационная единица, совпадающая с предикацией, вербализует таким образом событие или состояние. События, состояния и их участники, то есть референты, У. Чейф именует родовым термином идеи (напоминающим традиционное понятие знаменательных частей речи).

В каждой интонационной единице обычно представлен один элемент новой информации. Противопоставление данного/доступного/нового ответственно за просодическую (ударное/безударное) и лексическую (местоимение/имя) реализацию референтов. Такой фундаментальный для английского языка феномен, как подлежащее, объясняется на основе понятия исходного пункта интонационной единицы.

У. Чейф также обсуждает различные модификации, связанные с письменным каналом языкового взаимодействия, с одной стороны, и с отстраненным режимом сознания, с другой. В частности, рассматриваются различия между прозой от первого лица, прозой от третьего лица, и цитируемой речью.

В целом исследования У. Чейфа представляют собой попытку интеграции различных дисциплин, исследующих человеческое сознание.

3.3.6. Дискурсивные выборы как производные когнитивных состояний

Расселл Томлин исследует классические «информационные» категории, в первую очередь тему (топик) и данное/новое. Он предлагает радикально переинтерпретировать эти теоретически неясные понятия в когнитивных терминах, опираясь на факты, независимо установленные в когнитивной психологии. В частности, Р. Томлин предлагает заменить понятие темы (топика) на фокусное внимание, а понятие данного на активированное в памяти. Экспериментально манипулируя состояниями внимания и памяти говорящего, можно проверить, как эти когнитивные характеристики реализуются в грамматической структуре.

В серии последних работ Р. Томлин заявил о более обширной исследовательской программе, которую он называет когнитивной функциональной грамматикой. Эта еще не созданная грамматика — теория отображения когнитивных функций на грамматическую структуру. Компоненты когнитивной функциональной грамматики — модель представления событий и их отображения на языковую структуру, модель когнитивной системы говорящего и методология экспериментальной верификации каузальных связей между когнитивными и языковыми явлениями.

В целом, для работ Р. Томлина характерно уникальное сочетание теоретического новаторства с тщательным проведением психолингвистических экспериментов.

3.3.7. Устный бытовой диалог и гетерогенные структуры

Современные дискурсивные исследования часто ориентированы на такой тип дискурса, как устный бытовой диалог. Когда лингвисты обращаются к устному разговорному языку, оказывается, что очень многие категории, выработанные исследователями языка на протяжении столетий, являются принадлежностью не языка вообще, а письменного кодифицированного языка.

Изучать даже устный язык, не зафиксировав его, невозможно. Поэтому двумя предпосылками анализа бытового диалога являются, во-первых, его аудиоили видеозапись, и, во-вторых, система транскрибирования.

Акцент на изучении устного бытового диалога характерен, в частности, для работ У. Чейфа. Очень большое количество работ по исследованию устного диалога выполнено Сандрой Томпсон и ее сотрудниками и учениками.

Основная идея С. Томпсон заключается в интеграции лингвистического анализа с конверсационным (так называемым Анализом бытового диалога). Это направление получило известность после появления статьи (Sacks, Schegloff, Jefferson 1974).

Главная черта Анализа бытового диалога — полный отказ от априорных теоретических конструкций, сугубый эмпиризм, уверенность в том, что непредвзято исследуемые реальные данные сами подскажут аналитику, какие модели употребления являются основными.

В Анализе бытового диалога наиболее активно изучаются такие явления, как чередование реплик в диалоге на уровне диады или триады, коррекция коммуникантами сказанного ранее и др.

Сандра Томпсон является соавтором программной работы (Ono, Thompson 1995). В этой статье делается попытка на основе Анализа бытового диалога вместо того, чтобы строить априорные модели, сформулировать синтаксические закономерности реального дискурса. Выводы, к которым приходят авторы, состоят в том, что дискурс обнаруживает не столько грамматику, сколько грамматикализацию - повторение определенных структурных моделей, так называемых конструкционных схем. Реализация конструкционных схем диктуется когнитивными и коммуникативными обстоятельствами. По мнению исследователей, «ясное понимание того, что такое синтаксис, должно опираться на понимание того, что такое бытовой диалог» (Ono, Thompson 1995: 259).

В этом контексте интересна работа Сесилии Форд «Грамматика во взаимодействии» (Ford 1993), в которой исследуются принципы употребления обстоятельственных придаточных (adverbial clauses) — в первую очередь, временных, условных и причинных — в разговорном

дискурсе. С. Форд противопоставляет расположение придаточных перед главным предложением и после него, причем в последнем случае различается непрерывная и завершающая интонация в главном преложении. Опираясь на методологию Анализа бытового диалога, С. Форд объясняет функциональные различия между этими тремя типами. В частности, препозитивные придаточные выполняют функцию структурирования дискурса, а постпозитивные имеют более узкую область действия, распространяющуюся на главное предложение. С. Форд также предлагает объяснения для неравномерного распределения семантически различных придаточных по позициям относительно главного предложения. Так, причинные придаточные никогда не бывают в препозиции, а условные оказываются в препозиции более чем в половине случаев.

Актуальным направлением современного дискурс-анализа является изучение гетерогенности лингвистической структуры. Так, Д. Лухьенбрурс исследует процессы когнитивной обработки информации и механизмов, позволяющих "текущим образом" состыковать поступающую информацию с предшествующей частью дискурса, т.е. «те естественно-языковые процессы, которые требуют интегральной обработки информации, поступающей из разных источников (из слуховой, осязательной, зрительной и запоминающей систем)» (Лухьенбрурс 1996: 141). Основная гипотеза автора состоит в том, что существуют особые языковые средства, которые явным образом указывают слушающему, как он должен включать поступающую информацию в уже имеющуюся у него модель данных, содержащихся в дискурсе; и более того, что сложность этого процесса значительно превосходит все то, что предлагается в рамках топикально ориентированных компьютерных подходов. Для анализа Д. Лухьенбрус использует дискурсы судебного разбирательства, которые, по ее мнению, достаточно сложны, поскольку слушания проводятся в интересах присяжных и проходят в форме диалога между адвокатами и свидетелями. Фактически, истинными адресатами происходящего являются присяжные заседатели, которые непосредственно в дискурсе не участвуют (парадокс «активного постороннего»), являясь только наблюдателями судебных слушаний. Для обеспечения правильного протекания данной процедуры адвокаты должны основывать свои выступления на тех данных, которые по их представлениям находятся в распоряжении присяжных (т.е. удерживаются ими в понятийном пространстве), и каждое последующее высказывание адвокатов дополняет ментальную модель рассматриваемого дела, развивающуюся в умах присяжных.

В работе (Гил 1996) представлен частный случай изучения гетерогенности лингвистической структуры. Это изучение двух устных текстов, каждый из которых представляет собой последовательность выкриков торговцев. Анализ этих текстов, по мнению автора, «обнаруживает существование жестко ограниченных дистрибутивных типов, которые, однако, не могут быть объяснены в терминах единого набора правил и принципов грамматической теории» (Гил 1996: 119). Утверждается, что анализ этих текстов показывает, насколько грамматика «недоопределяет» язык.

Из гетерогенности лингвистической структуры следует, что для адекватного описания грамматической способности человека необходимо уметь проводить границу между языковыми явлениями грамматической природы и теми языковыми явлениями, источниками которых являются другие, внеграмматические ментальные способности. Автор делает вывод о том, что «адекватное понимание универсальной грамматики возможно только на основании общей науки о мышлении, основанной в свою очередь на изучении музыки, зрения и других областей ментальной деятельности (Гил 1996: 139).

4. АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА
(на материале дидактических текстов)

4.1. Институциональный дискурс

Институциональный дискурс рассматривается в различных исследованиях по функциональной лингвистике, посвященных определенным типам общения, выделяемым на основании социолингвистических признаков. Сегодня активно анализируется политический дискурс (Купина, 1995; Баранов, 1997; Базылев, 1997; Серио, 1999; Гудков, 1999; Шейгал, 2000; Чудинов, 2001 и др.). Изучается дискурс СМИ (Алещанова, 2000; Гусева, 2000; Майданова, 2000; Ягубова, 2001), отдельно рассматриваются различные аспекты рекламного дискурса (Пирогова, 1996; Анопина, 1997; Денисова, 2002). Объектом изучения является научный дискурс (Васильев, 1998; Яцко, 1998), моделируется на прагматическом уровне педагогический дискурс (Карасик, 1999; Коротеева, 1999; Лемяскина, 1999), осуществляется лингвистическое описание религиозного дискурса (Крысин, 1996; Крылова, 2000), в меньшей мере освещена специфика медицинского (Бейлинсон, 2001) и спортивного дискурса (Аксенова, 1986; Панкратова, 2001).

Основной характеристикой институционального дискурса является организующая функция общения. Общественные институты — это культуры, выражением которых является организационный символизм (мифы, истории, шутки, ритуалы, логотипы и т.д.) Этот символизм, по мнению Р. Водак (Wodak 1996), призван замаскировать конфликты, нарушения дискурса, противоречия между участниками институционального общения. Организующая функция общения в сфере институционального дискурса состоит в том, чтобы «закрепить отношения власти» (в широком смысле слова – власть врача над пациентом, учителя над школьником, офицера над рядовым и т.п.).

Противопоставляя личностно-ориентированное и статусно-ориентированное общение, В.И. Карасик отмечает, что во втором случае коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей (начальник и подчиненный, клиент, пациент, пассажир, прихожанин, ученик и т. д.) (Карасик 2002: 290-291)

Общественные институты имеют свои системы ценностей, которые кристаллизуются в форме особых идеологий, при этом внешние требования и ожидания могут расходиться с имплицитными правилами поведения. Так, согласно внешним нормам поведения, ученик в современной школе обязан соблюдать «Правила поведения учащегося», которые во многом воспринимаются как архаичные.

В то же время, институциональные дискурсы динамичны, для их адекватного понимания следует учитывать интертекстуальные связи того или иного типа дискурса с другими типами дискурса в синхронии и диахронии. Как отмечает Р. Водак, институциональный дискурс не сводится только к одному типу дискурса, но представляет собой сложную совокупность различных взаимосвязанных конфликтующих между собой дискурсов в рамках заданной обстановки (setting) (Wodak 1996: 12). И действительно, демократические изменения в российском социуме последнего десятилетия обусловили «синтетические» процессы в сферах бытования некоторых институциональных дискурсов (политический – синтез официально-делового, публицистического стилей и «сниженного» вплоть до фени, педагогический - синтез научно-популярного и разгворно-бытового стилей и т.д.).

В целом, институциоанльный дискурс как форма «общественной практики» отражает реальность, сохраняя, в то же время, отношения неравенства коммуникантов, определяемых ролью, статусом и другими факторами.

В контексте концепции языковых игр Л. Витгенштейна, согласно которой речь строится — подобно игре — по определенным правилам, с одной стороны, и является действием, формой жизни — с другой, любой институциональный дискурс содержит такие речевые действия, как приказания, описания, рассуждения, шутки, приветствия и т.д.). Такой дискурс можно трактовать как многоуровневое образование вербального и невербального характера, построенное по определенным эксплицитно представленным и имплицитно подразумевающимся правилам, конвенционально определяющим те или иные действия участников коммуникации.

М.Л. Макаров, рассматривая отличия разговорного дискурса как наименее структурированного от ритуализованного, институционального, выделяет такие свойства последнего, как более жесткая структурализация при максимуме речевых ограничений, фиксированная мена коммуникативных ролей, меньшая обусловленность контекстом, ограниченное количество глобально определенных целей и др. (Макаров 2003: 176).

В то же время, институциональность носит градуальный характер (Карасик 2002: 191). Как уже отмечалось, ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации — учителя и ученика, священника и прихожанина, следователя и подследственного, врача и пациента. Наряду с этим типом общения можно выделить также общение «равностатусных» субъектов: учителей, а также учеников между собой. На периферии институционального общения находится контакт представителя социального института с человеком, не относящимся к этому институту.

Следует учитывать, что любое коммуникативное взаимодействие многомерно по своей сути. Поэтому полное устранение личностного начала в институциональном общении невозможно, но существуют конвенционально обусловленные характеристики коммуникативных контактов в рамках социальных институтов, которые могут быть изучены.

Так, Р. Водак, анализируя дискурс в школах Австрии (заседания школьных комитетов), приходит к выводу о том, что власть в институциональном дискурсе может выражаться как доступ к информации.

Родительские ассоциации, школьные и классные форумы, членами которых являются выборные учителя, ученики и родители, комитеты социального обеспечения и другие объединения, основанные на демократическом принципе, в реальности организованы, как установлено Р. Водак, в соответствии с правилами жесткой институциональной иерархии. Показателями неравенства являются временные интервалы выступлений на различных заседаниях (чем большей реальной властью обладает участник дискурса, тем больше он говорит), процент принятых и отклоненных предложений (важно то, кто вносит предложение), характер обсуждения проблем. Важным способом манипулирования общественным мнением является замена коммуникативного действия «обсуждение» формальным одобрением: чем более важным для существования данного учреждения является тот или иной пункт повестки дня собрания, тем больше вероятность сокращения дискуссии по этому пункту. Если же речь идет о второстепенных проблемах (например, украшения для классных комнат), то, напротив, всех активно приглашают высказаться. Тем самым поддерживается иллюзия демократического решения вопросов. Особенность данного типа дискурса, как отмечает исследователь, состоит в том, что реальная власть проявляется только в косвенных речевых действиях (Wodak 1996: 96).

Итак, институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социального института. Институциональному дискурсу объективно присущи такие системо-образующие признаками, как 1) статусно квалифицированные участники, 2) локализованный хронотоп, 3) конвенционально обусловленная в рамках данного социального института цель, 4) ритуально зафиксированные ценности, 5) интенционально «закрепленные» стратегии (последовательности речевых действий в типовых ситуациях), 6) ограниченная номенклатура жанров и 7) жестко обусловленный арсенал прецедентных феноменов (имен, высказываний, текстов и ситуаций).

В заключение отметим, что нормы институционального дискурса отражают этнические ценности социума в целом и ценности определенной общественной группы, образующей институт.

4.2. Основные коммуникативные категории процесса дидактического взаимодействия

Рассмотрим возможности дискурс-анализа в исследовании закономерностей порождения и восприятия речи в процессе коммуникативного взаимодействия участников педагогического общения. Так как исследуемые процессы происходят в образовательной среде школьного урока и основная цель (макроинтенция) общающихся имеет дидактическую направленность (на уровне конвенции), то такой дискурс будем называть «дидактическим».

В контексте исследования дидактического дискурса в рамках образовательной среды урока важно определить основные дефиниции, описывающие процесс дидактической коммуникации.

Адресант речевого события вообще — это всегда тот, кто говорит или пишет, даже если он только транслирует чью-то точку зрения, пересказывает полученную из различных источников и в различное время информацию, более или менее умело ее компилируя. Иначе обстоит дело в дидактической речевой ситуации (ось учитель – учащийся), инициатором (и «держателем речи»!) которой является учитель. Здесь адресант, автор дискурса, - человек, который осознает свою потребность (как желание или необходимость) в создании текста (исполнитель некоторой конвенциональной роли, носитель социального, возрастного и т.п. статуса). Он обладает способностью «создавать» речь и реализует ее в виде собственного дидактического текста-жанра, оказывая планируемое воздействие на адресата (преследуя определенную цель) в конкретной ситуации общения. Обязательными характеристиками адресанта дидактического текста являются осознанная потребность и необходимость в самореализации в дидактическом общении; умение создавать, исполнять и рефлексировать собственный текст по «дидактическим» правилам. Из этого следует, что адресант дидактического текста - автор, «хозяин», тот, кому есть что сказать (потому что он личность и профессионал), и тот, кто умеет это сделать (потому что он обладает профессиональной компетентностью).

Адресат (реципиент) в дидактическом речевом событии - это тот, кому предназначено высказывание, получатель информации, т. е. в большей степени объект, нежели субъект общения (субъект-субъектные отношения - прерогатива другого, личностно ориентированного, уровня взаимодействия). В то же время, адресность в дидактическом контексте указывает на стохастическую (вероятностную) диалогичность с разной степенью ее выраженности: аудитория может ответить автору сообщения (высказывания), вступить с ним в диалог, может откликнуться (или не откликнуться) эмоциональной или вербальной реакцией-ответом и др.

Так как цель дидактического дискурса – «социализация нового члена общества» (Карасик, 2002: 304), то целеполагание адресанта-учителя - это «планируемое воздействие», следовательно, осознанный акт, детерминированный особенностями (и, в первую очередь, личностными особенностями) самого адресанта и его адресата (учащегося). В то же время, цель в дидактической речевой ситуации может быть и неосознанной (спонтанной).

Кроме того, важную роль играют референтная ситуация, канал связи, общий контекст взаимодействия на оси «адресант — адресат».

Существенным признаком дидактического взаимодействия является также относительное стилевое единообразие речевого поведения участников дидактического взаимодействия в рамках институционального дискурса. Это обеспечивается механизмом ролевого поведения: стандартная дидактическая коммуникативная ситуация, соотносится субъектом речи с типовой «контекстной моделью» (Dijk, 1995), задает типовой образ адресанта - речевую (дискурсивную) роль, поведение в рамках которой регулируется социально установленными предписаниями и/или взаимными ожиданиями партнеров (учителя и учащихся).

Такая стереотипность речевого поведения членов образовательной среды (участников дидактического взаимодействия) обусловлена когнитивными и социально-психологическими факторами. Если считать, что ментальные схемы (фреймы, модели, сценарии), обеспечивающие человеку ориентацию в ситуациях и событиях, в которых он участвует или которые наблюдает, иерархически организованными структурами данных, аккумулирующими знания об определенной стереотипной ситуации (Дейк, 1989; Минский, 1979; Chafe, 1993; Schank, 1977), то следует признать, что именно они позволяют субъекту общения более или менее адекватно интерпретировать поведение других людей, планировать собственные действия и осуществлять их традиционными (принятыми в данном обществе) способами, что и позволяет партнерам интенционально понимать поступки и воспринимать их логику.

4.3. Пропозиция в дидактическом дискурсе

Рассмотрим проблему пропозиционирования в дидактическом дискурсе на примере анализа фрагментов урока литературы в 10 классе общеобразовательной школы (речь учителя представлена без редакторской правки).

Ну, например, Николай Александрович Добролюбов. Откройте 36-ую страницу в своём учебнике и посмотрите. Я не смогла найти портрет, тем более мы не в своём кабинете. Николай Александрович Добролюбов – это замечательный русский критик, поэт. Им нельзя не восхищаться. В 13 лет он уже имел достаточные знания, которые накопил в впечатлениях от книг. Он основательно читал книги, записывал книгу в реестр. Реестр – это слово можно перевести как читательский дневник. Да? Сначала аннотации к книге у него были краткие, вот такие же, как мы с вами писали. Но потом всё более и более становились подробные отзывы, что привело к тому, что он стал писать критические статьи, то есть с детства он это делал. А потом о любви к чтению свидетельствует стихотворение, детское стихотворение Добролюбова, но в общем-то смысл-то в нём заложен глубокий. Это мечта Добролюбова о том, чтобы у всех было очень много книг, о том, чтобы всё познать и чтобы передать это людям.

В модели когнитивной обработки текста Ван Дейка и В. Кинча (1988) выделяются стратегии установления значимых связей между предложениями текста. Авторы объединяют их под общим названием стратегий локальной когерентности (связности), то есть считают, что основной задачей понимания является конструирование (адресантом) локальной связности (ср. в нашем примере Откройте..; посмотрите…; записывал в реестр…; Реестр - это…; Сначала…; но потом..).

Информация производится и воспринимается говорящими и слушателями в конкретных ситуациях в рамках широкого социокультурного контекста (см. выше). Поэтому восприятие и обработка дискурса - не просто когнитивное, но в то же время и социальное событие. Фактически, пользователи языка воспринимают информацию, заключенную в соответствующем тексте, на основе имплицитно известного им социального контекста.

Как уже отмечалось, когерентность (смысловая связность) дискурса связана с реализацией текстообразующей функции распределения информации в тексте/дискурсе. В процессе коммуникации информация передаётся порциями, каждой из которых соответствует пропозиция. Фактически, пропозиция выступает как единица обработки информации. Высказывания в дискурсе связаны настолько, насколько связаны соответствующие им пропозиции. Можно сказать, что в коммуникативном акте на уровне текста структура информации, как правило, включает в себя более одной пропозиции и является полипропозициональным единством. Связность пропозиций, обеспечивающая когерентность дискурса, зависит от степени адаптивности «нового» к объёму включенного «данного». В нашем примере "цепочка", обеспечивающая пропозициональную линейность дискурса, выглядит так: Добролюбов (1), русский критик, поэт (2), читательский дневник (3), критические статьи (4) и т.д. Распределяя информацию по отдельным пропозициям и выстраивая линейную пропозициональную цепочку, учитель создаёт "направленный" в информационном плане текст. Наряду с линейной, существует вертикальная зависимость элементов дискурса - «сверху вниз». Вертикальная связь обеспечивает глобальную связность частей текста по отношению к теме всего дискурса (Макаров 2003: 139).

Темой дискурса, представленной в виде макропропозиции, в анализируемом фрагменте является Добролюбов - читатель.

Создавая текст, адресант рассчитывает на предполагаемое информационное состояние адресата (в нашем примере учащиеся знакомы с ранее изученными разделами школьного курса русской литературы), которое и позволяет ему, распределяя информацию по отдельным пропозициям и выстраивая линейную пропозициональную цепочку, устанавливать информационую когерентность текста. При этом, по нашему мнению, следует учитывать такой фактор, как пропозициональная синхронизация, под которым понимается процесс поэтапного соответствия сообщаемых (и усваиваемых) единиц информации в рамках речевого взаимодействия.

Знания об окружающем мире актуализируются в определенные моменты при помощи оперативной или долговременной памяти. При этом актуализация знаний носит избирательный характер, и, в конечном счете, активированная область знаний предстает как некий концепт, ментальный образ, отражающий процессы мыслительной деятельности, как квант знания, которым человек оперирует в процессе мышления и слухового восприятия. Таким образом, изложение учебного материала учителем возможно представить как активизацию в сознании ученика тех ментальных образов, которые должны стать основой для возникновения новых. Выбор слова (в широком понимании) должен быть строгим: «Чем больше совпадают сферы мыслительного содержания коммуникантов, тем выше (при прочих условиях) вероятность адекватного понимания информации, совпадения передаваемого и воспринимаемого смысла» (Мурашов 2001: 35). Этот процесс, который можно определить как когнитивный резонанс, обусловлен тенденцией к намеренному ограничению имплицитных значений. Важно, чтобы интерпретативная деятельность учащихся была сведена к минимуму, что на этапе сообщения школьникам новой для них информации достигается исключением непрямой коммуникации. Поэтому, выбирая средства языкового выражения и "выстраивая" цепочку пропозиций, учителю необходимо осознавать, активизирует ли данное слово предполагаемый концепт.

Кроме того, основываясь на собственной логике «создания» дидактического текста в процессе речевого взаимодействия, учитель должен последовательно «продвигаться» от одного кванта информации к другому (от одной пропозиции к другой), синхронизируя этот процесс с ментальной областью учащихся, обеспечивая оптимальные условия адекватного восприятия нового знания. Процесс активизации, заключающийся в «способности говорящего фокусировать своё сознание лишь на ограниченном фрагменте мира в каждый данный момент», был выделен и описан У. Чейфом (см. выше). Интонационная единица У. Чейфа соразмерна ровно с одной предикацией, т.е. именно с одним квантом актуализированного на данный момент знания. (Chafe 1993). Такой подход представляется вероятным в контексте понимания дискурса как системы объединенных квантов.

Так как концепты находятся не в разрозненном, хаотичном состоянии - им присуща некоторая упорядоченность и отнесенность (концепт является итогом познавательной деятельности человека и семантической категорией наиболее высокой степени абстракции), то их объединяет некий общий семантический контекст. Именно поэтому пропозициональная синхронизация и призвана обеспечивать когнитивный резонанс в процессе передачи информации от адресанта к адресату.

В научной литературе существуют разные представления об организации концептов, по сути, они не отличаются принципиально, а только дополняют друг друга.

Так, Франсуа Реканати вводит понятие «ментальная энциклопедия». Под «ментальной энциклопедией» Ф. Реканати подразумевает «всю совокупность персональных знаний, переживаний, ассоциаций, представлений, концепций и т.д., оформленных в некую целостную систему» (Recanati 1996). Информация в «ментальной энциклопедии», по мнению Ф. Реканати, представлена в виде различных досье, или интенциональных окон. Фактически, наличие «ментальной энциклопедии» является непременным условием для адекватной интерпретации высказывания. В нашем примере досье Николай Александрович Добролюбов «хранится» у десятиклассников в ментальной энциклопедии в интенциональном окне русская литературная

критика. Таким образом, контекст для каждого высказывания не «дается», но «избирается». В связи с этим интерпретация высказывания рассматривается как активизация ("извлечение из") определенных участков энциклопедической памяти, которые бы соотносились с ситуацией. Слово учителя задает направление, которое должно привести к нужному участку «ментальной энциклопедии» ученика.

Таким образом, распределяя информацию по отдельным пропозициям и выстраивая линейную цепочку на основе пропозициональной синхронизации, учитель создаёт «направленный» в информационном плане текст, восприятие которого учащимися происходит более эффективно.

4.4. Трансляция «нового» в дидактической коммуникации

Усвоение информации в процессе коммуникативного взаимодействия на уроке связано с такими дидактическими единицами, как знания, умения и навыки. При этом следует учесть, что умения и навыки формируются в процессе тренинговой и репродуктивной деятельности, в то время как знания передаются и усваиваются в вербальных (и невербальных) актах дидактического взаимодействия коммуникантов (учителя и учащихся). Рассмотрим механизм передачи учащимся новой информации учителем в процессе монологического выступления на уроке.

Знание в качестве дидактического концепта может трактоваться как результат процесса познания действительности, отражающий ее в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, гипотез, теорий, концепций, принципов, законов закономерностей и т. д. (Современный словарь по педагогике 2001: 242), как смысловая единица, объективированная знаковыми средствами языка (НИЭС 2001: 268). Другими словами, знание приобретается индивидуумом в процессе «перевода» мыслительного концепта в теоретическую форму отражения окружающей действительности, которая «присваивается» личностью и, в итоге, входит в континуум учебной информации благодаря усваиваемой текстовой форме (в том числе, и в процессе дискурсивного способа трансляции).

Так как мы акцентируем внимание на новом учебном знании, выступающим центром познавательной деятельности как таковой, то возникает проблема определения учебное знание как единицы анализа дидактического текста/дискурса.

Учебное знание (в дидактическом аспекте) — это семантический концепт, представляющий собой квант содержания учебного текста и репрезентирующий в процессе дискурсивной практики динамику познавательной деятельности адресата, направленную на формирование изменений в языковой картине мира как способе концептуализации действительности.

В рамках эпистемологического подхода знание можно трактовать как дихотомическое единство имеющейся/приобретенной информации об окружающем мире, преемственно реализующееся в процессе пошаговой репрезентации текста/дискурса посредством чередования элементов известного и неизвестного.

Таким образом, учебное знание как единица дидактического текста/дискурса отражает динамику смыслотворчества нового содержания обучения, его постепенное превращение в рамках дискурсивного процесса из концептуального образа адресанта (учителя) в целостную концепцию (или ее фрагмент), присваиваемую адресантом (учащимся). В итоге, вербальная форма репрезентации «материализуется» на ментальном уровне и формирует у адресата (учащегося) измененную картину мира (см. Гийом 1992: 71; Тураева 1994: 105 и др.).

Итак, знание — это экстралингвистическая двухкомпонентная единица (известное/новое), функционирующая в учебном тексте/дискурсе как фрагмент выстраиваемого адресантом содержания; это смысловой концепт, вербально материализующийся в дискурсивной практике посредством текста, объединяющего известную и неизвестную для адресата информацию.

Фактически, такая структура знания детерминирует субъектно-объектную, диалогическую природу учебного текста/дискурса в образовательной среде урока. Деятельность адресата

(учащегося) по усвоению нового знания всегда целенаправленна, а адресант (учитель) выступает как созидающая личность, стремящаяся к тому, чтобы познавательные усилия адресата были реализованы максимально эффективно. Поэтому для учителя как автора учебного текста оказывается важным не столько сам процесс вербализации нового знания (хотя и он, безусловно, важен), сколько интенционально обусловленная направленность текста на адресата. Таким образом, учебный текст/дискурс представляет собой конструктивный диалог между двумя концептуальными системами коммуникантов, в процессе которого адресанту и инициатору общения (учителю) важен уровень результативности такого диалога. При этом известно, что эффективность учебного (дидактического) общения зависит от антиципационной способности учителя предвидеть особенности понимания содержания учащимися и учитывать их возможную реакцию на уровне потенциального непонимания. Успех учебного диалога во многом достигается посредством особой структурной и смысловой организации дидактического текста/дискурса.

Еще одна характеристика учебного знания связана с понятием информационного поля, под которым подразумевается информационное пространство, соответствующее рамкам образовательной среды (школы, отдельно взятого урока) и т.п.), охватывающее тот или иной объем фактов и событий реального мира и представленный репертуаром тем.

Информационное поле — это аксиологическая категория, связанная с понятием информационной нормы. В процессе дидактического взаимодействия информация о явлениях и законах окружающего мира, предметах и понятиях сообщается в определенном объеме, причем этот объем является ограниченным. С позиций дидактики можно выделить ограничения, обусловленные государственным стандартом (содержание обучения). Коммуникативная лингвистика определяет конвенциональный характер ограничений, основанных на социокультурных регулятивах общения (коммуникативная компетенция).

Кроме «информационных» и конвенциональных ограничений, информация в дидактическом общении обладает такими характеристиками, как оптимизированность, адресность и селективность, которые непосредственно обеспечивают «дидактический эффект» взаимодействия субъектов образовательного процесса.

Под оптимизированным характером информации следует понимать ее способность соответствовать оптимальному уровню коммуникативного взаимодействия в плане экономичности, энергозатратности и т.п.

Адресность дидактической информации обусловлена «дифференциацией» адресата. Учитель не может провести два одинаковых урока в разных классах одной параллели. Более того, «озвучивая» информацию на одном и том же уроке, он, дифференцируя учащихся по способностям, уровню подготовки, когнитивным параметрам и др., ориентируется на конкретного ученика (группу учащихся) - конкретного адресата.

Селективность обеспечивает доступность излагаемых сведений для понимания аудитории разного уровня восприятия.

Как уже отмечалось, процесс развертывания содержания учебного текста в дидактическом дискурсивном процессе осуществляется посредством чередования компонентов знания: элементы нового, еще неизвестного адресату репрезентируются продуцентом речи на основе уже известного реципиенту знания.

Известная адресату (учащемуся) информация в семантической «развертке» учебного текста/дискурса может быть выражена двояко: 1) та, что «присвоена» им давно и входит в номенклатуру «субъектного» опыта учащегося, 2) только что «преподнесенная» информация, известная учащемуся из «нового» контекста, т. е. это знание, усвоенное контекстуально. Способами выражения ранее известной информации являются различные приемы использования в учебном дискурсе средств интертекстуальности (ссылок, сносок, цитат, пересказа и т.п.) (Чернявская 1999). Коммуникативным средством выражения контекстуальной информации является неоднократное «дублирование» фактов, понятий, дефиниций, в силу чего происходит процесс постепенного, поэтапного формирования нового знания. Рассмотрим примеры выше указанных способов передачи информации в речи учителя на уроке литературы в 10-м классе

общеобразовательной школы. Тема урока: «Развитие русской литературы второй половины XIX века» (речь учителя приводится без редакторской правки, многоточиями обозначены пропуски фрагментов, не имеющих существенного значения в контексте рассматриваемой проблемы). Выделены существенно значимые для проблемы исследования информационные компоненты.

Пример передачи информации, «присвоенной ранее»:

Итак, первый период у нас с вами – это дворянский период. Здесь вот даты есть. С 25-го года. Это что за дата – 1825 год? Это восстание декабристов. Как бы вот революция отсчитывается от декабристского восстания по 61-ый год. А это что такое за дата? 61-ый год?Историю за девятый класс, по-моему, там есть. Это отмена крепостного права. 61-ый год. Но вы знаете, что событие это было какое? Формальное. Правильно? Ещё долго–долго в России была зависимость между дворянами и крестьянами. Ну, формально, конечно, вот такой акт свершился, ради которого и бились эти прогрессивные дворянские писатели.

Пример передачи «преподнесенной» информации:

Итак, первый период у нас с вами – это дворянский период. Здесь вот даты есть…

Вот первый… Ленин уже позже в одной из статей памяти Герцена он охарактеризовал все эти три этапа. Вот первый этап он назвал «дворянский». Почему? Потому что поднялись на защиту народа дворяне. Дворяне…

Вот это первый. И первый этап, он как бы овеян идеями декабризма. Изучением их опыта, дальше – выявлением их ошибок: правы – не правы были декабристы. Вот такие вопросы постоянно были в это время и в критических статьях, выступлениях в общественных в устных и письменных и так далее…

Дальше. Второй период русского освободительного движения. Посмотрите, сколько писателей уже принимало участие в этом освободительном движении. Второй период возглавлял Николай Гаврилович Чернышевский…

Итак, вот это второй этап. Второй этап…

Вот очень точную характеристику дает Ленин этому второму этапу, что «ближе их связь с народом», потому что вы же смотрели в словарях, я просила вас написать, что такое «шестидесятники», что такое «революционеры-демократы», что такое «разночинцы». У вас как раз сноски есть в статье там.

Видно, что развертывание текста в процессе дидактической коммуникации происходит на основе чередования известной и неизвестной информации. Кроме того, важно то, что само новое знание постоянно «перебивается» старым, уже присвоенным знанием за счет многочисленных контекстуальных смысловых повторов поясняющего и уточняющего характера, а также семантических акцентов, регулярно осуществляемых продуцентом речи для выделения главного в общем потоке информации.

Фактически, в процессе вербализации передаваемой информации адресант (учитель) стремится сделать свое знание узнаваемым для адресата. При этом степень «узнаваемости» нового находится в прямой зависимости от уровня его контекстуальной представленности в предшествующих фрагментах дидактического текста/дискурса.

Итак, преемственно репрезентированное посредством известного знания, а также введенное через неоднократные повторы с помощью контекстуально известного новое знание предстает в дидактическом тексте/дискурсе как присвоенная адресатом систематизированная информация. При этом важно отметить тот факт, что в ситуации вопприятия новой информации деятельность ученика-адресата в идеале носит неинтерпретативный характер, поскольку текст/дискурс, «предъявляемый» учителем ученику, - последовательность языковых единиц, организованная педагогом определенным образом для реализации интенции «сообщение информации» и направленная на восприятие учащимися - отвечает принципу доступности и риторическим требованиям информативной речи, среди которых наиболее важными являются:

§ совмещение «нового» и «старого» (опора «нового» на общеизвестные факты («фоновые» знания) и житейский (субъектный) опыт учащихся);

§ конкретизация излагаемого (использование уподоблений, сравнений);

§ создание эффекта упорядоченного поступательного движения (осуществление постепенного, логического, перехода от одной мысли к другой, соблюдение хронологической последовательности в изложении, возможно также использование направляющих вопросов) и др. (Сопер 1999: 200-236).

4.5. «Категориальный» анализ дидактического дискурса

Как уже отмечалось, решение коммуникативной задачи на уроке осуществляется посредством коммуникативных актов. Под коммуникативным актом мы понимаем условный фрагмент дискурса - единство речевого акта говорящего, аудитивного акта слушающего и коммуникативной ситуации. Фактически речь идет о комплексе двух коммуникативных действий – стимула и реакции.

В отличие от коммуникативного акта, коммуникативный (интерактивный) ход (речевой или неречевой), является минимально значимым элементом, развивающим взаимодействие, направляющим процесс общения к достижению общей коммуникативной цели. Коммуниктативный ход не всегда совпадает с коммуникативным актом: чаще он реализуется с помощью сложного макроакта - последовательности коммуникативных актов, комплекса действий, иерархически организованного вокруг целевой доминанты (Dijk 1981; Habermas 1981).

В итоге, коммуникативный акт самостоятельно не выполняет дискурсивной функции: полная его актуализация осуществляется в дискурсе в качестве коммуникативного хода, который, в свою очередь, служит для развития «направленного» диалога как реальной единицы речи (Бахтин 1986). В сущности, имеет место традиционно используемая в лингвистике категория «диалогическое единство» (стереотипный обмен репликами – коммуникативными ходами). В этом контексте различаются инициирующие, продолжающие, поддерживающие, обрамляющие, закрывающие, ответные, фокусирующие, метакоммуникативные и другие ходы (Романов 1988; Stenstrom 1994 и др.). Термин «обмен» как концепт, динамически организующий функциональное единство коммуникативных ходов, активно используется в современной теории дискурса, причем различают простые (двухкомпонентные) и сложные (комплексные) обмены. Особенностью обмена как единицы общения является его интеракционная природа, предполагающая мену коммуникативных ролей). Предметом нашего исследования явились трехкомпонентные обмены (триады), содержащие 1) запрос информации адресатом, 2) передачу запрошенной информации партнером по общению и 3) оценочную реакцию.

Рассмотрим возможности «категориального обоснования» речевых фрагментов урока для выявления совокупности содержащихся в исследуемых отрезках дискурса «ближайших интенций» как показательных для коммуникативного процесса дидактического взаимодействия.

Для решения поставленных задач устный дискурс педагогического взаимодействия должен быть переведен в письменные тексты без редакционной правки и с максимально возможным сохранением «ситуационных» признаков (экстраи паралингвистических параметров общения). Схема анализа включает учет таких факторов, как интенция (макроинтенция), количество пропозиций, вид пресуппозиции (семантическая или прагматическая), особенности экспликатуры и ее связь с импликатурой (конвенциональной или коммуникативной), характер референции (выражение интерсубъективности) и инференции (формально-логическая или вероятностно-индуктивная), тип оценочного речевого акта - реплики (собственно оценка, похвала, порицание, критическое суждение, стимулирование).

Образцы анализируемых фрагментов дискурса:

4 класс

Учитель: Что могут обозначать наречия, отвечающие на вопросы где? куда?

Ксюша: Это место действия.

Учитель: Правильно, это место действия. Молодец.

В высказывании учащегося содержится одна пропозиция («Отвечающие на данные вопросы наречия относятся к наречиям места действия»).

Экспликатура ответного высказывания определяется развитием логической формы суждения, выраженной в вопросе учителя. «Это» - связка при сказуемом, выраженном именем, которое является грамматическим выражением семантической репрезентации, «извлеченной» адресатом в процессе декодирования заданного вопроса.

Референция идентифицирующая, так как и говорящий и адресат знают об объекте референции (наречиях места действия). Принцип интерсубъективности сохранен, адресат соотносит языковое выражение «наречия, отвечающие на вопросы где? куда?» с теми же фоновыми знаниями и понятиями («наречие места действия»), что и адресант. На данный факт указывает и ответная реплика учителя.

Импликатура коммуникативная, но имплицитность реплики адресата устраняется под действием контекста (предыдущего и последующего высказываний учителя).

Пресуппозиция прагматическая, так как основана на информации, содержащейся в контексте и когнитивно освоенной коммуникантами. Об этом свидетельствует и идентифицирующая референция.

Инференция формально-логическая. Высказывание адресата является логическим следствием высказывания адресанта (так как речь в реплике учителя идет только о тех вопросах, на которые отвечают не все наречия, а только наречия места действия).

Реакция адресанта оценочного характера представляет собой речевой акт – похвалу стимулирующего характера.

7 класс

Учитель: (класс повторяет правило написания частицы «не» с различными частями речи)… Пишем, небольшая речонка... Серёжа.

Серёжа: Небольшая речонка э-э-э – это прилагательное. Пишем слитно, так как «небольшая» можем заменить синонимом без «не» - маленькая.

Учитель: Конечно. Хорошо. Четыре…

Высказывание учащегося содержит три пропозиции: небольшая – это прилагательное (1), пишем слитно (2), возможна замена синонимом без «не» (3).

Экспликатура определяется развитием логической формы, предшествующего высказывания: «небольшая речонка» (Учитель) – «это прилагательное» (Ученик – декодирует информацию с выделением «необходимого» слова). Кроме того, фоновые знания ученика содержат дефиниции «прилагательное – часть речи, обозначающая качество, свойство или принадлежность и выражающая это значение в формах падежа, числа и рода» и «синоним – слово или выражение, совпадающее или близкое по значению с другим словом, выражением».

Референция идентифицирующая, так как и говорящий, и адресат знают об объекте референции (правилах написания «не» с частями речи). Принципы интерсубъективности сохранён, так как адресат имплицитно адекватно соотносит языковой факт «небольшая» с говорящим «это прилагательное». На данный факт указывает и заключительная реплика учителя.

Импликатура конвенциальная. Определяется прямым значением слов: прилагательное, синоним, а также порядком слов; небольшая и маленькая являются синонимами.

Пресуппозиция прагматическая, так как опирается на информацию, когнитивно освоенную коммуникантами. О том, что «небольшая» - это прилагательное, о том, что «не» пишется слитно, потому что можно заменить данное прилагательное синонимом «маленькая», ученик знает из усвоенного ранее материала. «Пишем слитно» (Сережа) - о том, что нужно писать слитно с прилагательным, мы узнаем из контекста и макроинтенции («повторение правил написания частицы «не» с частями речи»).

Инференция формально-логическая. Высказывание ученика вытекает из высказывания учителя, так как контекст ситуации свидетельствует о том, что речь идет о правилах написания частицы «не» с прилагательными.

Реакция адресанта представляет собой речевой акт – похвалу стимулирующего характера и собственно оценку.

9 класс

Учитель: (диктует) В доме иногда нарушалась тишина: где-то скрипнула дверь, послышались чьи-то шаги… Какие знаки препинания здесь ставятся?

Аня: Двоеточие ставится, так как связь пояснение, а запятая - так как связь распространение.

Учитель: Да…

Высказывание учащегося содержит две пропозиции: двоеточие ставится при пояснении (1), запятая ставится при распространении (2).

Экспликатура обусловлена развитием логической формы, выраженной в первом высказывании адресанта. Знаки препинания, о которых спрашивает учитель, известны учащемуся имплицитно, но в фоновых знаниях содержится информация о запятой, двоеточии (и других знаках препинания). Экспликатура определяется значением слов двоеточие, запятая.

Референция идентифицирующая. Говорящий и адресат знают об объекте референции (знаках препинания). Принцип интерсубъективности сохраннн, так как адресат соотносит языковое выражение «знаки препинания» с теми же образами и объектами, что и говорящий «двоеточие», «запятая». Об этом свидетельствует и содержание второго высказывания учителя («Да…»).

Импликатура конвенциональная. Определяется прямым значением слов двоеточие, запятая, пояснение и распространение, а также порядком слов.

Пресуппозиция прагматическая, так как опирается на информацию, данную в контексте и когнитивно освоенную коммуникантами. О том, какие знаки препинания должны быть поставлены в данном предложении, ученик знает из усвоенного ранее материала.

Инференция формально-логическая, потому что высказывание Ани следует из первого высказывания учителя (запрос информации о правилах постановки знаков в конкретном предложении), а в высказывании ученика после раскодирования запроса содержится ответ и его обоснование на примере данного предложения. «Какие знаки» (Учитель) – «двоеточие, так как…», «запятая, так как…» (Аня).

Реакция адресанта представляет собой речевой акт – подтверждение, но не имеет экспрессивной окрашенности и не содержит собственно оценки.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Ввиду относительного однообразия и лаконичности исследуемых конструкций (вопросо-ответные триады), интенциональный характер представленных дискурсивных фрагментов легко определить следующим образом. Адресант (учитель) осуществляет запрос информации с целью контроля ее усвоения или актуализации для «перехода» к сообщению нового информационного блока. Адресат (учащийся) сообщает известную ему информацию в репродуктивном режиме (цель – воспроизведение известного знания). Ответная реплика адресанта имеет «оценочный» или уточняющий характер. Таким образом, макроинтенция проанализированных фрагментов имеет антиципационную природу и может быть определена как воспроизведение известной информации для дальнейшей реализации запланированной дидактической деятельности.

В результате анализа дискурсивных фрагментов, можно сделать вывод о том, что имеется корреляция между количеством пропозиций в ответной реплике адресата (учащегося) и его возрастом. Ответы учащихся 4 и 5 классов, как правило, содержат не более одной пропозиции (реплики «часть речи не изменяется», «наречия обозначают место действия» и т.п.). В более старшем возрасте «распространенность» ответных высказываний увеличивается («светло-голубой – это сложное прилагательное (1), пишется через дефис (2), так как обозначает оттенок цвета» (3) – 7 класс; «обстоятельства – это второстепенный член предложения (1), обозначающий признак действия или другого признака» (2) – 8 класс и т.п.).

Экспликатура реплик адресата обусловлена предшествующим высказыванием адресанта (учителя) – «запрос информации» и его же последующей репликой-оценкой (или уточнением). Например, если рассматривать ученическое высказывание: «Это место действия» вне контекста, то интерпретатор не сможет определить, о каком месте действия идет речь. Но зная содержание предшествующего высказывания учителя, макроинтенцию и характер последующей оценочной реплики («Хорошо», «Конечно», «Да», «Молодец», «Так»), можно понять, что речь идет о «наречиях места».

Большинство импликатур проанализированных ученических высказываний конвенциональны. В то же время, в речи учащихся 4-х классов встречаются коммуникативные импликатуры («Это место действия», «Эта часть речи не изменяется»). Вероятно, значительную роль в этом процессе играет повышение уровня коммуникативной компетенции учащихся более старших классов (привычка «полного» ответа).

Референция ученических высказываний идентифицирующая, что объясняется тем, что, сообщая новую информацию, адресант (учитель) ориентирован на знания, когнитивно освоенные учащимися ранее. В принципе, при анализе речевой деятельности коммуникантов на «нетипичном» уроке, когда учащиеся знакомятся с «абсолютно неизвестной» им учебной информацией, характер референции может быть интродуктивным.

Кроме того, следует отметить, что идентифицирующая референция обусловливает реализацию принципа интерсубъективности (это проявляется в оценочных высказываниях учителя).

Пресуппозиция исследуемых ученических высказываний встречается двух видов: прагматическая и (реже) семантическая. Полученные данные подтверждают, что в ответных репликах учащихся чаще используются «общие фоновые знания», т.е. та информация, которая в равной степени известна коммуникантам. Семантический характер пресуппозиции проявляется в случаях «провокации на ошибку» со стороны адресанта (например, Учитель: В колонке глаголов прошедшего времени определите у глаголов лицо... Данил. Данил: У глаголов прошедшего времени лицо не определяется. Учитель: Верно...).

Инференция ответных реплик учащихся, как правило, формально-логическая, что позволяет оценить ученическое высказывание в рамках исследуемых триад как репродуктивное, «несамостоятельное», обусловленное реакцией на «запрос» учителя.

Таким образом, исследование детских высказываний с интенцией «сообщения информации» в 4-9 классах показывает, что «репродуктивные» по своей сути реплики учащихся имеют, в основном, сложное пропозициональное строение, в них преобладают конвенциональные импликатуры как следствие особенностей реализуемых интенций, они ориентированы на идентифицирующую референцию, принцип интерсубъективности, а также строятся на основе информации, усвоенной ранее, что указывает на формально-логическую инференцию и прагматическую пресуппозицию, которая, в итоге, обладает более высокой степенью частотности.

4.6. Уровень энтропии дидактического текста/дискурса

Как отмечалось, в настоящее время, в процессе перехода от структурно-семантического к коммуникативно-деятельностному аспекту исследования лингвистических единиц возникла необходимость изучать текст как результат динамического процесса, который дискурсивно реализуется в рамках коммуникативного акта.

Можно констатировать, что для современной лингвистики характерен постепенный отход от понимания текста как автономного (независимого от коммуникативной ситуации) образования, раз и навсегда определенного во всех своих параметрах авторской интенцией. Прагматический взгляд на проблему текста обусловил релятивистское понимание феномена «текст», который трактуется уже как переменная величина коммуникативной ситуации).

Релятивистская трактовка текста поддерживается также когнитивной психологией и когнитивной лингвистикой, с позиций которых знание текстовых моделей является частью коммуникативной компетенции говорящих, определенный уровень которой позволяет порождать и воспринимать тексты. Сами же тексты можно определить как когнитивные репрезентации интенционально планируемого содержания высказывания.

В частности, В.Хайнеманн (Textbeziehungen 1997) отмечает, что современная коммуникативная практика свидетельствует о том, что текст (в традиционном смысле этого слова) является основной единицей коммуникации. В процессе интеракции (в прагматическом плане) тексты участвуют как целостные лексико-грамматические смысловые высказывания.

Являясь «инструментами» коммуникативных действий, тексты связаны с автором и ориентированы на определенную реакцию реципиента, а потому не могут быть интерпретируемы произвольно. Коммуникативную значимость текста подчеркивает и Г. В. Колшанский, говоря о том, что текст — это прежде всего единица коммуникации, «структурированная и организованная по определенным правилам, несущая когнитивную информацию, психологическую и социальную нагрузку общения» (Колшанский 1978: 32)

Тексты определенной жанровой отнесенности (официально-деловые, художественные и т.п.) имеют ряд общих структурных и содержательных черт, которые могут быть описаны в виде совокупности параметров, выявляемых путем непосредственного анализа состоявшихся текстовых продуктов, т. е. чисто эмпирически, индуктивно. Естественно, что наряду с общими, параметровыми чертами отдельные типы текстов имеют и существенные отличия, выражающиеся конкретными значениями параметров.

Комбинации значений разных параметров — это «образцы» (сценарии, фреймы, дискурсивные рамки), по которым порождаются тексты определенного функционально-стилистического типа или его варианта.

В основе современных исследований, посвященных изучению различных языковых средств в рамках определенных видов текстов, лежит функционально-семантический анализ как один из наиболее известных современной лингвистике способов обеспечить выяснение роли того или иного языкового средства в организации текста. Среди направлений, по которым развивается сегодня изучение вербального текста, выделяются: 1) изучение текста как порождаемого и интерпретируемого языкового/речевого феномена (процесса/результата), обладающего свойствами коммуникативной системы высшего уровня; 2) определение единиц (компонентов), составляющих текст; 3) построение типологии текстов; 4) выявление, анализ и классификация основных текстовых категорий.

Ю.А. Левицкий выявляет некоторые общие условия коммуникации, которые принимаются в качестве параметров текстообразования. По мнению исследователя, при рассмотрении различных величин этих параметров как дифференциальных признаков появляется возможность характеризовать любой текст через различные наборы этих признаков. Выделяются следующие параметры: 1) ситуация коммуникации: 2) партнеры: 3) цель коммуникации; 4) предмет речи; 5) дефицит времени (Левицкий 1996: 10).

Выше изложенное позволяет говорить о наличии определенной упорядоченности в самом процессе порождения текста в акте коммуникации и, более того, о вероятностном «идеальном» тексте как оптимальном итоге именно данного процесса вербального взаимодействия. При этом следует учитывать, что даже созданный специально и зачитанный «буква в букву» идеальный текст в рамках дискурсивного процесса объективно будет «накапливать» погрешности (анормативные лингвистические, параи экстралингвистические явления и др.), т.е. увеличивать энтропию. Следовательно, при разработке соответствующей методологии, появляется возможность анализа эффективности коммуникации на энтропийном уровне. Можно предположить, что результаты такого исследования «письменного» произведения (текста), созданного автором, будут во многом отличаться от результатов такого же анализа графически оформленного в виде текста результата (продукта) дискурсивного процесса. Естественно, что релевантность подобного исследования во многом обусловлена уровнем разработанности теоретического аппарата таких направлений языкознания, как коммуникативная лингвистика, лингвопрагматика и лингвосинергетика.

Для определения методологической основы энтропийного анализа текста как результата (итога) коммуникативной ситуации необходимо сформулировать некоторые концептуальные положения.

1. Дискурс как процесс интенционально обусловлен авторским намерением создать некий целостный продукт, который «на выходе» может считаться текстом. Дискурс как процесс и текст как продукт — две тесно связанные между собой, но существенно различные стороны одного явления.

2. Текст представляет собой результат дискурсивного процесса и является материальным воплощением инициальной установки адресанта. Это своеобразный итог дискурсивной (коммуникативной) ситуации. Таким образом, под текстом понимается особая, развернутая, графически оформленная вербальная форма осуществления речемыслительного произведения автора. Тексту присущи определенные категории (макроинтенция, когезия и др.), наличие которых, собственно, и позволяют считать текст текстом.

3. Реализуя собственную интенцию на уровне речевой стратегии, автор текста/дискурса стремиться (порой неосознанно) добиться максимального эффекта в достижении своей цели. Ни один адресант сознательно не идет на заведомое «ухудшение» своего вербального продукта, а пытается максимально эффективно (со своей точки зрения) реализовать авторскую экспектацию.

4. Такой «идеальный» текст (результат коммуникативного процесса), как правило, не может быть создан/реализован автором (или коммуникантами) в реальной дискурсивной практике: всегда проявляются особенности вербального и невербального характера, которые искажают «идеальную» структуру в плане достижения макроинтенции говорящего или реализации макротемы текста как целого.

5. Отступления от «магистрального» пути реализации замысла автора текста происходят в точках бифуркации, когда возникают «сбои» и текст как система обретает возможность разворачиваться в нескольких вероятностных направлениях. При этом происходит изменение (увеличение или уменьшение) энтропии (уровня информационной упорядоченности) текста как продукта коммуникации.

6. При анализе монологического (и, вероятно, диалогического) дискурса энтропия может быть выявлена при сравнении «идеального» варианта протекания коммуникативной ситуации с реальным итогом в виде зафиксированного результата (=текста, записанного аудиально, на видеокамеру или оформленного графически).

7. «Идеальный» текст как система «разворачивается» упорядоченно, но в точках бифуркации система переходит в новое состояние, не всегда соответствующее «правильной» траектории развертки. Каждое «неправильное» изменение вызывает увеличение энтропии, что может быть зафиксировано.

8. В итоге, при анализе всего завершенного отрезка речи (текста или его фрагмента) может быть определен показатель (уровень) энтропии, определяющий «степень соответствия» практически реализуемого текста/дискурса запланированной стратегии говорящего.

Итак, в контексте нашего исследования текстовый статус имеют только речевые произведения, зафиксированные письменно. Ср. точку зрения В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой: дискурс — это «текст, образовавшийся в процессе дискурсии, когда смысл «на выходе» становится адекватным авторскому замыслу» (Костомаров, Бурвикова 1995: 238).

Таким образом, дискурс противопоставлен тексту как фиксированному результату, продукту, который самодостаточен и может работать как «генератор смыслов» (Ю. М. Лотман). В отличие от дискурса, текст лишен жесткой прикрепленности к реальному времени и существует во времени-пространстве культуры. В этом смысле текст представляет собой лингвистический факт, потенциально присущий процессу «вторичной коммуникации», когда необязательно наличие второго партнера (адресата), но, при необходимости, закодированная в тексте информация может быть озвучена, раскодирована и воспринята.

Фактически, как отмечает М. Я. Дымарский, «текст содержит необходимые компоненты коммуникативного акта в свернутом виде» (Дымарский 1999: 42).

Отдельно необходимо определиться с концептом «энтропия».

Энтропия как понятие термодинамики сегодня активно используется в различных науках. В частности, в статистической физике это мера вероятности пребывания системы в данном состоянии, в теории информации – мера неопределенности и т.п. (НИЭС 2001: 836). Концепт энтропия в современной науке коррелирует с такими понятиями, как «информация», «организация», «избыточность» и «упорядоченность». Все эти термины в контексте исследуемой проблемы в отношении к понятию текста как системы нуждаются в четком определении.

1. Под энтропией понимается мера неопределенности (непредсказуемости) развития текста в дискурсивном процессе, характеризующуюся возможностью выбора в качестве последующего некоего этапа из ряда вариантов. Показатель энтропии количественно характеризует уровень информационной упорядоченности текста как системы: чем он больше – тем менее упорядочена система (=текст), тем больше ее отклонение от «идеального» развития. Таким образом, энтропия - это функция состояния; любому состоянию системы можно придать вполне определенное значение энтропии. В термодинамике достижение максимума энтропии характеризует наступление равновесного состояния, в котором уже невозможны дальнейшие энергетические превращения: вся энергия превратилась в теплоту и наступило состояние теплового равновесия. При максимальной энтропии на уровне текста можно говорить о том, что текст перестал быть таковым, т.е. утратил все признаки текста.

2. Информация – снятие неопределенности в системе путем реализованного выбора варианта, непредсказуемого по отношению к предшествующим состояниям системы. В нашем случае следует различать информацию о системе (= о тексте) и информацию, которая «содержится» в системе (= в тексте). В первом случае информация – мера организации системы. При этом математическое выражение информации тождественно выражению для энтропии, взятой с обратным знаком. Как энтропия системы выражает степень ее неупорядоченности, так информация показывает меру ее организации. Второе значение информации связано с философским концептом отражение. Относительная информация из потенциальной, какой она является в «вероятностном идеальном» тексте при реализации коммуникативной ситуации превращается в актуальную, т.е. происходит ее иллокутивная «передача» и восприятие на уровне отражения. В этом случае количество информации определяется как величина, обратно пропорциональная степени вероятности того события, о котором идет речь в сообщении. Синергетически это означает, что если в системе происходят изменения, отражающие воздействие другой системы, то можно сказать, что первая становится носителем информации о второй. Ср. точку зрения В. П. Руднева, который отмечает, что «энтропия и информация суть величины, равные по абсолютной величине, но противоположные по направлению, то есть с увеличением энтропии уменьшается информация… Вещи увеличивают энтропию, тексты увеличивают информацию; текст движется в направлении уменьшения энтропии и накопления информации» (Руднев 1996: 12).

3. Под избыточностью следует понимать меру изначальной предсказуемости выбора последующего состояния системы, вследствие чего сам этот выбор не приводит к появлению новой информации; при этом сама предсказуемость выбора обусловлена предшествующими состояниями системы. При исследовании и обработке языка избыточность следовать учитывать на двух уровнях: на уровне слова и на уровне последовательности слов (= текста). В контексте нашей проблемы важен именно второй фактор. Р. Солсо отмечает, что языки обладают значительной избыточностью. На примере английского языка он показывает: «Если бы мы решили уменьшить избыточность, используя только слова из четырех букв, то из них можно было бы составить 456 976 комбинаций (от АААА до ZZZZ). Лексика такого объема могла бы передавать ту же самую информацию, что и полный язык, но при этом ошибки различения похожих слов несомненно возросли бы. Избыточность как характеристика сигнала весьма облегчает жизнь маломощным информационным процессорам, населяющим эту планету» (Солсо 2002: 294). С этой точки зрения избыточность не мешает адекватному восприятию информации «маломощным» реципиентам, хотя, в какой-то мере, «ухудшает» идеальный текст, рассчитанный на «идеального» (в плане восприятия) адресата.

В нормативно-языковом аспекте избыточность фактически означает наличие какого-либо коммуникативного дефекта (см. ниже).

4. Под упорядоченностью понимается количество (мера) информации для описания системы (система является тем более упорядоченной, чем меньше требуется информации для ее описания). Если рассматривать идеальный текст как систему, то максимально упорядоченным будет такой коммуникативно воспроизводимый текст/дискурс, в котором абсолютно все подчинено одной главной цели – реализации макроинтенции. Естественно, что в этом случае для

описания (и анализа) такого текста потребуется меньше информации, чем для текста с большим количеством коммуникативных дефектов и точек бифуркации, в которых система «разворачивается» не в магистральном направлении.

5. Организацией считается способность системы опережающим образом реагировать на информацию. В плане анализа текста это означает, что «идеально» составленный (структурированный и т.п.) и безупречно реализуемый в прагматическом аспекте текст/дискурс «предсказуем» в интенциональном плане: каждый последующий фрагмент (фраза, высказывание) логически продолжает предыдущий в достижении основной цели – макроинтенции.

Кроме определения приведенных выше дефиниций, необходимо отметить следующее.

Энтропия текста/дискурса во многом обусловлена институциональностью. В процессе речевого общения в рамках социальных институтов (суд, школа и т.п.) уровень энтропии значительно ниже, чем, например, при выступлении поэта перед аудиторией или при фатическом общении друзей. По мнению исследователей, «энтропия возрастает в художественных текстах и разговорной речи, уменьшается в публицистике и научно-технической речи» (Герман 2000: 66). Ср. также: «художественный язык имеет… более высокую избыточность и высшую энтропию, представляющие собой величины приблизительно обратно пропорциональные» (Левый 1975: 300).

На вероятность адекватного понимания текста влияют такие факторы, как объективное представление коммуникативного намерения адресанта, уровень способности распознавания звуковых (графических) сигналов и умение соотнести их с фонетическими, морфофонематическими, морфологическими, лексическими и синтаксическими признаками, специфическими для данного языка, эмоциональная мотивированность адресата, способность интегрировать все виды информации, поступающие по различным каналам: ситуативную, социальную, концептуальную, эмоциональную, эстетическую и др.

Кроме того, для анализа текста важным аспектом является изучение пропозициональных структур, так как пропозиция является базовой единицей обработки информации в тексте (=«семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций» (ЛЭС 1990: 401)).

Считается, что структура текста представляет собой не просто перечень (набор) содержащихся в нем пропозиций, но между последними существуют отношения иерархии: некоторые из пропозиций «выше по рангу», некоторые занимают подчиненное по важности положение. При «извлечении» из памяти прочитанного или услышанного текста первыми приходят на память пропозиции высокого ранга. Таким образом, тематическое устройство текста можно представить в виде иерархии ("лестницы") пропозиций.

Для энтропийного анализа текста необходимо определиться с понятием «коммуникативный дефект».

Под коммуникативным дефектом понимаются ненормированные коммуникативно проявляющиеся языковые факты, включающие собственно ошибки и коммуникативные сбои.

Если ошибка как лингвистическое явление (низкий уровень языковой компетенции, недостаточная культура владения родным языком и т.п.) в традиционном понимании не требует уточнения, то «коммуникативный сбой» как понятие коррелирует с дефиницией «норма». Во многом сбой «обусловлен» несоблюдением языковой (речевой) нормы. При этом, как отмечает Н.Л. Шубина, коммуникативной сбой наблюдается в том случае, когда участники коммуникации используют разный набор кодов для передачи и получения информации. Наглядным примером может служить «подключение» в процессе коммуникации неизвестного для одного из участников кода (другой язык, метаязык, паралингвистические средства) (Шубина 1996: 15).

В то же время, не относятся к коммуникативным дефектам так называемые коммуникативные приемы – отступления от нормы, которые продуцент речи использует сознательно для реализации авторской коммуникативной стратегии. Кроме того, доказано, что коммуникативные дефекты (сбои и ошибки), в отличие от интенционально обусловленных интересами адресанта приемов, непроизвольны для говорящего. При этом если причина и

структурная характеристика коммуникативного сбоя или ошибки весьма расплывчаты и неопределенны, то, как отмечает Л. Н. Мурзин, структура приема очерчена четко. Это особенно относится к тем приемам, которые в русской традиции обычно называются фигурами (ср. антитезу, инверсию, повтор и др.) (Мурзин 1980).

В качестве примера можно взять повтор. В отличие от повторов-ошибок, не осознаваемых говорящим, повтор-прием характеризуется симметричностью расположения повторяемых компонентов. Эта симметричность и служит определенным сигналом для слушающего, знаком того, что данный повтор выполняет прагматическую функцию. По мнению Н.Л. Шубиной, многие повторы в речи следует рассматривать как своеобразные актуализаторы. Причем при каждом повторе меняются просодические характеристики речи. Повторы в этом случае выполняют апеллятивную функцию (прием убеждающей речи). В спонтанной речи часто используются повторы-паузы с ослабленными просодическими характеристиками. Это «островки» для отдыха или выбора новых приемов для поддержания общения. Такого рода повторы реализуются почти автоматически. Но их следует отличать от повторов, которые создают переакцентуацию (возникновение дополнительного смысла при помощи интонационных средств). Такому повтору часто сопутствуют и другие весьма активные в современном русском языке процессы: растяжка гласных и согласных, самоперебивы, нефонематическое удлиннение (Шубина 1996).

Из выше сказанного следует, что и коммуникативные сбои, и приемы, и собственно ошибки могут быть выявлены в речи только в контексте оппозиции норма-антинорма. Понятие нормы в сегодняшней языковой ситуации требует отдельного рассмотрения.

Как известно, под влиянием современных социально-политических и экономических условий существования российского социума усиливается воздействие обиходно-разговорной речи на литературный язык. В связи с этим возникает вопрос о необходимости кодификации и сознательной регулировки не только литературного языка и его письменной формы, но и тех его разновидностей, которые всегда рассматривались как нелитературные или периферийно-литературные. Поэтому традиционное определение нормы как «совокупности наиболее пригодных, предпочитаемых для обслуживания общества средств языка» (Барнет 1976: 47) сегодня может быть отнесено не только к вербальным явлениям «литературного» уровня. Более современным, на наш взгляд, с точки зрения необходимости сохранения преемственности национальной культуры, является оппозиция литературная традиция - речевой стандарт (см. Горбачевич 1981). Кроме того, в контексте коммуникативно-деятельностного направления современной лингвопрагматики можно выделить оппозицию кодификационная (системно-стилистическая) норма – коммуникативная (ситуативная) норма.

Если понятие кодифицированной нормы достаточно полно рассмотрено в традиционной лингвистике, то коммуникативная норма, коррелирующая с ортологическими, функционально-стилевыми, жанрово-речевыми, ситуативно-речевыми (включая и этические) особенностями вербального взаимодействия (Захарова 1993: 36) - феномен, являющийся прерогативой лингвопрагматики. Фактически, как отмечает И. Т. Вепрева, «каждый тип коммуникативной неудачи можно расценивать как отступление от коммуникативной нормы, регулирующей речевое общение. Коммуникативная норма в таком понимании выступает как родовое понятие-термин по отношению к другим типам норм» (Вепрева 1996: 139-140).

Следует отметить, что кодификации легче подвергаются коммуникативные нормы в институциональных дискурсах, когда регламентируемый речевой процесс планируется, регулируется, моделируется в контексте статусно-социальных ролей коммуникантов и т.п. (официально-деловая, научная, педагогическая, религиозная, дипломатическая, юридическая и другие сферы человеческой деятельности). Исследователями выявлена корреляция коммуникативной нормы и речевого жанра в зависимости от ситуации общения, коммуникативной цели, характера коммуникации и т.п. (Захарова 1999). Но, в то же время, кодификация профессионального речевого общения пока не нашла отражения словарях и нормативных справочниках.

Таким образом, мы обозначили основные понятия, которые имеют существенную значимость для осуществления энтропийного анализа текста.

При вычислении показателя (уровня) энтропии текста необходимо учитывать следующие количественные параметры.

1. Объем анализируемого текста на пропозициональном уровне (количество пропозиций).

2. Количество точек бифуркации (случаев возникновения флуктуаций) со знаком (-) – увеличение энтропии, или (+) – уменьшение энтропии (система возвращается на «магистраль»).

3. Количество «коммуникативных дефектов» (собственно ошибок и коммуникативных сбоев), приводящих к «ухудшению» реализации макроинтенции (замысла) автора.

4. Количество «коммуникативных дефектов», вызывающих флуктуацию (со знаком «плюс» или «минус») и, вследствие этого, совпадающих по местоположению в тексте с точкой бифуркации.

Наибольшую трудность вызывает вопрос об объеме текста. Вероятно, более подходящей единицей явилось бы высказывание как минимальная часть текста, характеризующаяся относительной коммуникативной самостоятельностью, но при этом возрастает роль субъективного фактора в определении границ отдельно взятого высказывания при переводе устного текста/дискурса в письменную форму и выделении предложений. Дело в том, что при анализе текста как графически «зафиксированного» устного дискурса практически невозможно вычленить в его структуре предложения в традиционном понимании этого термина. Поэтому есть смысл остановиться на таком показателе объема текста, как количество пропозиций, что, конечно, не является «идеальным» вариантом (ввиду сложности и неоднозначности толкования самого понятия), но, в целом, позволяет количественно «просчитать» информационный объем анализируемого материала.

Определенную трудность представляет и процесс выделения точек бифуркации, так как реализация макроинтенции автора – процесс сугубо личностный, индивидуальный, и позиция «стороннего наблюдателя» (исследователя) весьма уязвима. Возможен вариант, когда отступление адресанта от «прямой» траектории обусловлено какими-либо ситуационными причинами и является эффективным приемом. Но, вероятно, можно считать, что в точке бифуркации происходит «пропозициональный сбой» (нарушение макропропозиции), и это, фактически, искажает замысел автора.

Коммуникативные дефекты, совпадающие по местоположению в тексте с точкой бифуркации, - весьма редкое явление в институциональных текстах/дискурсах. В сфере «обыденной» речи такие факты наблюдаются, например, при «кодовом рассогласовании», когда адресант использует слово (афоризм, идиому и т.п.) в несвойственном ему значении или в акте коммуникации переходит на другой язык, диалект, слэнг и др., что вызывает неадекватную реакцию адресата и, вследствие этого, возникает флуктуация.

В итоге, формула подсчета показателя (уровня) энтропии может выглядеть так:

[illegible]

Где S – показатель (уровень) энтропии анализируемого текста.

m – количество коммуникативных дефектов;

V – «пропзициональный» объем текста (общее количество пропозиций);

N – количество точек бифуркации;

n1 – количество «положительных» точек бифуркации (флуктуаций), возвращающих текст на «магистраль»;

n2 - количество «отрицательных» точек бифуркации (флуктуаций), отклоняющих текст от «магистральной» развертки;

p - количество коммуникативных дефектов, наличие которых обусловило возникновение флуктуации.

После преобразований получаем итоговую формулу:

[illegible]

Отметим особую значимость (что получает выражение в математическом плане) количества «отрицательных» и «положительных» точек бифуркации. Первые, фактически, разрушают текст (и, соответственно, увеличивают его энтропию), вторые, возвращая адресанта на «магистральную» траекторию, уменьшают энтропию текста. В то же время, сумма точек бифуркации учитывается как отдельный показатель, так как, в принципе, любые подобные сбои не соответствуют «идеальной» речевой стратегии автора.

Таким образом, величина показателя (уровня) энтропии обратно пропорциональна «правильности» текста.

Рассмотрим «действие» предложенной формулы для подсчета уровня энтропии текста на примере анализа графически зафиксированного речевого фрагмента урока литературы в 10 классе общеобразовательной школы (речь учителя представлена без редакторской правки).

Ну, например, Николай Александрович Добролюбов. Откройте 36-ую страницу в своём учебнике и посмотрите. Я не смогла найти портрет, тем более мы не в своём кабинете. Николай Александрович Добролюбов – это замечательный русский критик, поэт. Им нельзя не восхищаться. В 13 лет он уже имел достаточные знания, которые накопил в впечатлениях от книг. Он основательно читал книги, записывал книгу в реестр. Реестр – это слово можно перевести как читательский дневник. Да? Сначала аннотации к книге у него были краткие, вот такие же, как мы с вами писали. Но потом всё более и более становились подробные отзывы, что привело к тому, что он стал писать критические статьи, то есть с детства он это делал. А потом о любви к чтению свидетельствует стихотворение, детское стихотворение Добролюбова, но в общем-то смысл-то в нём заложен глубокий. Это мечта Добролюбова о том, чтобы у всех было очень много книг, о том, чтобы всё познать и чтобы передать это людям.

Данный текст/дискурс, оформленный графически, несомненно является текстом. Это можно доказать, основываясь, например, на модели когнитивной обработки текста Ван Дейка и В. Кинча (Дейк, Кинч 1988), в которой авторы называют механизм установления значимых связей между предложениями текста стратегиями локальной когерентности (связности). В нашем примере адресант (учитель) пытается обеспечить эффективное восприятие текста учащимися путем конструирования локальной связности его частей (Откройте..; посмотрите…; записывал в реестр…; Реестр - это…; Сначала…; но потом..).

Итак, перед нами текст, хотя видно «невооруженным» взглядом, что ему присущи все существенные признаки устного развернутого высказывания: ситуативность, спонтанность, непроективный порядок слов, контекстуальный эллипсис, лексические повторы, самоперебивы и т.п. В то же время, этот текст несет информационную нагрузку, и информация усваивается адресатом (в данном случае – учащимися). С другой стороны, не вызывает сомнений тот факт, что в случае более «правильного» построения данного текста (т.е. уменьшения его энтропии), информация усваивалась бы адресатом более эффективно.

Проведем энтропийный анализ представленного фрагмента речи учителя.

Ну, например, Николай Александрович Добролюбов. Откройте 36-ую страницу в своём (1) учебнике и посмотрите (представленный там материал). (-) Я не смогла найти портрет, тем более (что) (2) мы не в своём кабинете. (+) Николай Александрович Добролюбов – это замечательный русский критик, поэт. Им нельзя не восхищаться. В 13 лет он уже имел достаточные(3) знания (много знал, потому что читал книги), которые накопил в впечатлениях от книг (4). Он основательно (5) (не просто) читал книги, (а) (6) записывал книгу (7) (краткое содержание прочитанного) в реестр. (-) Реестр – это слово (8) можно перевести как читательский дневник. Да? (+) Сначала аннотации к книге у него были краткие, вот (9) такие же, как мы с вами писали. Но потом (отзывы о книге становились подробнее) всё более и более становились подробные отзывы (10), что (впоследствии) (11) привело к тому, что он стал писать критические статьи, то есть с детства он это делал (12). А потом (13) (кроме того) о любви к чтению свидетельствует (детское) стихотворение, детское стихотворение (14) Добролюбова, (хотя) но (15) в общем-то смысл-то (16) (смысл) в нём заложен глубокий. Это мечта (17) (в детском стихотворении звучала мечта) Добролюбова о том, чтобы у всех было очень много книг, о том, чтобы (знать больше и свои знания) всё познать (18) и чтобы передать это (19) людям.

Курсивом выделены языковые факты, которые, вероятно, могут быть отнесены к коммуникативным дефектам, а потому должны быть или исправлены, или просто удалены. Возможные варианты «исправления» текста представлены в скобках. Знаками (-) и (+) указаны точки бифуркации. Оба отступления от макротемы «ликвидированы» адресантом (учителем).

Таким образом, количественные значения в формуле следующие:

m = 19 (количество коммуникативных дефектов);

V = 17 (“пропозициональный” объем текста);

N = 4 (количество точек бифуркации);

n1 = 2 (количество “положительных” точек бифуркации);

n2 = 2 (количество “отрицательных” точек бифуркации);

p = 0 (количество коммуникативных дефектов, наличие которых обусловило возникновение флуктуации).

Подставляем количественные значения в формулу:

[illegible]

Итак, уровень энтропии данного текста/дискурса – 1,35. Как показывает практика, подобный показатель «учительской» речи может достигать 3,0, при этом, естественно, интерпретация такого «текста» учащимися менее эффетивна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, если принять (по Дж. Р. Серлю) за истину утверждение о том, что число различных действий, которые мы производим с помощью языка, довольно ограниченно (сообщение о положении вещей, манипуляция; обязательство совершить нечто; выражение чувств и отношений; внесение изменений в существующий мир) и что в одном и том же высказывании мы совершаем сразу несколько действий, то можно сделать вывод: общение в педагогическом процессе – комплексная интеракция, имеющая сложную многоуровневую структуру и различные формы речевого «воплощения». В то же время, несмотря на то, что спонтанность и импровизационность дидактического коммуникативного акта в образовательной среде урока является причиной, препятствующей развернутому и осознанному планированию всех компонентов порождаемого дискурса, особые условия текстообразования и особая структура диалога, имеющего дидактическую цель, позволяют говорить об определенной степени упорядоченности процесса дидактического взаимодействия в образовательном процессе, что и было рассмотрено на примерах анализа дискурса.

Необходимо отметить, что предложенные методы анализа текста/дискурса с позиций функциональной лингвистики являются одним из «приближений» к решению проблемы изучения речевой деятельности. Очевидно, что необходимо учитывать дополнительные факторы, связанные с предметом исследования таких наук, как психология, социология, антропология и др., Безусловно, возникает ряд проблем, связанных с психологией восприятия информации и когнитивными процессами порождения высказывания.

В целом, изучение институционального дискурса и, в частности, анализ особенностей коммуникации в образовательной среде урока не только теоретическая, но и практическая проблема, так как сегодня эффективность коммуникативного взаимодействия в рамках общественных институтов (в том числе и в образовательном процессе любого уровня) во многом зависит от такого важнейшего компонента, как коммуникативная компетентность участников взаимодействия, предполагающая умение моделировать адекватные социально-общественным (профессиональным) ситуациям дискурсивные модели, выстраивать стратегии общения, а также прогнозировать последствия речевого взаимодействия и предвидеть возможность коммуникативной неудачи.

В заключение отметим следующее. Безусловно, функциональный анализ «устного языка» находится только в стадии определения подходов, поиска адекватных методов и др. На наш взгляд, эффективными в этом направлении могут (и должны) быть работы исследователей «на стыке» наук, что, впрочем, мы наблюдаем уже сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова И.Н. Дейктические характеристики текста спортивного репортажа // Языковое общение и его единицы. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. С.77-81.
2. Алещанова И.В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
3. Ананьев Б.Г. Клинико-психологический анализ восстановления речевых функций при моторной афазии // Психология чувственного познания. М., 1960.
4. Андерсон Дж. Когнитивная психология. - 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
5. Анопина О. Б. Концептуальная структура англоязычных рекламных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1997.
6. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР; Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45. – № 3.
7. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенсиональности. – М., 1988.
8. Арутюнова Н. Д. Референция // ЛЭС. М., 1990.
9. Бабенко Н. С. Жанровая типологизация текстов как лингвистическая проблема // Филология и культура. Тамбов, 1999.
10. Базылев В. Н. Российский политический дискурс (от официального до обыденного) // Политический дискурс в России. М., 1997.
11. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Нейролингвистическое программирование как практическая область когнитивных наук // Вопросы философии, 2005, № 1.
12. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С.108-118.
13. Барнет В. Языковая норма в социальной коммуникации // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976.
14. Барт Р. Лекция // Барт Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1994.
15. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.. 1986.
16. Бейлинсон Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
17. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. - М., 2000.
18. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М: Прогресс, 1974.
19. Богданов В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
20. Богданов В. В. Текст и текстовое общение. — СПб., 1993.
21. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград. – 1983.
22. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л., 1990.
23. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
24. Бэндлер Р., Гриндер Дж. Структура магии. Одесса, 2001.
25. Васильев Л. Г. Понимание гуманитарного научного текста: основы аргументативного подхода // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. Тверь: Изд-во Твер. ун-та 1998. С.146-149.
26. Вендлер 3. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 16: Лингвистическая прагматика.—М., 1985. — С. 238—250.
27. Вепрева И. Т. Разговорная норма: в поисках новых критериев // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: АРГО. – 1996.
28. Воробьева О. П. Текстовые категории и фактор адресата. — Киев, 1993.

29. Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация. Пермь, 1986.

30. Галееа Н.Л. Параметры художественного текста и перевод. Тверь, 1999

31. Гвоздева О.Л. Стратегии понимания нестандартного поэтического текста // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 2001. С.98-102.

32. Герман И. А. Лингвосинергетика. – Барнаул, 2000.

33. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М., 1992.

34. Гил Д. Знание грамматики, знание языка // Вопросы языкознания, 1996, № 2. С. 118-140.

35. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации. - М., 1997.

36. Гольдин В. Е., Дубровская О. Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи – 2. Саратов, 1999.

37. Горбачевич К. С. Нормы современного литературного языка. – М., 1981.

38. Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: Моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 14. — М., 1989. — С. 5-31.

39. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 16: Лингвистическая прагматика. — М., 1985.

40. Гудков Д. Б. К основаниям феминологической классификации текстов // Текст как женщина и женщина как текст. М., 2000. – С. 15-22.

41. Гудков Д. Б. Настенные надписи в политическом дискурсе // Политический дискурс в России - 3: Материалы раб. совещ. М.: Диалог-МГУ, 1999. С.58-63.

42. Гурочкина А.Г. Понятие дискурса в современном языкознании // Номинация и дискурс: Межвуз. сб. науч. тр. / Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина; Отв. ред. Майерко Л. А. — Рязань, 1999.

43. Гусева О. Б. Лингвопрагматический анализ дискурсивно-идиоматических параметров открытого письма в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000.

44. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

45. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

46. Дементьев В. В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи - 3. Саратов, 2002.

47. Денисова О.К. Реклама как одно из средств межкультурной коммуникации // Номинация. Предикация. Коммуникация: Сб. ст. к юбилею проф. Л.М.Ковалевой. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. С.218-226.

48. Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи - 2. Саратов, 1999.

49. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.). — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999.

50. Дымарский М. Я. Текст - дискурс - художественный текст // Текст как объект многоаспектного исследования: Науч.-методол. семинар "TEXTUS": Сб. ст. -СПб; Ставрополь, 1998. - Вып. 3, ч. 1. С. 18-26.

51. Жанры речи - 2. Саратов, 1999.

52. Захарова Е. П. Коммуникативная норма и речевые жанры // Жанры речи: Сборник научных статей. - Саратов, 1999.

53. Захарова Е. П. Коммуникативные нормы речи // Вопросы стилистики. Саратов, 1993.

54. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность. СПб.: Изд-во С.-Петербург, ун-та, 1997.

55. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва. – 1982.

56. Какурина И. Г. Общение и мотивация трудовой деятельности // Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987.

57. Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С.3-18.

58. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
59. Караулов Ю.Н. Что же такое «языковая личность?» // Этническое и языковое самосознание. М., 1995.
60. Карташкова Ф.И. Номинация в речевом общении / Иван. гос. ун-т. - Иваново, 1999.
61. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания, № 5, 1994.
62. Кибрик А.Е. Проблемы синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Москва. - 1982.
63. Колшанский Г. В. Текст как единица коммуникации // Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978.
64. Коротеева О. В, Дефиниция в педагогическом дискурсе: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
65. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Субъективная модальность как начало дискурсии // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова: Тезисы докл. — М., 1995.
66. Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке?// Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 107-117.
67. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. памяти Т.Г.Винокур. М.: 1996. С.135-138.
68. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // Вопросы языкознания, № 4, 1994.
69. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка, том 63, № 3, 2004.
70. Кубрякова Е. С. Память и ее роль в исследовании речевой деятельности // Текст в коммуникации. – М., 1991.–С. 4–21.
71. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность. — М., 2000.
72. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века // Вопросы языкознания. - М., 1994. - № 4. - С. 34-37.
73. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь: ЗУУНЦ, 1995.
74. Левицкий Ю. А. Проблема текста в лингвистике // Лингвистические и методические аспекты текста: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм гос. ун-т - Пермь, 1996.
75. Левый И. Теория информации и литературный процесс // Структурализм: “за” и “против”. - М., 1975.
76. Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Воронеж, 1999.
77. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
78. Лузина Л. Г. Распределение информации в тексте: Когнитивный и прагмастилистический аспекты. - М.. 1996.
79. Лурия А.Р. Травматическая афазия. М., 1947.
80. Лухьенбрурс Д. Дискурсивный анализ и схематическая структура // Вопросы языкознания, 1996, № 2. – С. 141-155.
81. Майданова Л.М. Газетно-публицистистический стиль: метаморфозы коммуникации // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 80-97.
82. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М., 2003.
83. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.
84. Мид Д. Аз и Я // Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994.

85. Миллер Дж. А. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. — М.,1990. - С. 236-283
86. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.
87. Михальская А. К. Педагогическая риторика: история и теория. – М., 1998.
88. Мишланов В. А. Функциональная грамматика в прикладном аспекте // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2005.
89. Мурашов А.А. Педагогическая риторика. М., 2001.
90. Мурзин Л. Н. Логическая и психологическая трактовка синтаксических процессов. – Пермь, 1980.
91. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986.
92. Новые направления социологической теории. М.: Прогресс, 1978.
93. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. - М., 2001.
94. Олешков М. Ю. Интенциональность как психолингвистическая основа моделирования процесса дидактической коммуникации // Альма-матер. Вестник высшей школы. – 2005a, № 3. – С. 56-57.
95. Олешков М. Ю. Лингвопрагматический аспект системного моделирования дискурса // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф., 14-16 апр. 2005 г., Екатеринбург, Россия / Под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005b. – С. 290-294.
96. Олешков М. Ю. Пропозициональная синхронизация в дидактическом дискурсе // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 15. - Екатеринбург. – 2005c. - С. 201-208.
97. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 17: Теория речевых актов. — М., 1986. — С. 22—130.
98. Панкратова О.А. Спортивный дискурс как предмет лингвистического исследования // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2001. С.214-218.
99. Пирогова Ю. К. Речевое воздействие в рекламе. М.: Изд-во Моск. гос. лингв, ун-та, 1996.
100.Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – М., 2003.
101.Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. — М., 1988.
102.Руднев В. П. Морфология реальности: Исследование по «философии текста». М., 1996.
103.Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
104.Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла. М., 1999. С. 337 - 383.
105.Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 17: Теория речевых актов. — М., 1986. — С. 170—194.
106.Серль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 18.: Логический анализ естественного языка. — М., 1986. — С. 242—264.
107.Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н.Ушаковой, Н.Д.Павловой. – СПб: Алетейя, 2000. – 316 с.
108.Современный словарь по педагогике / Сост. Рапацевич Е.С. – М., 2001.
109.Современный философский словарь. - М., 1998.
110.Солсо Р. Когнитивная психология. – СПб., 2002.
111.Сопер Поль Л. Основы искусства речи. Книга о науке убеждать. Ростов н/Д, 1999.
112.Стерн Н. Н. Симонз А. Разнообразие видов дискурса и развитие социологическою знания. (1979) // Современные тенденции в зарубежных социологических исследованиях. М.: ИНИОН 1994.
113.Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 16: Лингвистическая прагматика. — М., 1985. — С. 419—438.
114.Сухих С. А. Личность в коммуникативном процессе. – Краснодар: ЮИМ, 2004.

115.Теория функциональной грамматики. Введение. Аспекутальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987.

116.Тураева 3. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. — 1994. - № 3.

117.Фливбьерг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества // Вопросы философии. – 2002, № 2.

118.Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М., Рус. яз., 2002.

119.Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. - СПб, 1994.

120.Цветкова Т. М. Типология текстов и ситуации познания // Новое в коммуникативной лингвистике: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Канонич С.И. — М.: Моск. лингв, ун-т, 1999. — Вып. 447.

121.Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002.

122.Чейф У. Данность, контрастность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1983. — Вып. 11. — С. 277-316.

123.Чейф У. Л. Значение и структура языка. Москва. 1975.

124.Чернявская В. Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. - СПб., 1999.

125.Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

126.Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.; Волгоград, 2000.

127.Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С.88-98.

128.Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. — М., 1988. С. 212—233.

129.Шубина Н. Л. Об адаптивных процессах в спонтанной речи // Аспекты речевой конфликтологии. – Сб. ст. под ред. С. Г. Ильенко. - СПб., 1996.

130.Ягубова М.А. Речь в средствах массовой информации // Хорошая речь. Саратов: Изд-во Саратов, унта, 2001. С.84-103.

131.Якобсон Р. Избранные работы. – М., 1985.

132.Яцко В. А. Рассуждение как тип научной речи. Абакан: Изд-во Хакас, гос. ун-та, 1998.

133.Beaugrande R. de, Dressler W. Introduction to text linguistics. — L., 1981.

134.Brinker K. Linguistische Textanalyse. Berlin, 1992.

135.Brown G., Yule G. Discourse Analysis. —Cambridge, 1983.

136.Bybee, J. L., The Diachronic Dimension in Explanation. - Hawkins 1988. P. 350-380.

137.Chafe W. L. Prosodic and functional units of language // Talking Data: Transcription and Coding in Discourse Research. — Hillsdale; London, 1993. — P. 33—44.

138.Cicourel A. Cognitive Sociology. Harmondsworth: Penguin Books, 1973.

139.Cicourel A. Three Models of Discourse Analysis // Discourse Processes. Vol.3, 1980.

140.Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis. — London, 1977.

141.Critical discourse analysis: Theory and interdisciplinarity / Ed. by Weiss G., Wodak R. - Palgrave: Macmillan, 2003.

142.Dijk T. A. van. On macrostructures, mental models, and other inventions: A brief personal history of the Kintsch-van Dijk theory // Discourse Comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch. — Hillsdale, 1995.

143.Dijk T. A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. — The Hague, 1981.

144.DuBois, J., Competing Motivations. – Haiman, 1985. P. 345-365.

145.Edmondson W. Spoken Discourse: A Model for Analysis. — London, 1981.

146.Edwards D., Potter J. Discursive Psychology. — London, 1992.

147.Enkvist N.E. Success concepts // Nordic research on text and discourac. — ado, 1990 — P.17-26.

148.Foley W.A. Information structure // The encyclopedia of language and linguistics. — Oxford, 1994. - Vol. 3. - P. 1678-1685.

149.Ford, C., Grammar in Interaction: Adverbial Clauses in American English Conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
150.Givon T. Syntax. A functional typological introduction. — Vol. 2. — Amsterdam, 1990.
151.Givon, T. (ed.), Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study. (Typological Studies in Language, vol. 3.) Amsterdam: Benjamins, 1983.
152.Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns.—Frankfurt/M.,1981.
153.Haiman, J., Iconic and Economic Motivation. // Language 59. P. 781-819.
154.Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Forschungspraxis. B.2 -Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwiss., 2003.
155.Harre R,, Stearns P. (eds.) Discursive Psychology in Practice. — London, 1995.
156.Hausenblas К. Semantic conteests in a poetical work // Studies in functional stylistics. — Amsterdam, 1993. - P. 127-145.
157.Henne H., Rehbock H. Einfilhrung in die Gesprachsanalyse. — 2., verb. u. erw. Aufl. — Berlin; New York, 1982.
158.Hrebicec L. Text levels: Language constructs, constituents a. the Menzerath-Altmann law. - Trier: WVT Wss. Vert., 1995.
159.Hymes D. Toward ethnogfraphy of communicative events // Language and Social Context. Ed. by P. P. Giglioli. — Harmondsworth, 1972.
160.Jaeger S. Diskurs und Wissen. Theoretische und methodische Aspekte einer Kritischen Diskurs= und Dispositivanalyse. // Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Theorien und Methoden. B.1 – Opladen: Leske+Budrich, 2001,
161.Journal of pragmatics: Special issue: Cognitive perspective of language use. — 19 Amsterdam, 1991. - Vol. 16, № 5.
162.Keller R. Diskursforschung. Eine Einleitung fuer SozialwissenschaftlerInnen. – Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwiss., 2004.
163.Kempson R. Input systems, anaphora, ellipsis, and operator binding // Knowledge and language. — Vol. 2. — Dordrecht, 1993.
164.Kintsch W. The representation of meaning of memory. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1974.
165.Leech C. N. Principles of Pragmatics. — London, 1983.
166.Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini. - Leipzig, 1985.
167.Longacre R.E. Two hypothesis regarding text generation and analysis // Discourse prosesses. - Norwood, 1989. - Vol. 12, № 4. - P. 413-460.
168.Mann, W. C., S. A. Thompson. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization. // Text 8, 1988: 243-281.
169.Ochs E. Planned and unplanned discourse // Discourse and syntax. Syntax and semantics Vol. 12. - N.Y., 1979. - P. 60-78.
170.Ono, T., S. A. Thompson. What Can Conversation Tell Us about Syntax. - Davis, P. W. (ed.). // Alternative Linguistics: Descriptive and Theoretical Modes. Amsterdam: Benjamins, 1995: 213-272.
171.Ostman J., Virtanen T. Discourse analysis // Handbook of Pragmatics: Manual. — Amsterdam, Philadephia, 1995. —P. 239—253.
172.Radunzel C. Russische und deutsche Reden vor den Vereinten Nationen: eine kontrastive Analyse. Frankfurt a. M., 2002.
173.Recanati Fr. Domains of discourse // Linguistics and philosophy. - Dordrecht; Boston, 1996. - Vol. 19. - № 5. - P. 445-475.
174.Sacks, H., E. Schegloff, G. Jefferson. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. // Language 50, 1974: 696-735.
175.Schank R. C. Dynamic Memory: A Theory of Reminding and Learning in Computers and People. - Cambridge, New York, 1982
176.Schiffrin D. Approaches to Discourse. — Oxford; Cambridge, MA, 1994.
177.Schwab-Trapp M. Methodische Aspekte der Diskursanalyse. Probleme der Analyse diskursiver Auseinandersetzungen am Beispiel der deutschen Diskussion ueber den Kosovokrieg. // Handbuch

sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Forschungspraxis. B.2 -Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwiss., 2003, S.169-195.

178.Searle J. R. Conversation // Searle J. R. et al. (On) Searle on Conversation. — Amsterdam, 1992.

179.Sopher H. The archetypal patterns of discourse. // Semiotica. - Berlin, 1996.-Vol. 109, N 1/2.-P. 1-27.

180.Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition.— 2nd ed.— Oxford; Cambridge, MA, 1995.

181.Stenstrom A.-B. An Introduction to Spoken Interaction. — London, 1994.

182.Tanenhaus M. Psycholinguistics: an overview // Linguistics: The Cambridge survey. V. III. Cambridge (Mass.), 1988.

183.Textbeziehungen: linguistische und literaturwissenschaftliche Beitrage zur Intertextualitat / Hrsg. Klein J,, Fix U., - Tubingen: Stauffenburg, 1997.

184.Thompson, S. A., A. Mulac. The Discourse Conditions for the Use of the Complementizer That in Conversational English. // Journal of Pragmatics 15. P. 237-251.

185.Thompson, S. A., On Addressing Functional Explanation in Linguistics // Language and Communication, 1991, 11. P. 93-96.

186.Valin R. D. A synopis of role and reference grammar //Advances in role and reference grammar. — Amsterdam, 1993. — P. 1-164.

187.Viehoever W. Die Wissenschaft und die Wiederverzauberung des sublunaren Raumes. Der Klimadiskurs im Licht der narrativen Diskursanalyse. // Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Forschungspraxis. B.2 -Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwiss., 2003, S.233-267.

188.Wodak R. Disorders of discourse. - L.; N.Y.: Longman, 1996.

ГЛОССАРИЙ

Акт дискурсивный – речевая или жесто-мимическая минимальная коммуникативная единица, которая в каждом конкретном случае употребления в разговоре имеет свою специфическую значимость с точки зрения развития речи как системы действий.

Акт интеракционный – минимально различимая единица коммуникативного поведения (У. Эдмондсон)

Акт иллокутивный – речевой акт с точки зрения интенции говорящего и иллокутивной силы высказывания.

Акт коммуникативный - последовательность актов, функционально объединенных иерархически доминантной целью; сугубо условный фрагмент дискурса, представляющий собой модель коммуникации взаимодействия; условно замкнутое единство двух коммуникативных действий: стимула и реакции.

Акт локутивный – акт произнесения («акт высказывания» – Дж. Серль).

Акт перлокутивный – речевой акт, выражающий результат речевого воздействия, которого говорящий интенциально достигает, выполняя локутивный и иллокутивный акты.

Акт ретический - использование слов с определенными смыслом и *референцией*.

Акт речевой – минимальная единица общения (Д. Франк).

Акт фатический - произнесение определенных слов (определенных типов звукосочетаний), принадлежащих определенному словарю, соответствующих определенной грамматике и выступающих именно в этом качестве.

Актант - любой член предложения, обозначающий лицо, предмет, участвующий в процессе, обозначенном глаголом (противопоставлен *сирконстантам,* указывающим на время, место, образ действия и др. обстоятельства процесса. Л. Теньер различал три актанта: первый (подлежащее), второй (прямое дополнение - агенс пассивного глагола) и третий - косвенное дополнение) – ЛЭС, 1990.

Аллюзия — вид текстовой реминисценции, состоящий в соотнесении предмета общения с ситуацией или событием, описанном в определенном тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части, т.е. на содержательном уровне.

Анафора (*см. катафора*) - употребление слова или фразы, когда значение языкового знака раскрывается при ссылке справа налево.

Антиципация - предвосхищение, предугадывание.

Аппроксимативный - приблизительный**.**

Аттрактор - отдельная область упорядоченности открытой, сильно неравновесной системы.

Бехабитив – этикетное высказывание, перформатив, связанный в той или иной мере с поведением по отношению к другим людям и предназначенный выражать межличностные отношения и чувства (выражение отношения).

Вердиктив – высказывание, обязывающее говорящего совершить поступок определенного вида (реализация оценочного суждения).

Верификация - эмпирическая проверка.

Верифицируемость - истинность (см. *неверифицируемость*).

Гендерный стереотип - культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке.

Герменевтика - искусство толкования текстов.

Гипероним - слово или словосочетание с родовым, более обобщенным значением по отношению к словам или словосочетаниям видового, менее обобщенного значения; например: *хвойное дерево и сосна.*

Дейксис – указание как значение или функция языковой единицы.

Девербатив – отглагольное существительное.

Денотат - то, что обозначается знаком, его внеязыковой коррелят.

Деривация семантическая - образование производных значений от исходных без изменения формы знака; совершается по моделям семантической деривации - метафорической, метонимической, гипонимической.

Дескрипции - неспециализированные формы побуждения, кодирующие побудительный смысл как рефлексивную репрезентацию происходящего или предполагаемого «положения дел».

Диверсификация (от лат. *diversus -разный* и *facere - делать)* - универсальный механизм преобразования модально-фатической макроинтенции целого коммуникативного акта в согласованную с ней последовательность микроинтенций (не обязательно фатических) отдельных речевых поступков, конституирующих дискурс говорящего *(узнать об X, рассказать об Y, попросить Z* и др.) (И. Н. Борисова).

Дискурс - макроструктура коммуникации, совокупная коммуникативная деятельность взаимодействующих сторон в пределах коммуникативной ситуации.

Дискурс институциональный - общение, осуществляемое в общественных институтах, например в медицинских или учебных заведениях.

Дискурс стереотипный жестко регламентированный - коммуникативная ситуация, в которой развертывание дискурса соответствует фазам развития социальной ситуации: установление контакта, обмен взаимно ожидаемыми действиями, результат.

Дискурс стереотипный нежестко регламентированный - характерен для ситуации «светского» взаимодействия.

Дискурса аспекты семантики - реляционный, референциальный, предикационный.

Дискурса компоненты прагматического содержания - интенциональный, ориентационный (дейктический), пресуппозиционный, импликационный, экспрессивно-оценочный, субкодовый (функционально-стилистический), модальный, коммуникативно-информационный (фокальный).

Дискурса содержательный план - семантическое и прагматическое значения.

Диссипативностъ - способность системы "забывать" детали внешних воздействий.

Значение - концепт, актуализируемый в сознании как информационная функция другого, актуализирующего его концепта.

Значение актуальное - значение знака в конкретном случае его речевой реализации.

Значение грамматическое - значение значимых единиц языка, не способных к самостоятельной номинации связанного с ними смысла.

Значение имплицитное - эксплицитно не выраженное речевое некодифицированное значение (значение сверх собственного словарного значения языковых единиц и сверх регулярных правил их семантического комбинирования и модификации); возникает в результате взаимодействия эксплицитных значений с обстоятельствами и условиями их речевой реализации.

Значение эксплицитное - прямое или переносное значение, непосредственно выражаемое знаком.

Интерференция межъязыковая - 1) взаимовлияние языков, приводящее к отклонению от нормы минимум одного из контактирующих языков (лингв.); 2) перенос речевых навыков (псих.).

Импликатура — термин для обозначения различий между буквальным значением высказывания и теми его значениями, которые словесно не выражены, но подразумеваются говорящим и воспринимаются адресатом, т. е. существуют и передаются имплицитно (Г. Грайс).

Импликация - мыслительная операция, основанная на отражении сознанием реальных линейных связей, зависимостей, взаимодействий вещей и признаков; мыслительный аналог связей действительности.

Импликация внутритекстовая - имплицитно присутствующая в тексте информация, выводимая из его содержания и обусловливающая его дальнейшее понимание.

Имплицитный – подразумеваемый, невыраженный, «скрытый».

Интерпретативная деятельность адресата - принципиальная невозможность адекватно понять смысл непрямого высказывания вне конкретной ситуации общения и актуализация нескольких смыслов такого высказывания одновременно.

Инференция - умозаключение, формируемое участниками коммуникации в процессе интерпретации получаемых сообщений.

Катафора (*см. анафора*) - употребление слова или фразы, которые соотносятся с другим словом или фразой, используемым (ой) *позднее* в разговоре или тексте; катафорическая связь имеет место при направлении *референции* слева направо.

Квазицитация — воспроизведение всего текста или его части в умышленно искаженном виде.

Клише — готовая речевая формула, критерием для выделения которой служит регулярность ее появления в определенных повторяющихся речевых ситуациях (Т. М. Дридзе).

Когезия – формальная связанность текста; связь элементов текста, при которой интерпретация одних элементов текста зависит от других (М.А. Кронгауз).

Когеренция – смысловая связность текста.

Когнитивная база - определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений (термин Д. Б. Гудкова) того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, ментально-лингвального комплекса (В. В. Красных).

Когнитивное пространство индивидуальное - определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий (В. В. Красных).

Когнитивное пространство коллективное - определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум (В. В. Красных).

Комиссив – высказывание, основным свойством которого является обязывать говорящего к определенной линии поведения (принятие обязательства или заявление о намерении).

Коммуникативная ситуация - фрагмент коммуникативного пространства, локализованного на основе факта коммуникативного взаимодействия в контексте социальной ситуации.

Коммуникативное действие - единица коммуникативной деятельности, средство достижения поставленной цели.

Коммуникативного действия иллокутивная сила - обеспечивает *побудительность* коммуникативного действия.

Коммуникатиного действия перлокутивная сила - способствует *результативности* коммуникативного действия.

Коммуникативного взаимодействия условия (внешние, внутренние) - факторы, обусловливающие процессы коммуникации (число участников, отнесенность к определенному времени, степень подготовленности речи, фиксированность речи, назначение речи и др.).

Коммуникативной деятельности стратегическая цель - стремление к созданию новой относительно момента взаимодействия действительности, удовлетворяющей актуальным потребностям его участников, их мотивам.

Коммуниктативный ход (макроакт) - последовательность коммуникативных актов, комплекс действий, иерархически организованный вокруг целевой доминанты (Ван Дейк).

Коммуникативный (интерактивный) ход – минимально значимый элемент коммуникативного акта, вербальное или невербальное действие одного из участников коммуникации.

Коммуникативный шум - один из компонентов дискурса, помехи, снижающие эффективность коммуникации и могущие привести к ее прекращению (Е. А. Селиванова).

Коннотация - сумма эмоционально-оценочных компонентов, сопровождающих денотативное значение в реальном речевом акте и влияющих на конечный смысл воспринимаемого высказывания; проявляет себя чаще всего как речевой, а не как языковой феномен.

Констатив - описание ситуации.

Контекст (глобальный) - составляющая дискурса, включающая условия коммуникативного взаимодействия адресанта, текста и адресата, погруженных в интериоризованное бытие и семиотический универсум (Е. А. Селиванова).

Контекст (коммуникативный) - компонент устного дискурса, обстановка непосредственного общения (Е. А. Селиванова).

Контракция - семантико-синтаксическая фигура речи, предполагающая пропуск среднего звена в трехзвенной цепочке с последовательным подчинением; например: *зеленый шум* (Н. А. Некрасов) вместо *зеленого леса шум*.

Концепт - квант знания, которым оперирует человек в процессе мышления и который отражает результат познавательной деятельности; представляет собой семантическую категорию наиболее высокой степени абстракции.

Ко-текст – речевой контекст.

Лингвосинергетика - теория самоорганизующихся систем.

Ментальное пространство - мыслительная область, область концептуализации, конструируемая мышлением в процессе восприятия или порождения дискурса; ментальные пространства структурируются посредством фреймов и различных когнитивных моделей.

Нарратив - повествовательное произведение любого жанра и любой функциональности.

Неверифицируемость – характеристика перформативного высказывания, означающая неприложимость к перформативам критерия истинности/ложности.

Неконвенциальность - внутренняя характеристика непрямого высказывания, которое означает не то, что сказано.

Номинация - проявление свойства языковых единиц актуализировать в сознании связанную с ними мысль.

Норма - лингвокультурная традиция.

Облигативные побуждения - побуждения, выражающие стремление адресанта подчеркнуть обусловленность ожидаемого от адресата действия его социальной ролью.

Обмен - единица общения интеракционной природы, предполагающая мену коммуникативных ролей; концепт, динамически организующий функциональное единство коммуникативных ходов; различают простые (двухкомпонентные) и сложные (комплексные) обмены.

Оптативные побуждения - побуждения, в которых репрезентируется мотивировка, представленная интересами адресанта, адресата, третьего лица.

Партитурность - реализация двух (в диалоге) или нескольких (в полилоге) замыслов речевых партий участников (И. Н. Борисова).

Персуазивная функция концепта текста **-** использование концепта прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения.

Перформатив - предикат (глагол) перформативного высказывания, т.е. высказывания, которое, сообщая о действии, само является этим действием.

Постсуппозиция (проспективная импликация) - суждение, выступающее по отношению к рассматриваемому высказыванию его логическим следствием, необходимым или вероятностным.

Прескриптивный – нормативный.

Пресуппозиция (презумпция – Е. В. Падучева**)** – термин, обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как аномальное в данном контексте; пропозициональный компонент высказывания, ложность которого делает все высказывание неуместным или аномальным (М.А. Кронгауз); пропозициональный компонент высказывания, истинность которого следует и из самого высказывания, и из его отрицания; суждение, выступающее по отношению к рассматриваемому высказыванию его логическим условием, необходимым или вероятностным.

Пресуппозиция прагматическая – отношение между говорящим и уместностью высказывания в контексте.

Пресуппозиция предтекстовая - совокупность знаний и представлений «среднего» носителя определенного языка, необходимая для понимания текста.

Прецедентная ситуация – имеющая инвариант восприятия некая «идеальная» ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности (В. В. Красных).

Прецедентное имя - индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, или с *прецедентной ситуацией* (В. В. Красных)

Прецедентный текст - текст, хорошо известный носителям данной культуры, значимый для них и неоднократно упоминаемый в общении; прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы до эпоса (по Ю. Н.Караулову); вербальный феномен, законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу (В. В. Красных).

Программирование реакций адресата - создание скрипта, описывающего последовательность действий в стереотипной ситуации и исключающего вероятность неадекватной реакции.

Пропозиция – значение предложения; семантический инвариант, общий для всех членов коммуникативной парадигмы (базовая когнитивная единица хранения информации).

Проспекция языковая - свойство языковых знаков предопределять появление других языковых знаков на основе особых когнитивных моделей семантизации и экстраполяции.

Релевантность – смысловое соответствие между информационным запросом и полученным сообщением.

Реминисценция - явление, наводящее на сопоставление с чем-либо.

Реплика - номинация речевого шага, понимаемая как слова одного из собеседников.

Репликовый шаг – формально-структурная единица диалога, фрагмент дискурса одного говорящего, отграниченный речью других.

Референт – объект действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок; предмет *референции.*

Референция – отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен или их эквивалентов к объектам действительности (*референтам, денотатам*).

Речевой стереотип - модель коммуникативного акта, в основе которого лежит ритуализация речевого поведения, которая позволяет прогнозировать речевые действия участников коммуникации и реализовать стратегический подход в стандартных речевых ситуациях.

Речевая стратегия - план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для «обработки» партнера, специфический способ речевого поведения, совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи.

Речевая тактика - одно или несколько речевых действий, способствующих реализации стратегии.

Речевое действие - элементарная единица речевого общения, вычленяемая по признаку наличия иллокутивности.

Речевой ход - связан со сменой коммуникативных ролей.

Речевой шаг - одно/несколько высказываний в пределах одного речевого хода.

Синергетика - взаимодействие многих подсистем внутри системы.

Ситуация - фрагмент объективно существующей реальности, частью которой являются как экстралингвистические, так и собственно лингвистические феномены (В. В. Красных).

Стиль - языковая реализация экстралингвистически обусловленных факторов речевой ситуации.

Суггестивные побуждения - побуждения, в которых выражается экспрессивная оценка происходящего и/или предполагаемого.

Суперконцепт - актуализация глобального понятия.

Сценарий - определенным образом организованные когнитивные структуры, управляющие коммуникативным действием; отражает взаимодействие участников коммуникации типа «S-S».

Сценарий (скрипт) - схема событий, имеющая временное измерение; сценарии состоят из эпизодов, последовательность и содержание которых зависимы от культурных и социальных факторов.

Тема дискурса (discourse topic) – макропропозиция.

Топик - макротема текста.

Топикальный узел - тема в каждой смысловой единице предложения, которая прямо соотносится с макротемой текста.

Топос - пространство (область), представляющее собой некоторое множество общепринятых пресуппозиций, представлений и понятий; топосы являются средством типологизации пресуппозиций или коллективного знания (Р. Ратмайер).

Фрейм - иерархически организованная структура данных, аккумулирующая знания об определенной стереотипной ситуации или классе ситуаций.

Фрейм - схема ситуации; когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов (М.Л. Макаров)

Штамп языковой / речевой — избыточно эксплицированный сложный знак (Ю.А. Сорокин); *клише*, которое по той или иной причине потеряло для интерпретатора свою первичную информационную нагрузку, стало дисфункциональным (Т. М. Дридзе).

Эквиакциональность – равнозначность действию (главное свойство *перформативов*).

Эквитемпоральность – совпадение времени перформативного глагола с моментом речи.

Экзерситив - высказывание, означающее принятие решения или пропаганду в пользу или против какого-то образа действий (проявление влияния или осуществление власти).

Экспектации - ожидания участников коммуникации по поводу дальнейшего хода общения, способность "предсказать", что именно последует далее,

Эксплицитный – имеющий открытое выражение, маркированный.

Экспозитив - пояснительный перформатив, разъяснение оснований, аргументов и сообщений; ядро высказывания при этом обычно или часто имеет прямую форму «утверждения», но в его начале стоит эксплицитный перформативный глагол, указывающий, каким образом «утверждение» должно входить в контекст беседы, разговора, диалога (обеспечивает пояснение - exposition).

Элиминация – устранение.

Языковая картина мира - совокупность языковых, коммуницируемых фреймов.

Оглавление